

ISSN 2072-8522
ISSN (online) 2310-7278

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия *Русская филология*

ФОРМЫ ИНТЕНСИВА
В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ А.С. ПУШКИНА

РИТОРИЧЕСКИЙ БЛОК В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ

СУДЬБА ТРАДИЦИЙ КАРАМЗИНИЗМА
В ТВОРЧЕСТВЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ
В ГОРОДСКОЙ ПРОЗЕ ЮРИЯ КАРАБЧИЕВСКОГО

2015 / № 6

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522

2015 / № 6

ISSN (online) 2310-7278

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета» (все его серии) включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по наукам, соответствующим названию серии.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

ISSN 2072-8522

2015 / № 6

ISSN (online) 2310-7278

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN OF THE MOSCOW STATE
REGIONAL UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник МГОУ»: Московский государственный областной университет

Выходит 6 раз в год

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»

Хроменков П.Н. — к. филол. н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)

Ефремова Е.С. — к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Клычников В.М. — к. ю. н., к. и. н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Антонова Л.Н. — д. пед. н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. — д. псих. н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. — д. ф. н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клобуков Е.В. — д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. — д. пол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. — д. э. н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. — д. пед. н., проф., Московский государственный областной университет

Поляков Ю.М. — к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. — д. ф.-м. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухуни Г.Т. — д. филол. н., проф., Московский государственный областной университет

Чистякова С.Н. — д. пед. н., проф., член-корр. РАО

ISSN 2072-8522

ISSN (online) 2310-7278

Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2015. № 6. М.: ИИУ МГОУ. 136 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26173

Индекс серии «Русская филология»

по Объединенному каталогу «Пресса России» 40718

© МГОУ, 2015.

© Издательство МГОУ, 2015.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник МГОУ»**

г. Москва, ул. Радио, д. 10а, офис 98

тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Редакционная коллегия серии «Русская филология»

Ответственный редактор серии:

Лекант П.А. — д. филол. н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Шаповалова Т.Е. — д. филол. н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Самсонов Н.Б. — к. филол. н., доц., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Алексеева Л.Ф. — д. филол. н., проф., МГОУ; **Аношкина В.Н.** —

д. филол. н., проф., МГОУ; **Леденёва В.В.** — д. филол. н., проф.,

МГОУ; **Киселёва И.А.** — д. филол. н., доц., МГОУ; **Копосов Л.Ф.** —

д. филол. н., проф., МГОУ; **Шаталова О.В.** — д. филол. н., проф.,

МГОУ; **Воропаев В.А.** — д. филол. н., проф., МГУ им. М. В. Ломоно-

сова; **Моторин А.В.** — д. филол. н., проф., Новгородский государ-

ственный университет им. Ярослава Мудрого; **Нагорный И.А.** —

д. филол. н., проф., Белгородский государственный националь-

ный исследовательский университет; **Петров А.В.** — д. филол. н.,

доц., Северный (Арктический) федеральный университет

имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск); **Рацибурская Л.В.** —

д. филол. н., проф., Нижегородский государственный универси-

тет им. Н.И. Лобачевского; **Супрун В.И.** — д. филол. н., проф.,

Волгоградский государственный социально-педагогический

университет; **Аврамова В.Н.** — доктор филологии, проф., Шу-

менский университет имени Епископа Константина Преславско-

го (Болгария); **Вегвари В.** — к. п. н., доц., Печский университет

(Венгрия); **Гусман-Тирадо Р.** — д. филол. н., проф. Гранадский

университет (Испания); **Догнал Й.** — к. филол. н., д. философии,

доц., Институт славистики Университета им. Масарика (Чешская

Республика); **Колларова Е.** — д. философии, проф., Католиче-

ский университет в Ружомберке (Словакия); **Норман Б.Ю.** —

д. филол. н., проф., Белорусский государственный университет

(Республика Беларусь); **Финк-Арсовск Ж.** — д. филол. н.,

проф., Загребский университет (Хорватия); **Шеншина В.А.** —

д. филол. н., Хельсинкский университет (Финляндия)

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the MSRU»: Moscow State Regional University

————— Issued 6 times a year —————

Series editorial board «Russian philology»

Editor-in-chief:

P.A. Lecant – Doctor of Philology, Professor, MSRU

Deputy editor-in-chief:

T.Ye. Shapovalova – Doctor of Philology, Professor, MSRU

Executive secretary of the series:

N.B. Samsonov – Ph.D. in Philology Sciences, Associate Professor, MSRU

Members of Editorial Board:

L.F. Alekseyeva – Doctor of Philology, Professor, MSRU;

V.N. Anosh-kina – Doctor of Philology, Professor, MSRU; **V.V. Ledeneva** – Doctor of Philology, Professor, MSRU; **I.A. Kiseleva** – Doctor of Philology, Associate Professor, MSRU; **L.F. Koposov** – Doctor of Philology, Professor, MSRU; **O.V. Shatalova** – Doctor of Philology, Professor, MSRU; **V.A. Voropayev** – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University; **A.V. Motorin** – Doctor of Philology, Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University; **I.A. Nagorny** – Doctor of Philology, Professor, Belgorod State National Research University; **A.V. Petrov** – Doctor of Philology, Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov; **L.V. Ratsiburskaya** – Doctor of Philology, Professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; **V.I. Suprun** – Doctor of Philology, Professor, VSPU; **V.N. Avramova** – Doctor of Philology, Professor, University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria); **V. Vegvari** – Ph.D. in Pedagogical Sciences, Associate Professor, University of Pécs (Hungary); **R. Guzmán Tirado** – Doctor of Philology, Professor, University of Granada (Spain); **J. Dohnal** – Ph.D. in Philological Sciences, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Institute of Slavonic Studies, Masaryk University (Czech Republic); **E. Kollarova** – Doctor of Philosophy, Professor, Catholic University in Ruzomberok (Slovakia); **B.Yu. Norman** – Doctor of Philology, Professor, Belarusian State University (Republic of Belarus); **Ž. Fink Arsovski** – Doctor of Philology, Professor, University of Zagreb (Croatia); **V.A. Shen-shina** – Doctor of Philology, Helsinki University (Finland)

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Publishing council «Bulletin of the MSRU»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Principal of MSRU (Chairman of the Council)

E.S.Yefremova – Ph. D. in Philology, Chef of information and editorial management of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MSRU

Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of «Literaturnaya Gazeta»

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G. T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MSRU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8522

ISSN (online) 2310-7278

Bulletin of the Moscow State Regional University. Series «Russian Philology». 2015. № 6. M.: MSRU Publishing house. 136 p.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0077-26173

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 40718

© MSRU, 2015.

© MSRU Publishing house, 2015.

The Editorial Board address:

Moscow State Regional University

10a Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Евсюкова Т.В., Шилова Е.С.</i> ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ.....	8
<i>Канафьева А.В.</i> ПРАГМАТИКА РИТОРИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В НЕКОТОРЫХ ЖАНРАХ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА	16
<i>Коренева Ю.В.</i> СТРУКТУРА СИМФОНИИ: К ВОПРОСУ О ТЕМАТИКО-ИДЕОГРАФИЧЕСКОМ ЧЛЕНЕНИИ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА.....	21
<i>Леденёва В.В.</i> КРАСИВО О НЕЛЮБИМОМ: О ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ РЕКЛАМЫ УСЛУГ СТОМАТОЛОГИИ.....	27
<i>Лекант П.А.</i> ФОРМЫ ИНТЕНСИВА В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ А.С. ПУШКИНА	32
<i>Ливинская И.В.</i> К ВОПРОСУ О РЕГИОНАЛЬНОМ ВАРИИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА.....	37
<i>Орехова Е.Н.</i> РИТОРИЧЕСКИЙ БЛОК В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ	43
<i>Самсонов Н.Б.</i> КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СФЕРА ЛИЦА.....	50
<i>Щемелинина И.Н.</i> КОНЦЕПТ БОГ В СОЧИНЕНИИ Г. КОТОШИХИНА «О РОССИИ В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА».....	55

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Айрян З.Г.</i> КОНЦЕПЦИЯ ИСТИНЫ В ТВОРЧЕСКОМ ВИДЕНИИ ЮННЫ МОРИЦ	63
<i>Алпатова Т.А., Киселева И.А.</i> СУДЬБА ТРАДИЦИЙ КАРАМЗИНИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА.....	67
<i>Белукова В.Б.</i> ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ГОРОДСКОЙ ПРОЗЕ ЮРИЯ КАРАБЧИЕВСКОГО.....	75
<i>Блудилина Н.Д.</i> «ДУХ НОВОГО ВРЕМЕНИ» В СТАТЬЯХ «ВЕСТИКА ЕВРОПЫ» (1802-1804).....	81
<i>Крылова С.В.</i> РОЛЬ СИГНАЛЬНЫХ СЛОВ В ПОЗДНЕЙ ПРОЗЕ Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «ПРОДЛИСЬ, МГНОВЕНЬЕ!»)	93

Павлова А.В. ЖИЗНЕОПИСАНИЕ И ДУХОВНЫЙ ОБЛИК СТАРЦА АМВРОСИЯ ОПТИНСКОГО В БИОГРАФИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА 1891 ГОДА «ОПТИНСКИЙ СТАРЕЦ АМВРОСИЙ (ИЗ ПИСЬМА К РЕДАКТОРУ «ГРАЖДАНИНА»)»	99
Сапченко Л.А. «ГИШПАНЦАМ ЖЕЛАЮ ДОБРА...» (Н.М. КАРАМЗИН И ИСПАНИЯ)	106
Снычева Е.А. СБОРНИК П.С. СОЛОВЬЕВОЙ «ИНЕЙ» (1905) КАК ОТРАЖЕНИЕ ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ ИСКАНИЙ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА	115

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ВАЛЕНТИНА ГРИГОРЬЕВНА БЕРЕЗИНА. К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ	125
«ДУХ ЦЕЛОМУДРЕННО-СВОБОДНЫЙ»: КРУГЛЫЙ СТОЛ, ПОСВЯЩЁННЫЙ ИЗУЧЕНИЮ ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА Н.М. КАРАМЗИНА	128

РЕЦЕНЗИИ

ЗАПОВЕДНЫЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР М.Ю. ЛЕРМОНТОВА КАК «ДОРОГА К ЦАРСТВУ БОЖИЮ» [1, С.151]. РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ «ДУХОВНЫЕ СМЫСЛЫ ПОЭЗИИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА: (И.А. КИСЕЛЁВА И ДР. М.: ООО «ДИОНА». 190 С.).	130
Наши авторы	134

CONTENTS

SECTION I. LINGUISTICS

<i>T. Evsyukova, E. Shilova.</i> THE PROBLEM OF SELF-IDENTIFICATION OF THE LINGUISTIC PERSONALITY IN SOCIAL NETWORKS	8
<i>A. Kanafieva.</i> PRAGMATICS OF THE RHETORICAL STATEMENT IN SOME GENRES OF THE RELIGIOUS DISCOURSE.....	16
<i>Y. Koreneva.</i> THE STRUCTURE OF THE SYMPHONY: TO THE THEMATIC AND CONCEPTUAL SEGMENTATION OF THE RELIGIOUS DISCOURSE	21
<i>V. Ledeneva.</i> NICELY ABOUT UNLOVED: LEXICAL-STYLISTIC MEANS OF ADVERTISEMENT OF DENTISTRY SERVICES	27
<i>P. Lekant.</i> FORMS OF INTENSIVE IN THE POETIC LANGUAGE OF A. PUSHKIN.....	32
<i>I. Livinskaya.</i> REGIONAL VARIATION OF THE NATIONAL LANGUAGE	37
<i>Orehova H.</i> RHETORICAL UNIT IN PRESS	43
<i>N. Samsonov.</i> COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC SCOPE OF PERSON	50
<i>I. Shchemelinina.</i> THE CONCEPT OF GOD IN THE BOOK BY G. KOTOSHIKHIN «ON RUSSIA IN THE REIGN OF ALEXEI MIKHAILOVICH».....	55

SECTION II. LITERARY STUDIES

<i>Z. Hayryan.</i> THE CONCEPT OF TRUTH IN THE CREATIVE VISION OF YUNNA MORITZ	63
<i>T. Alpatova, I. Kiseleva.</i> FATE KARAMZINISM'S TRADITIONS IN THE WORKS OF M. LERMONTOV	67
<i>V. Belukova.</i> EXISTENTIAL MOTIVES IN THE CITY PROSE OF YURIY KARABCHIEVSKIY	75
<i>N. Bludilina.</i> «THE SPIRIT OF THE NEW AGE» IN «VESTNIK EVROPY» ARTICLES (1802-1804).....	81
<i>S. Krylova.</i> THE ROLE OF SIGNAL WORDS IN LATER PROSE BY L. PETRUSHEVSKAYA (BASED ON THE STORY «WILL LAST THE MOMENT!»)	93

A. Pavlova. BIOGRAPHY AND SPIRITUAL IMAGE OF THE ELDER AMVROSIY OF OPTINA IN THE BIOGRAPHICAL NOVEL OF 1891 «THE ELDER AMVROSIY OF OPTINA (FROM A LETTER TO THE EDITOR OF «THE CITIZEN»))» BY K. LEONTIEV	99
L. Sapchenko. «I WISH WELL TO THE SPANIARDS... « (N. KARAMZIN AND SPAIN)	106
E. Snycheva. P. SOLOVIEVA'S COLLECTION «HOARFROST» (1905) AS A REFLECTION OF PHILOSOPHICAL AND AESTHETIC PURSUIT OF THE RUSSIAN SYMBOLISM OF THE SILVER AGE.....	115

SCIENTIFIC LIFE

VALENTINA BEREZINA. ON THE 100TH ANNIVERSARY	125
“THE CHESTE SPIRIT”: ROUND TABLE DEVOTED TO THE STUDY OF THE PERSONALITY AND WORKS OF N. KARAMZIN.....	128

REVIEW

INMOST POETIC WORLD OF M. LERMONTOV AS “THE ROAD TO THE KINGDOM OF GOD” (1, P. 151). REVIEW OF THE TEXTBOOK “THE SPIRITUAL MEANING OF M. LERMONTOV POEMS: (I. KISILEVA ET AL. – M.: ООО “DIONA”. – 190 P.).....	130
<i>Our authors</i>	134

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 8; 81:811

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-6-8-15

Т.В. Евсюкова, Е.С. Шилова

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Аннотация: В данной статье рассматривается проблематика самоидентификации языковой личности в социальных сетях. Авторы раскрывают особенности процесса виртуальной коммуникации и способы самопрезентации виртуальной языковой личности. В работе отмечены основные различия между «сетевой» и «реальной» идентичностью. Также представлен анализ ведущих тенденций по вопросу самоидентификации личности в сети. Позиция одной из тенденций заключается в несовпадении «сетевой» идентичности с реальной. Противоположная точка зрения состоит в том, что языковая личность стремится к подлинности как в объективной реальности, так и в коммуникативном пространстве социальных сетей.

Ключевые слова: социальные сети, языковая личность, самоидентификация, виртуальная коммуникация, «сетевая» идентичность, речевая деятельность.

T. Evsyukova, E. Shilova

Rostov State University of Economics

THE PROBLEM OF SELF-IDENTIFICATION OF THE LINGUISTIC PERSONALITY IN SOCIAL NETWORKS

Abstract. The article presents the problem of linguistic personality's self-identification in social networks. The authors reveal the peculiarities of the process of virtual communication and the methods of self-presentation of virtual linguistic personality. The paper highlights the key differences between «online» and «real» identity. Also, there is the analysis of major trends in the issue of self-identification of person in social network. The main purpose of one of the trends is the mismatch of the «network» and real identities. The opposite view is that linguistic personality seeks the authenticity in objective reality and in the communicative space of social networks.
Keywords: social networks, linguistic personality, self-identification, virtual communication, «network» identity, speech activity.

В данной статье представлен анализ тенденций, связанных с проблемой идентичности личности в Интернет среде и в частности в виртуальном пространстве социальных сетей. Проведённое нами исследование позволит определить специфику самоидентификации языковой личности в условиях коммуникации в социальных сетях.

Проблема самоидентификации личности в социальных сетях приобретает актуальность вследствие быстрого развития информатизации и глобализации общественных процессов. Отдельная личность и общество в целом находятся в поиске идентичности, которая представляет необходимый фундамент для становления и перспективного развития.

В настоящий момент процесс самоидентификации осложнён сверхбыстрым развитием информационных технологий и появлением новых сфер деятельности человека в Интернет пространстве. Проблематика проявлений самоидентификации в Интернет среде вызывает заинтересованность у культурологов, психологов, социологов, философов, антропологов. Возрастающая популярность Интернета в 1990-е гг., усовершенствования в среде информационно-коммуникационных технологий, способствовали созданию многих трудов и в сфере лингвистики. Некоторые исследователи (Sh. Turkle, 1995; A. Balsamo, 1995; Sh. Turkle, 1996; M. Sinnirella, 1998) изучали и прогнозировали влияние новых технологий на личность пользователя, в частности на его идентификацию.

В научной литературе термины «идентификация» и «самоидентификация» часто воспринимаются как полные синонимы. Их соотношение

аналогично соотношению семантики слов анализ – самоанализ, внушение – самовнушение, познание – самопознание, развитие-саморазвитие и т. п. В словаре психологических терминов нет отдельной словарной статьи для термина «самоидентификация», он рассматривается как синоним слова идентификация в 5-м значении: «(от лат. *identificare* – отождествлять). 5. Идентификация групповая – устойчивое отождествление себя с к.-л. (большой или малой) социальной группой или общностью, принятие её целей и системы ценностей (см. Социальная идентичность, Ценностные ориентации), осознание себя членом этой группы или общности. Син. автоидентификация, самоидентификация»[5].

В аспекте лингвистических исследований: самоидентификация – это процесс осознания и маркирование принадлежности индивида к какой-либо удовлетворению важнейшей человеческой потребности – потребности в социальной группе. Вербальная самоидентификация подчинена принадлежности к группе, за счёт чего проявляются сила, ценности и ресурсы данной группы. Такое причисление себя к группе носит демонстративный характер.

Демонстрация имеет место в ситуации вынужденного конструирования впечатления о себе и осуществляется в условиях как личного, так и делового знакомства, когда говорящий субъект считает, что информация о его принадлежности к какому-либо социальному сообществу может быть представлена адресату. Данная информация чаще всего сообщается при непосредственном контакте в диалогической речи и исполняет роль оптимизации взаи-

модействия, установления контакта, прагматическую задачу «коммуникативно-личной ориентации говорящего» [13, с. 29].

В связи с необходимостью реализации двух важных потребностей человека – этнических и идеологических – и происходит процесс определения собственной идентичности и идентичности другого [9, с. 72-76]. Благодаря развитию разнообразных коммуникационных ресурсов у современных людей существует много способов заявить о своей персоне, о своей роли в социуме, и, как результат, происходит процесс расширения выбора самоидентификационных средств вербализации и коммуникативных стратегий в области речевой деятельности.

Исследовав лингвистические труды, посвящённые вопросам самоидентификации личности, мы выявили две противоположные тенденции:

- «сетевая» идентичность не совпадает с параметрами реальной;
- стремление индивида к подлинности и самоутверждению как в объективной реальности, так и в коммуникативном пространстве социальных сетей.

С точки зрения первой тенденции, конструирование виртуальной идентичности возможно через осуществление социально-коммуникативного взаимодействия в различных стереотипных коллективных группах под различными «масками». Результативность таких «игр» в большей степени зависит от речевых способностей индивида, поэтому изучение идентичности неразрывно связано с рассмотрением понятия «языковая личность» [14, с. 9].

Среди разнообразных трансформаций собственной идентичности в

Интернет пространстве наиболее интересными для изучения являются:

- предоставление о себе частичной информации, строящейся по принципу самопрезентации;
- создание «сетевой идентичности», отличной от реальной.

В процессе коммуникации в социальной сети большинство коммуникантов указывают несоответствующие действительности данные: возраст, пол, гражданство или даже этническую принадлежность. Следовательно, есть пользователи, не реализующие настоящее «Я» в Интернет-среде. Это доказывает, что в Интернете личность создаёт некоторое количество «идентичностей», которые модифицируются в зависимости от интересов пользователя в конкретной ситуации. На основе этих суждений мы можем утверждать, что «сетевая» идентичность не совпадает с реальной.

Индивид формирует базовый метафорический ник в качестве основной позиции в речи данного коммуниканта, и в этом феномене реализуется его самоименование. В соответствии с этим, определение никнейма можно определить как метод экспликации конкретной роли индивида. Итогом становится появление вектора содержания беседы. Мы считаем, что через выбор ника коммуникант наделяет себя свойствами, которые считает определяющими. В ходе этих действий и осуществляется формирование речевого поведения индивида в виртуальном пространстве.

Исходя из того, что ники нацелены на различные грани самоидентификации, у них есть возможность для подчёркивания статуса индивида в социуме. М.А. Щербаков отмечает, что

«имя – это своего рода «точка сборки» всей структуры самоидентификации. В нём как бы присутствует понемножку от каждого уровня»[3].

Таким образом, осуществление виртуальной самоидентификации наделяет индивида способностью ощутить различные стороны самоопределения, детально вырабатывая более совершенные стратегии и тактики речевого поведения. Благодаря этому он существенно увеличивает и раскрывает уровень самоидентификации, что соотносится с самореализацией на коммуникативном уровне.

Условия, в которых осуществляется процесс самоидентификации, оказывают влияние на результат. На современном этапе развития общества информационно-коммуникативная практика определяется как доминирующая среди других антропологических практик. Это соответствует постулату о том, что «человеческие отношения, да и сама общественная жизнь невозможны без коммуникации» [10, с. 43]. Опираясь на это положение, мы можем сделать вывод, что и сама личность, объединяя все свои свойства, определяется прежде всего в процессе коммуникации.

Для принятия и реализации определённой роли в рамках текстового пространства, языковой личности необходимо ассимилироваться внутри него, ощутить его специфику, сформировать личную позицию для его восприятия.

Испанский философ Х. Ортеги-и-Гассет высказал интересное утверждение: «жить – значит выходить за пределы себя самого» [12, с. 339-340]. Это соотносится с размышлениями другого философа М.М. Бахтина:

«Изнутри себя самую жизнь не может породить эстетически значимой формы, не выходя за свои пределы, не перестав быть самой собою»[4, с. 63].

Таким образом, в тексте отражаются ситуации внешнего мира, которые трансформируются в словесную форму. Посредством текста индивид самовыражается в знаковом эквиваленте собственного мировоззрения. Мировоззрение, сформированное в процессе познания мира внутри социума, является результатом индивидуального восприятия многообразия мира.

Следует подчеркнуть, что наиболее важные аспекты самоидентификации в Интернете соотносятся с осознанием пространственно-временной дифференциации коммуникантов. Виртуальная коммуникация реализуется в ходе преобразований статуса пространственно-временных свойств. Е.Н. Вавилова обращает внимание на то, что «двойственность параметра места складывается из наличия реальных физических пространств авторов писем и некоего виртуального, в котором протекает данный дискурс», а также «вследствие непрерывности коммуникации возникает особый пласт времени, связанный с конситуацией общения» [6, с. 36].

Специфика самоидентификации языковой личности в социальной сети также определяется выбором вида социальной сети и, таким образом, коммуникативного пространства.

Процессы виртуальной и реальной самоидентификации отличаются степенью вовлечения в них самой личности. Виртуальная самоидентификация имеет также вторичный характер по отношению к реальной. При этом личностное развитие индивидов пре-

терпевает существенные изменения вследствие активного участия в виртуальной коммуникации в социальных сетях.

В результате социального взаимодействия между индивидами в сети каждый человек самоидентифицируется как личность, как социальный субъект и субъект коммуникации. Данные трансформации возможны вследствие как объективных, так и субъективных факторов.

Лингвисты, изучающие данную тему, объединяют такие термины, как «свобода идентификации» и «свобода коммуникации»: «Конструируемость личности в Интернете даёт свободу идентификации: виртуальное имя, виртуальное тело, виртуальный статус, виртуальная психика, виртуальные привычки, виртуальные достоинства и виртуальные пороки. А виртуальная идентичность, в свою очередь, даёт свободу общения» [7, с.224].

Коммуникативная компетенция виртуальной языковой личности определяется владением знаниями и навыками, важными для осуществления коммуникации в рамках виртуального дискурса. Обмен знаниями в виртуальном дискурсе определяется несколькими факторами: энциклопедическим, лингвистическим и интерактивным, специфическими в сравнении с реальным дискурсом.

Являясь промежуточным звеном в субъект-субъектной коммуникации, Интернет способствует изменениям условий социализации личности и приводит к образованию специального Интернет-этикета, который используется целыми сообществами [11]. Участники виртуальной коммуникации могут использовать различ-

ные языковые средства чтобы достичь необходимого результата в процессе коммуникации в виртуальном пространстве. В данном виде коммуникации язык в виде системы письменных знаков, представляет собой основное средство общения. Аватары, значки, рисунки, смайлики, графические изображения считаются второстепенными средствами общения.

Основную трудность в процессе виртуальной коммуникации в сравнении с реальным общением представляет передача эмоциональной составляющей речи. Для достижения нужного эмоционального эффекта субъекты электронной коммуникации «играют» с письменной формой языка. Этот процесс способствует изменению правописания, умножению согласных и гласных, появлению намеренных ошибок и др. В реальной устной речи мы также можем отметить похожие изменения. Однако на письме эти приёмы приобретают особое значение ввиду отсутствия иных способов передачи эмоциональных состояний.

Впоследствии такой видоизменённый язык считается отличительной характеристикой всех сетевых сообществ. Субъекты виртуальной коммуникации часто начинают применять отдельные языковые формы в своей реальной устной речи. Наряду с этим происходит процесс создания неофициальных словарей. Это даёт возможность появлению сетевого сообщества, которое объединяется в результате создания общих коммуникативных целей, интересов и посредством использования единого правила использования языковых средств. В результате мы можем отметить зарождение новой субкультуры людей, которые живут,

общаются, работают и отдыхают в Интернете.

С точки зрения второй тенденции, за последние годы уменьшилось число работ по тематике «сетевой» идентичности. Данному факту способствовали эксперименты психологов, в результате которых не было выявлено «расщеплённых» и «множественных» личностей, с которыми произошли подобные изменения под влиянием коммуникации в виртуальной среде. Так, американские и немецкие учёные провели исследование в 2010 году и доказали экспериментально, что социальные сети представляют собой эффективный ресурс для выражения реальной идентичности. Также было обосновано, что социальные сети способствуют трансляции различных аспектов личности, таких как - ближайшее окружение, образы поведения, интересы, внешность, симпатии и антипатии, которые в целом сообщают подлинную информацию о человеке, хотя отдельные параметры и могут быть идеализированы [1, с. 372-374.]. Таким образом, согласно проведённым исследованиям, в социальных сетях практически отсутствует ложная идентичность. Также доказано, что большой процент пользователей открыто заявляет о своей персоне и проецирует реальную идентичность в виртуальную среду.

Большинство авторов (Соколов, 2007; И.В. Костерина, 2008; M.D. Back, 2010; R.E. Wilson, 2012; М.М. Н.В. Зудилина, 2012) в последние годы не принимают саму идею конструирования сетевой идентичности. Они обращают внимание на стремление личности к достоверности и самовыражению как в объективной реальности, так и в Ин-

тернет пространстве. Самопрезентация индивида в Интернете имеет такие формы, как аватар, блог, страница в социальной сети, ник. Данные символические объекты привлекательны для пользователей с точки зрения свободы их использования и способствуют отражению подлинной сущности «Я». В пространстве социальных сетей индивид создаёт «виртуальную оболочку» для отражения проекции своей реальной идентичности. Пользователь, конечно, может представить ложную информацию такой проекции, но её убедительность в основном зависит от реальных способностей и возможностей индивида, например от его способности к актерскому мастерству.

И.В. Костерина пишет, что «мифы о конструировании и придумывании себе псевдоличностей в блогосфере, кажется, развенчаны окончательно: люди не хотят пользоваться тем преимуществом, которое воспевали раньше обитатели сети – анонимностью и возможностью примерить на себя другую социальную маску. <...> Игра с идентичностью в блогах часто приводит к раскрытию и публичному порицанию обманщика» [8, с. 183-191]. Также данный российский исследователь не приемлет концепции «виртуальной личности» и отмечает её несостоятельность по причине её полного слияния с реальной личностью. Она отмечает, что попытки по описанию «виртуальной идентичности» не имели успеха, поскольку она создаётся по принципам, схожими с действующими лицами в офлайне [8, с. 183-191].

Стоит отметить некоторые отличия между процессом становления личности в условиях виртуальной коммуникативной среды и процессом

самоидентификации личности в объективной реальности:

1. В условиях объективной реальности личность с момента рождения исследует и воспринимает себя обособленно от окружающего мира. – Также и в виртуальной коммуникации индивид оценивает все аспекты происходящего сквозь призму противопоставления. Это даёт начало развитию процесса психофизиологической самоидентификации.

2. На следующем этапе реальной жизни личность приобретает имя. – В условиях виртуального пространства пользователь именует себя самостоятельно, создавая ник, в котором и выражается суть его персоны. Развивается процесс психофизиологической самоидентификации, и появляется личностная самоидентификация.

3. Позже индивид отправляется в социум, причём ему не приходится выбирать определяющую его ячейку (речь идёт о младших и средних образовательных учреждениях). – В виртуальной среде личность имеет выбор сообществ для установления социальных контактов. Из личностной самоидентификации эволюционирует социальная. Желая достичь социальной идентичности, виртуальная личность осуществляет свой потенциал через противопоставление своей сущности с окружающей его действительностью.

В процессе карнавального общения в социальных сетях индивид представляет различные стороны своего реального или желаемого «Я», создаёт идентичности посредством виртуальных персонажей. Отсюда следует, что социальная и личностная идентификация в виртуальной коммуникации являются сознательным творческим процессом,

в котором главную роль выполняют средства репрезентации высказываний на языке киберпространства.

Исходя из того факта, что главной особенностью социальных сетей, как особого жанра Интернет-коммуникации, является наличие как синхронной, так асинхронной коммуникации, мы отмечаем специфику самого процесса самоидентификации.

Конструирование социальной идентичности в социальной сети как синхронного способа коммуникации, состоит из нескольких стадий, в результате прохождения которых происходит трансформация сетевой личности из статуса «новичка» в «старожилу». В языковом оформлении данный процесс отражает постепенный отказ от употребления параграфемки и отмечается предпочтение изложения мыслей в кратких формах, более мотивированное использование эмодиконов [14]. Это свидетельствует о том, что конструирование целостного образа «Я» затрудняется быстрой скоростью коммуникации и главное место занимает процесс приобретения социального статуса.

При рассмотрении асинхронной коммуникации, когда высказывания собеседников статичны во времени, предоставляется возможность повторного возвращения к написанному с целью анализа и оптимизации дальнейших коммуникативных действий, а следовательно, к более тщательному продумыванию своего образа.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 63 с.

2. Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. М., 2003. 672 с.
3. Вавилова Е.Н. Жанровая квалификация виртуального дискурса телеконференций: автореф. дис. канд. филол. наук. Томск, 2001. 36 с
4. Иванов Д.В. Виртуализация общества. Спб.: Петербургское востоковедение, 2002. 224 с.
5. Костерина И.В. Публичность частных дневников: Об идентичности в блогах Рунета // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2008. № 3. С. 183-191.
6. Лаппо М.А. Самоидентификация и самопрезентация в разных типах дискурса. Вестник НГУ. Серия: Психология. 2012. Том 6, выпуск 2. С. 72-76.
7. Луман Н. Невероятные коммуникации. Проблемы теоретической социологии. Вып. 3. СПб., 2000. 43 с.
8. Минаков А.В. Некоторые психологические свойства и особенности Интернет как нового слоя реальности. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psychological.ru/lim/obsheprof/psobshen/doc32.html> (дата обращения: 12.05.2015).
9. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры, 1991. 588с.
10. Шелякин М.А. Очерки по прагматике русского языка. М., 2010. 285с
11. Щербаков М. Кластерная теория интеграции. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ipd.ru/articles/ident_article.shtml. (дата обращения: 10.04.2015).
12. Школовая М.С. Лингвистические и семиотические аспекты конструирования идентичности в электронной коммуникации: автореф. дис. ... канд/ филол. наук. Тверь, 2005. 174 с.
13. Back M. D., Stopfer J. M., Vazire S., Gaddis S., Schmukle S. C., Egloff B., Gosling S. D. Facebook Profiles Reflect Actual Personality, Not Self-Idealization // Psychological Science. 2010. № 3. P. 372–374.
14. Suler, J.R. Identity Management in Cyberspace. Journal of Applied Psychoanalytic Studies, 2002. P. 455-460.

УДК 81'367. 322

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-6-16-20

Канафьева А.В.*Московский государственный областной университет*

ПРАГМАТИКА РИТОРИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В НЕКОТОРЫХ ЖАНРАХ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА

Аннотация. В статье рассматривается полифункциональность риторических высказываний, используемых в текстах Священного писания, в проповедях, в Слове Пастыря. Обращается внимание на высокую степень экспрессивности риторического высказывания, силу его воздействия на адресата, способность вызывать ответную реакцию. Анализируется использование риторического высказывания как аргументирующей единицы религиозного текста: аргументы от абсурдного; аргументы от невозможного; логические аргументы. Отмечается роль риторических высказываний в реализации религиозно-просветительской, поучительно-назидательной, воспитательной, эмоционально-воздействующей функций отдельных канонических текстов, а также некоторых современных жанров религиозного дискурса.

Ключевые слова: риторическое высказывание, религиозный дискурс, проповедь, убеждение, поучение, воздействие, нравственность.

A. Kanafieva*Moscow State Regional University*

PRAGMATICS OF THE RHETORICAL STATEMENT IN SOME GENRES OF THE RELIGIOUS DISCOURSE

Abstract. The article considers the multifunctionality of the rhetorical statements used in the religious texts, sermons, the Word of the Shepherd. The attention is drawn to a high degree of expressiveness of the rhetorical statements, its impact on the recipient and its ability to evoke a response. We analyze the use of the rhetorical statement as an argument unit of the religious text: arguments of the absurdity; arguments of the impossibility; logical arguments. We also note the role of the rhetorical statement in the implementation of the religious and educational, instructive and didactic, edifying, emotional functions of some canonical texts, as well as some modern religious discourse genres.

Keywords: rhetorical statement, religious discourse, sermon, persuasion, teaching, impact, morality.

В риторике риторические высказывания относятся к риторическим вопросам и определяются как фигура речи, выражающая «язык страстей, сильный и разительный, свойственный оратору в жару чувств, в стремлении души, в пылом движении сердца» [6, с.107].

Риторические высказывания, употребляемые в различных жанрах религиозного дискурса, отличаются торжественностью, возвышенностью, лаконичностью, имеют высокий эмоционально-экспрессивный уровень. Их вопросительно-риторическая форма способствует ответной реакции, отклику адресата, хотя и невербальному, отсроченному: «наиболее привязаны к адресату императивы и вопросы. <...> Утрата конкретного адресата изменяет коммуникативный статус речи, превращая вопрос в риторический всплеск, восклицание или проблему» [1, с. 361].

Риторические высказывания имеют древние корни. Они являются ключевыми единицами канонических текстов Священного Писания, содержащими непререкаемые утверждения, религиозные догмы о всемогуществе Творца – Создателя всего сущего: *Кто сотворил семизвездие и Орион, и претворяет смертную тень в ясное утро, а день делает тёмным как ночь, призывает воды морские и разливает их по лицу земли? – Господь имя Ему!* (Книга пророка Амоса) [2, с. 324]; *Кто это говорит: «и то бывает, чему Господь не повелел быть?» Не от уст ли Всевышнего исходит бедствие и благополучие?* (Ветхий Завет. Книга Плач Иеремии) [2, с. 291]; о Его влиянии на жизнь человека, погрязшего во грехе: *От Господа направляются шаги человека; человеку же как узнать путь свой? Кто может сказать: «я очистил моё сердце, я чист от греха моего?»* (Книга Притчей Соломоновых) [2, с. 175]; о невозможности постичь и познать Божественное таинство (человек бессилен перед могуществом Вседержителя): *Можешь ли ты исследованием*

найти Бога? Можешь ли совершенно постигнуть Вседержителя? Он превыше небес, – что можешь сделать? глубже преисподней, – что можешь узнать? Длиннее земли мера Его и шире моря (Ветхий Завет. Книга Иова) [2, с. 95].

Во многих риторических высказываниях Священного писания содержатся нравственные заповеди, которые должен соблюдать и которым должен следовать человек: самопожертвование, бескорыстие, требовательность к себе и умение искоренить в себе греховное, низкое, противное Вере и Господу, способность жертвовать своим ради блага других: *Если займы даёте тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность? Ибо и грешники дают займы грешникам, чтобы получить обратно столько же; Как можешь сказать брату твоему: брат! дай, я выну сучок из глаза твоего, когда сам не видишь бревна в твоём глазе? Зачем же вы и по самим себе не судите, чему быть должно? Если вы в неправедном богатстве не были верны, кто поверит вам истинное? И если в чужом не были верны, кто даст вам ваше?* (Новый Завет. Святое благоговение от Луки) [2, с. 415].

Риторические высказывания в текстах Священного писания используются нередко как аргументирующие, мотивирующие компоненты общего утверждения. Проводя аналогии с житейскими ситуациями, они представляют а) аргументы от абсурдного: *Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? и когда попросит рыбы, подал бы ему змею? Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем*

более Отец наш Небесный даст блага просящим у Него (Новый Завет. Святое благовествование от Матфея) [2, с. 392]; *Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые.* (Новый Завет. Святое благовествование от Матфея) [2, с. 393]; б) аргументы от невозможного: *Может ли кто взять себе огонь в пазуху, чтобы не прогорело платье его? Может ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих? То же бывает и с тем, кто входит к жене ближнего своего: кто прикоснётся к ней, не останется без вины* (Ветхий Завет. Книга Притчей Соломоновых) [2, с. 137]; в) логические аргументы: *Как может кто войти в дом сильного и расхитить вещи его, если прежде не свяжет сильного? Порождения ехиднины! как вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо от избытка сердца говорят уста; Какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душе своей повредит? Если будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?* [2, с. 396].

Риторические высказывания в проповедях реализуют многообразие функций, среди которых можно отметить религиозно-просветительскую, поучительно-назидательную, эмоционально-воздействующую.

Религиозно-просветительская функция проявляется в утверждении

Божественного начала всего сущего, в возбуждении Веры, в приобщении к учению Христа, святых апостолов, мудрейших служителей религиозного культа. Но проповедь не только образует, она наставляет, воспитывает, поучает, а поучение только тогда действительно, когда оно красноречиво, убедительно, искренно. Проповедник поучает, а массовый адресат воспринимает его наставления как руководство к действию. Риторические высказывания как нельзя лучше подходят для реализации этих целей. Они используются в проповеди чаще всего как логические или психологические аргументы, повышающие суггестивность проповеди, способствуют реализации конечной цели – убеждения. Использование аргумента «потребно тогда, когда предмет убеждения сформулирован ясно и эксплицитно. В этом случае, даже если аргументы не обладают стопроцентной доказательной силой, они могут склонить слушателя к тому, в чём мы его убеждаем» [9, с. 68]. Проповеднические речи направлены на разум и сердце верующих и ещё не укрепившихся в вере людей, призваны вызывать в них устремление к высоким Божественным истинам. Несомненно, что сила воздействия на воспринимающих проповедь зависит от личности проповедника, степени его искренности и убеждённости: «дело Божие нельзя совершать с небрежением. И истины, возвещать которые должен проповедник – о Боге и нашем спасении – так бесконечно велики и возвышенны, что в устах его они должны найти достойное для себя выражение». Проповедь должна вызывать «благоговейное одушевление» у человека [8, с. 83].

Блестящим примером использования риторических высказываний в указанных функциях являются проповеди Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Его Слово – образец совершенной речи, торжественной, яркой, эмоциональной, воспринимая которую адресат получает эстетическое удовлетворение, погружаясь в мир духовно-нравственных ценностей. Мы отметили примеры использования риторических высказываний в Слове Пастыря. Приведём некоторые из них: *А где же основная цель Бытия, ради которой человека создал Бог? Куда устремляем наши силы? Чем мы живём? Где забота о братьях наших меньших? Не превращаем ли мы заботы о плоти в похоть?* (Из проповеди Патриарха Кирилла от 15 февраля 2010 г.) [3, с. 45]. Этот каскад сменяющих друг друга риторических высказываний выражает нарастание силы эмоций, желания быть услышанным и понятым, достичь конечной цели – оценки каждым ценностного содержания его жизни, переоценке ценностей, обращения к Божественным истокам. Такая проповедь вряд ли оставит кого-то равнодушным и непременно заставит задуматься хотя бы на непродолжительное время: *А как живу я?*

Для Патриарха Кирилла система ценностей в человеческой культуре чрезвычайно важна. Размышляя о ней, Патриарх ставит перед аудиторией важнейшие вопросы ценностной картины мира: *«В чём смысл жизни? Почему мы должны поступать честно, даже если это идёт вразрез с нашими эгоистическими интересами? Почему мы должны ставить наши обязательства по отношению к другим выше наших желаний?»* <...>

А могут ли такие жизненно важные вопросы, затрагивающие глубины нашей внутренней духовной жизни, предлагаться как предметы для потребления в условиях рынка? [Там же]. В вопросительной риторической форме содержатся одновременно и ответы, которые можно представить в такой трансформации: *Смысл жизни в том, чтобы поступать честно, даже если это идёт вразрез с нашими эгоистическими интересами. Мы должны ставить наши обязательства по отношению к другим выше наших желаний. Такие жизненно важные вопросы, затрагивающие глубины нашей внутренней духовной жизни не могут предлагаться как предметы для потребления в условиях рынка. Однако воздействие в вопросительной форме, пусть и условной, несравненно сильнее: оно побуждает к размышлению, к оценке, к реакции. Ср. также: Язык нравственных норм понятен каждому. Нравственность – едина и неделима. Если, ссылаясь на права и свободы человека, мы раскрепощаем грех и не останавливаем проявления человеческой дикости...то почему мы удивляемся появлению людей, способных на убийства по национальному и религиозному признаку?* [4, с. 477].

Анализ использования риторических высказываний разных моделей в отдельных жанрах религиозного дискурса показывает их богатый коммуникативно-прагматический потенциал, непреходящую ценность как экспрессивной формы выражения важнейших христианско-нравственных заповедей, религиозных догм, субъективно-эмоциональных интенций отправителя речи, способность к усиленному воздействию на адресата.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. 1981. Вып. 4. Т. 40. С. 358-366.
2. Библиейские истины. В начале было слово / Сост. С.Б. Барсов. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 527 с.
3. Журнал Московской Патриархии. 2010. № 7.
4. Иларион (Алфеев) Патриарх Кирилл: жизнь и мирозерцание. М.: Эксмо. 2010. 560 с.
5. Канафьева А.В. Риторическое высказывание: формы, семантика, функции. Монография. М.: МГОУ, 2011. 202 с.
6. Кошанский Н. Ф. Общая реторика. Изд. 9-е. СПб., 1844. 106 с.
7. Лекант П.А. Категории рационального и эмоционального в русском языке и русской речи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. № 5. С. 44-48.
8. Певницкий В.Ф. Церковное красноречие и его основные законы. Изд. 2-е. Санкт-Петербург. 1908. 306 с.
9. Хазагеров Г.Г. Риторический словарь. М.: Флинта: Наука, 2009. 432 с.

УДК 811.161.1: 81'42

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-6-21-26

Коренева Ю.В.*Московский государственный областной университет*

СТРУКТУРА СИМФОНИИ: К ВОПРОСУ О ТЕМАТИКО-ИДЕОГРАФИЧЕСКОМ ЧЛЕНЕНИИ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА

Аннотация. В статье предлагается анализ тематико-идеографической структуры симфонии как жанра религиозной литературы. Указывается семантическое отличие употребления данного слова в религиозной сфере. Симфония по творениям святых отцов энциклопедично представляет духовную жизнь, включена в православный религиозный дискурс и формирует корпус знаний о нём, скоррелирована с концептосферой житийного текста. Корреляция симфонии с другими жанрами религиозного дискурса позволит в дальнейшем моделировать его тематико-идеографическую структуру.

Ключевые слова: симфония, религиозный дискурс, житие, тематико-идеографическая структура.

Y. Koreneva*Moscow State Regional University*

THE STRUCTURE OF THE SYMPHONY: TO THE THEMATIC AND CONCEPTUAL SEGMENTATION OF THE RELIGIOUS DISCOURSE

Abstract. The article presents an analysis of thematic and ideographic structure of the symphony as a genre of religious literature. The word symphony has distinctive features of its meaning in the religious sphere. The symphony on the writings of saint fathers represents the spiritual life, it is an element of the orthodox religious discourse and it generates the knowledge about it. The symphony is also related to the sphere of the hagiographic concepts. The research of symphony and other religious genres will make it possible to simulate the thematic and conceptual structure of orthodox religious discourse.

Keywords: the symphony, the religious discourse, the life of a saint, the thematic and conceptual structure

В корпусе русской религиозной литературы своё место занимает симфония – сборник изречений святого, преподобного старца или святителя. Изречения отбираются по письмам, поучениям, проповедям и классифицируются по тематико-идеографическому принципу. Такая разновидность духовного чтения преследует своей целью расположить умозаключения и замечания святого по тем или иным вопросам и сделать поиск ответа для читателя быстрым и удобным. Образцом симфонии по творениям святого служит симфония на книги Ветхого и Нового Заветов.

©Коренева Ю.В., 2015.

Изначально в православном религиозном дискурсе *симфония* (от греч. Συμφωνία – *созвучие*) означает «идеал взаимоотношений между Церковью и государством, заключающийся в том, что церковь и общество и, в частности, светская и церковная власти, находятся в состоянии согласия и сотрудничества (синергии), по аналогии с Божественной и человеческой природой Богочеловека Иисуса Христа, “нераздельны и неслиянны” <...>» [5]. С другой стороны, *библейская симфония* представляет собой «собрание всех встречающихся в Священном Писании слов в алфавитном порядке, с указанием места, где они находятся. Первая симфония для Библии появилась в начале XIII века на латинском языке. Первую русскую симфонию (отображала только слова, употребляемые в Псалтири) составил Антиох Кантемир в 1727 году. Полная симфония появилась лишь в 1900 году, её выпустил А.П. Лопухин» [5]. С третьей стороны, под симфонией понимается особый вид расположения высказываний и текстов святых отцов, своего рода энциклопедия-словарь, в алфавитном порядке предлагающий рассуждения на различные духовные вопросы по выделенным темам. Таким образом, видно семантическое развитие понятия именно в рамках религиозных, поскольку актуализированным в сознании говорящих значением всё же является значение музыкальное. В словаре Д.Н.Ушакова интересующий нас лексико-семантический вариант с пометой ‘*церк., лит.*’ дан последним в перечне после прямого значения ‘большое музыкальное произведение для оркестра’ и двух переносных ‘громкая музыка’ и ‘одно большое целое, в ко-

тором сливаются, объединяются различные составные части’ [10]. Вопрос о терминологическом статусе данного слова в религиозной сфере требует отдельного исследования и уточнений.

На текущий момент вышло в свет несколько симфоний по творениям святых отцов: по творениям преподобного Исаака Сирина, преподобного Амвросия Оптинского, по творениям преподобных Оптинских старцев в 2 тт., по творениям святителей Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова, Димитрия Ростовского, Тихона Задонского, Игнатия (Брянчанинова), Феофана Затворника, по творениям святого праведного Иоанна Кронштадтского, а также Энциклопедия изречений святых отцов и учителей Церкви по различным вопросам духовной жизни [4]. Для устранения недоумений следует сказать, что такой жанр духовного чтения, как симфония, не нов, поскольку типологически связан с древними сборниками поучений и сказаний, как, например, Добротолюбие. Сама номинация для книг данного вида – *симфония* – представляет собой переосмысление греческого слова в дискурсивных религиозных рамках, таким образом, симфонию можно считать разновидностью религиозной православной литературы, т. е. частью религиозного дискурса.

Само понятие религиозного в науке осмысляется в разных терминах: религиозный язык, сакральный язык, культовый язык, язык сакрума, молитвенный язык, язык Церкви, религиозный дискурс, религиозный стиль, религиозно-проповеднический стиль, религиозное употребление языка, духовная словесность, религиозная коммуникация [подробнее: 1], тео-

лингвистика. Религиозный дискурс постулируется как древнейший и важнейший тип общения, который «на протяжении очень длительного периода времени выступает в качестве одного из основных факторов языкового и культурного развития народов» [3, с. 15]. Также религиозный дискурс признаётся одним из институциональных дискурсов наряду с политическим, медицинским, спортивным дискурсами и прочими сферами человеческой коммуникации и рассматривается как некая модель, имеющая структурную организацию [2]. Религиозному дискурсу присущ свой хронотоп, поскольку «говорящий фиксирует в целостном континууме дискурса точку зрения, «наблюдательный пункт», с которого он (а стало быть, и слушатель) как бы воспринимает изображаемые события» [6, с. 32]. Следовательно, свойства религиозного дискурса, аналитически вычленяемые при его осмыслении, позволяют говорить о наличии у него определённой структуры, которую возможно представить как идеографическую. Очевидно логичной и ведущей видится роль религиозных текстов в реализации религиозного дискурса и, следовательно, религиозного сознания. Поскольку речь в нашем рассуждении идёт о православной концептосфере, то и в родо-видовом отношении под религиозным понимается прежде всего православная составляющая. Изучение религиозного дискурса осложняется тем, что «раскрыть всю полноту религиозного текста можно только обладая религиозными фоновыми знаниями, известными всем членам данного религиозного сообщества. Часто смысловые потери от отсутствия фоновых

знаний могут быть очень существенными» [11].

В этой связи симфония благодаря своей функциональной направленности и структуре может играть роль обучающего, может задавать парадигму формирования религиозного сознания, активизируя в нём те ключевые темы, которые важны для духовного совершенствования православного человека, т. е. симфония способна устранять лакуны в фоновых религиозных знаниях, пополнять и формировать их. В этом ключе симфония напрямую связана с житийным жанром, цель которого заключается в духовном воспитании человека по нормам православной жизни, внешней и, главное, внутренней, что также отражается на фоновых знаниях и, как следствие, на адекватном восприятии в прагмакоммуникативном и лингвокультурном аспектах житийного повествования. Связь симфонии и жития очевидным образом проявляется и в том, что симфония составляется обычно по творениям того святого, личность и житие которого хорошо известны православному народу. Предлагаемый в симфонии способ расположения материала демонстрирует присутствующее в сознании составителя и читателя тематико-идеографическое членение религиозно-духовной концептосферы. В центре нашего внимания и данной публикации находятся три симфонии: Симфония по творениям преподобного Амвросия, старца Оптинского [7], Симфония по творениям святителя Феофана Затворника [9] и Симфония по творениям святителя Игнатия (Брянчанинова) [8]. В сравнительном сопоставлении симфоний видно, что их тематическая структура однородна,

хотя и не идентична, что связано с вариантностью членения. В симфониях даны выдержки по темам: Благодать, Вера, Воля Божия, Гордость, Заповеди, Любовь, Отчаяние, Послушание и др.

Для иллюстрации выбраны примеры на букву «М».

Список 1. Тематика Симфонии по творениям святителя Игнатия (всего 329 тематических разделов):

Матерь Божия, месть, мечтательность, милосердие, милостыня, милость, мир (между людьми), мир Божий (мир Христов), мир невидимый, мир сей, мироздание, миряне, многоглаголанье, молитва, молитва Иисусова, молитва церковная, монастырь, монах, монашество, мудрование плотское, мудрость, мусульманство, мысль, мытарства

- *Кто хочет спастись, тот должен по силе своей творить милостыню душевную и телесную. Душевная милостыня состоит в прощении ближним их согрешений, то есть оскорблений и обид, нанесённых нам ближними. Милостыня телесная состоит в сильном вспоможении ближнему хлебом, одеждой, деньгами и странноприимством. Господь сказал: **блаженны милостивые, ибо они помилованы будут** (Мф. 5,7), т. е. спасутся. Напротив, суд без милости ожидает немилостивых (см. Ин. 2, 13), то есть немилостивым не спастись [8, с. 297] (Милостыня);*

- *Истинная молитва есть голос истинного покаяния. Когда молитва не одушевлена покаянием, тогда она не исполняет своего назначения, тогда не благоволит о ней Бог. Он не уничтожит **дух сокрушенный, сердце сокрушенное и смиренное** (Пс. 50, 19) [8, с. 320] (Молитва);*

- *Монашество есть установление Божие, отнюдь не человеческое [8, с. 351] (Монашество).*

Список 2. Тематика Симфонии по творениям преподобного Амвросия (всего 152 тематических раздела):

Мера, милосердие, милостыня, мир душевный, мнительность, молитва, молитва Иисусова, молчание, монашество (монашеский постриг, монашеская жизнь, переход в другой монастырь), монашество и мир, мощи

- *Кто жертвует что-либо Бога ради, тот и получит от Бога воздаяние, а не от людей [7, с. 121] (Милостыня)*

- *Молитва – вещь такая, что, прожив в монастыре несколько лет, не скоро научишься молиться как следует, а теперь пока молись, как умеешь и как можешь, только с мытаревой мыслью [7, с. 127-128] (Молитва);*

- *Поздравляю тебя с облачением в монастырское платье и желаю тебе пожить по-монастырски – в кротости и смирении, – чтобы смотреть свои немощи и неисправности, а других не судить. Кто судит и осуждает, тот то же самое после натворит... [7, с. 160] (Монашество).*

Список 3. Тематика Симфонии по творениям святителя Феофана Затворника (всего 66 тематических разделов):

Матерь Божия, мир духовный, молитва, мытарства

- *Правило молитвенное есть безопасная ограда молитвы... Молитва есть внутреннее дело, а правило молитвенное – внешнее. Но как без тела человек – не полный человек, так и без правила молитвенного молитва не полна. То и другое надо иметь и по силе исполнять... Что значит непрестанно молиться? – Быть непрестанно в мо-*

литвенном настроении. Молитвенное настроение есть мысль о Боге и чувство к Богу совместно [9, с. 328] (Молитва);

• Молитва Иисусова не талисман какой. Сила её от веры в Господа и глубокого с Ним сочетания сердца и ума. При таких расположениях призываемое имя Господа оказывается многодейственным. Одно повторение слов ничего не значит [9, с. 340] (Молитва).

В сопоставительном восприятии текстов симфоний показательны несколько аспектов. Во-первых, сами симфонии, как правило, анонимны, т. е. составитель/составители не указаны, поэтому узнать, кто именно создал такой алфавитный словоуказатель, часто невозможно (для нашего языкового материала исключением является Симфония по творениям святителя Феофана Затворника, составленная архимандритом Георгием (Тертышниковым)). Во-вторых, симфония делится на темы, и такое тематическое членение понятийно, что даёт основание номинировать структуру симфонии как тематико-идеографическую. В-третьих, выделение тем в симфониях связано прежде всего с внутренней духовной жизнью человека и её внешним проявлением (к примеру, тема *Пьянство* в Симфонии по творениям преподобного Амвросия). Данная особенность указывает на четвёртый аспект, а именно: перечень тем симфонии коррелируется с агиографической концептосферой, предлагающей совокупность концептов-лингвокультурем, создающих в житии образ святого: Молитва, Подвиг, Смерть, Дар, Дух, Трезвение и др. и отражающих как внешнюю жизнь подвижника, так и внутреннее состояние.

Такая корреляция закономерна, так как оба жанра являются составляющими религиозного дискурса, включение в данную корреляцию других религиозных жанров в дальнейшем позволит моделировать идеографическую структуру всего православного религиозного дискурса, исследования которого в современной отечественной лингвистике столь актуальны и востребованы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бугаева И.В. Религиозная коммуникация// Образовательный портал «Слово» [Электронный ресурс] URL: www.portal-slovo.ru (дата обращения 28.07.2011).
2. Карасик В.И. Религиозный дискурс// Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. С. 5-19.
3. Колокольникова М.Ю. Дискурсивный анализ в исторической лексикологии и семасиологии (на материале морально-этической лексики в западноевропейских языках Средневековья). Автореф. дисс.....д-ра филол. наук: 10.02.19. Саратов, 2011. 40 с.
4. Православная энциклопедия «Азбука веры». Справочники. [Электронный ресурс] URL: <http://azbyka.ru/otekhnika/Spravochniki/#70> (дата обращения 30.10.2015).
5. Православная энциклопедия «Азбука веры». Симфония. [Электронный ресурс] URL: <http://azbyka.ru/simfoniya.shtml> (дата обращения 30.10.2015).
6. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М., 2004. 320 с.: илл.
7. Симфония по творениям преподобного Амвросия, старца Оптинского. М., «ДАРЪ», 2007. 352 с.
8. Симфония по творениям святителя Игнатия (Брянчанинова). М.: ДАРЪ, 2008. 776 с.

9. Симфония по творениям святителя Феофана, Затворника Вышенского. Изд. 2-е. М., «ДАРЪ», 2008. 640 с. [Электронный ресурс] URL: <http://azbyka.ru/otechnik/assets/uploads/books/11543/> (дата обращения: 30.10.2015).
10. Толковый словарь русского языка: В 4 т./ Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940// [Электронный ресурс] URL: <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения: 30.10.2015).
11. Чернобров А.А. Специфика религиозного дискурса в лингвистике (Образование и культура России в изменяющемся мире. Новосибирск, 2007. С.94-98)/ А.А. Чернобров/ [Электронный ресурс] URL: <http://www.philology.ru> (дата обращения: 30.10.2015).

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-6-27-31

Леденёва В.В.*Московский государственный областной университет*

КРАСИВО О НЕЛЮБИМОМ: О ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ РЕКЛАМЫ УСЛУГ СТОМАТОЛОГИИ

Аннотация. Статья посвящается анализу текстов, рекламирующих услуги стоматологии. Дано представление о наиболее регулярно используемой в них лексике различных лексико-семантических групп лексико-семантического поля «Стоматология», которая отражает фрагмент языковой картины мира «Медицина». Показано, что благодаря использованию удачно подобранных слов услуги стоматологии (лечение, протезирование, продвижение препаратов для ухода за полостью рта и т. д.), к которым, как известно, не любит, по субъективным причинам, прибегать значительная часть людей, представляются в привлекательном свете, красиво, чего требует прагматика рекламного текста и его стилистические особенности.

Ключевые слова: язык рекламы, лексико-стилистические средства, лексико-семантическая группа, стоматология.

V. Ledeneva*Moscow State Regional University*

NICELY ABOUT UNLOVED: LEXICAL-STYLISTIC MEANS OF ADVERTISEMENT OF DENTISTRY SERVICES

Abstract. The article is devoted to the analysis of texts, advertising the services of dentistry. A description is given to the most regularly used vocabulary of different lexical-semantic groups of the lexical-semantic field "Dentistry", which reflects the fragment of the language picture of the world "Medicine". It is shown that due to the use of well-chosen words of dentistry services (treatment, prosthesis, the promotion of oral care products, etc.), which, as we know, many people for subjective reasons don't like to use, they are presented in an attractive light, nicely, as required by the pragmatics of the advertising text and its stylistic features.

Keywords: the language of advertising, lexical stylistic devices, lexical-semantic group, dentistry.

Нет необходимости указывать на то, что прагматика рекламных текстов требует использования в них средств, вызывающих стремление приобрести товар, воспользоваться услугой. Позитивной реакции на предложение и стимулирование спроса рекламный текст добивается различными средствами [1], в том числе лексикой, несущей в себе положительнооценочный заряд или развивающей его в контексте. Такой заряд может быть не только эксплицитным, но и имплицитным, т. е. передаваемым либо с помощью «встроенной» коннотации, либо

коннотации «возбуждаемой», текстостимулируемой, иными словами, характеризуется ингерентностью или адгерентностью.

В качестве материала исследования мы рассмотрели листовки, календари, буклеты и газеты, предлагаемые посетителям в медицинских учреждениях целенаправленно, а также распространяемые по принципу «в руки» с расчётом на широкое информирование и стимуляцию интереса к предложениям современной стоматологии у разных граждан.

Указание на разнообразие услуг при их значимости для современного человека относится к заметным и частотным приёмам воздействия на реципиента, когда сама номинация услуги «работает» как стимул для того, кто нуждается именно в ней, планируя посещение стоматолога: *Гибкий съёмный нейлоновый протез* ('пластинка с искусственными зубами верхнего или нижнего ряда' [3]); *Металлическая коронка* ('наружная часть зуба; металлический колпачок, надеваемый на зуб для сохранения его от порчи' [3]); *Брекеты-системы* (от [англ.](#) Bracket – 'скобка': конструкция, система для коррекции положения зубов); *Металлокерамика* (Германия); *Зубные протезы квандротти*.

Использование терминов различных лексико-семантических групп (ЛСГ) лексико-семантического поля (ЛСП) «Стоматология» [см. подробнее: 2], отражающих фрагмент русской языковой картины мира «Медицина» (*винир; диагностика; диоксид циркония; имплантат; ортодонтия; ортопедия; остеointеграция; пассивное самолигирование; ретенционный аппарат; самомигрирующая брекет-*

система; светоотверждаемая пломба; съёмный бюгельный протез и др.), сообщает предложению рекламного текста достоверность, стимулирует положительное отношение к нему, так как термин связывается в сознании потребителя с категорией профессиональной компетентности, в том числе проявляющейся в овладении современными материалами, технологиями и методами лечения: *Лечение кариеса с использованием наноматериала SDR; Компьютерная диагностика*.

К средствам оптимизации воздействия рекламы относятся варваризмы, неосвоенность которых русским языком, невзирая на восприятие их в качестве единиц ЛСП «Стоматология», придаёт острое ощущение новизны транслируемой информации: *Alpha BIO* (Израиль); *IMPRO* (Германия); *NOBEL* (США).

Обращают на себя внимание также книжные и нейтральные слова – отглагольные существительные, которые обозначают 'процесс и результат', указывают на услугу как на работу специалиста с обратившимся в клинику: 'успех' эксплицируется метонимической семой 'результативности' предполагаемой работы. Это мотивирует положительнооценочное восприятие отглагольного слова в тексте рекламы: *Восстановление* зуба ('процесс и результат действия по значению глаголу *восстановить*'); *Вам всегда предложат альтернативные по стоимости варианты лечения: качество лечения не зависит от размера кошелек!* ('процесс и результат действия по значению глагола *лечить*, *лечиться*'); *Отбеливание* ('процесс и результат действия по значению глагола *отбелить* / *отбелить*'); *Реставрация* зубов

(‘восстановление в первоначальном виде’); [скидка] 10% на **протезирование** (‘процесс / действие по значению глагола *протезировать*’) и т. д. Поэтому позитивны все слоганы, настраивающие на великолепный конечный результат с гарантией: *«Гелиосмедикал» Живи с улыбкой!*; ср.: *Хорошая техническая оснащённость клиник и использование современных технологий – гарантия качественного лечения.*

Это украшает текст и особенно актуально в коммуникативном и прагматическом плане, когда рекламой предлагаются услуги в столь нужной и важной для здоровья медицинской сфере, но необходимость прибегнуть к ним сдерживается у адресата устойчивыми негативными ассоциациями, с основой психологического свойства: боязнь боли, ожидание неприятных ощущений, воспоминания о пережитых некогда затруднениях, предчувствие затрат и др. (индивидуально). Фоновые знания русской языковой личности стоматологию нередко связывают с подобными. Так, на стимул зуб указываются наиболее частотные реакции *болит, боль, больной*, приводятся и выраженные глагольными формами (с компонентом ‘причина’) *вырвать, отломился, сломан*. В лексических значениях этих слов детерминируется сема ‘боль / страдание’. А завершает список слов-реакций единица ЛСГ агентивной лексики *стоматолог* [5], которая официально (ср. *зубной врач*) именуется специалистом в области стоматологии, где изучаются «заболевания полости рта, зубов, дёсен и прилегающих к ним областей» [3], способы, приёмы, средства их лечения. В славянской картине мира *больной* ассоциируется со словом *зуб*, занимаю-

щим пятое место в пространном списке после самых распространённых реакций *человек, здоровый, ребёнок, врач* [6, с. 32].

Рекламные тексты реагируют на данное положение обещаниями лечения без боли и страха: *Благодаря применению наркоза лечение зубов становится действительно безболезненным. Никакой боли и страха, дискомфорта или малейших неприятных ощущений – находясь во сне, пациент будет полностью избавлен от этих привычных составляющих визита к стоматологу.* Ключевое слово *безболезненно* (‘не вызывая, не причиняя боли’ [3]) поддержано синтагмой *никакой боли и страха, дискомфорта*, где отрицательное местоимение *никакой* дублирует семантику, формируемую префиксом *без-*. Эффект усиливается словом с градационным отрицательным компонентом *дискомфорт* (‘отсутствие комфорта, неудобство’ [3]), которое в отношении лечения называет наименьшее (т. е. наиболее привлекательное) негативное ощущение, что закрепляется следующей синтагмой: *[без] малейших неприятных ощущений*. Рекламный текст такой градацией уменьшает или снимает у реципиента чувство страха, предсказывает возможность благоприятного течения и достижения успеха в лечении без лишнего напряжения и психологических ударов. Ср.: *...лечите зубы с удовольствием!*

Важным и привлекающим в рекламе услуг стоматологии является аспект удобства и надёжности продукта, его качества: *Главная особенность – нет необходимости обтачивать опорные зубы. Сегодня съёмные протезы крепко держатся во рту и не выпадают*

из рта, более удобны, как правило, не влияют на качество речи. В семантическом объёме глагола *обтачивать*, который для пациента стоматологии обозначает труднопереносимую, требующую местной анестезии процедуру сокращения объёма зуба за счёт длительной инструментальной обработки его ('делать гладким или придавать определённую форму, обрабатывая каким-л. инструментом или на токарном станке' [3]), также есть имплицитные и конситуативно актуализируемые семы 'боль / страдание', придающие отрицательный коннотативный ореол слову. Указанием на новый тип протезирования (*съёмные протезы*) эти негативные компоненты в рекламном тексте заостряются, за счёт чего программируется предпочтение предлагаемой услуги, на основе положительнооценочных компонентов 'удобство', 'надёжность', 'простота' (*крепко держатся, более удобны*).

Реклама услуг стоматологии в явной и скрытой форме использует важность фактора времени. Семантика времени по-разному встраивается в текст. «Значения синтаксического времени, репрезентируемые интонационно-синтаксическими, морфолого-синтаксическими, лексико-семантическими, лексико-синтаксическими, конструктивно-синтаксическими средствами, являются составной и обязательной частью предикативного признака грамматической основы предложения» [8, с. 18]. Компонент 'время' в качестве стимулирующего потребителя оказывается наиболее актуальным, по нашим наблюдениям, в следующих планах: а) 'современно' (*ZOOM и BEVERLYHILLS на сегодняшний день считается...; Современные матери-*

алы! Высокая эстетика!; Самая современная технология!); б) 'быстро, в короткие сроки' (...мы поставим вам «мягкие» съёмные протезы, которые изготовим в кратчайшие сроки...; 17 клиник в 5 минутах ходьбы от метро!); в) 'однократно / одномоментно' (Вы получите белоснежную улыбку всего за 1 посещение!; Эти имплантаты являются настоящими чемпионами по прочности, обеспечивают быструю остеоинтеграцию и подходят для одномоментной имплантации); г) 'долговечно' – об ожидаемом результате (Гибкий! Удобный! Долговечный!).

Привлекательность рекламируемого поддерживается предложением выгодных финансовых условий лечения, протезирования, оказания иных услуг: *доступные цены, скидки, бесплатные консультации, рассрочка платежей; Бесплатная консультация стоматолога; Брекеты «Всё включено»; Возможно лечение и протезирование в рассрочку; Доступно; Зубные протезы Акри-фри со скидкой 30%; Кредиты на лечение на самых выгодных условиях, без первоначального взноса!*

Немаловажную роль в рекламе играют средства, с помощью которых отражается эстетический критерий при презентации услуг стоматологии, выдвигается обещание добиться красоты улыбки и т. п.: *Покрывной протез – самый красивый, современный и комфортный съёмный протез; Имплантаты Alfa Bio (Израиль) и Nobel (Швейцария – США) обеспечат Вам красивую улыбку на долгие годы. Наблюдения показывают, что указание на признак красоты (один из позитивных, желательных результатов обращения к стоматологам), относится к стратегиям продвижения и формиро-*

вания имиджа рекламируемых видов коронок, пломб, протезов, методов лечения и т. д. Красивое – свойство и категория – связано с понятием ‘нравиться’, вследствие чего негативные компоненты (‘боль’, страх, ‘долго’ и др.), о которых мы говорили ранее, в рекламном сообщении «приглушаются», сглаживаются. Задача рекламного образа в том, чтобы «создать положительное отношение к товару или фирме-производителю» [4, с. 184]. И этому способствует компонент ‘красиво’.

В заключение отметим, что реклама, особенно в условиях конкуренции профильных клиник, стремится привлечь внимание адресата к разнообразию и качеству услуг стоматологии прагматико-эстетической стороной текста: *Для создания протезов мы используем только надёжные материалы: акрофри, перфлекс. Они высоко устойчивы к износу, имеют высокую ударную прочность, низкую теплопроводность и очень эластичны. Материалы не аллергенны и не токсичны. Вы больше не будете страдать от натирающих дёсны акриловых протезов, мы поставим вам «мягкие» съёмные протезы, которые изготовим в кратчайшие сроки. Превосходный внешний вид и низкая цена – вот что характерно для стоматологических работ, сделанных в нашей клинике.*

Достоверность и красота рекламного текста, приближение его к потребителю обеспечивается также его креолизацией (листочка в виде купюры 5 000 рублей, использование фотографий с очаровательной улыбкой актрисы и т. д.), а не только целесообразным введением терминов, книжных слов,

заимствований (варваризмов) как средств вербализации содержания, что заслуживает [ср.: 7] самостоятельного исследования

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бердышев С.Н. Рекламный текст. Методика составления и оформления. М.: Дашков и К, 2008. 218 с.
2. Величкова С.М. Структурно-семантические особенности медицинской терминологии в сфере стоматологии (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2014. 23 с.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. [Электронный ресурс]. URL: [http://www.efremova.info/] (дата обращения 05.08.2015 г.).
4. Колышкина Т.Б., Маркова Е.В. Сопоставительный анализ художественного и рекламного образов // Ярославский педагогический вестник. 2014. №3. С. 183-187/
5. Русский Ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. URL: [http://www.tesaurus.ru/dict/dict.php] (дата обращения: 10.08.2015 г./)
6. Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский. М.: Институт Языкознания РАН. 2004. 800 с.
7. Чигаев Д.П. Способы креолизации современного рекламного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МПГУ, 2010. 24 с.
8. Шаповалова Т.Е. От временной обобщённости к вневременности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2013. № 4. С. 18-21.

УДК 81'367. 322

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-6-32-36

Лекант П.А.*Московский государственный областной университет***ФОРМЫ ИНТЕНСИВА В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ А.С. ПУШКИНА**

Аннотация. Аналитическая категория *интенсив* в синтаксическом строе русского языка является средством выражения экспрессии, градации, оценки. Она относится к сфере эмоционального. В форме интенсива эти значения создаются частицами *как, так, какой, такой* – грамматизованными местоимениями. В поэтическом языке Пушкина формы интенсива органически включаются в чёткий синтаксический строй стиха. Грамматический потенциал частиц согласуется с семантикой и стилистикой основного компонента. В стихотворном тексте создаются яркие экспрессивные картины, с одной стороны, одобрения, восхищения, восторга, любви, с другой стороны, – осуждения, порицания, негодования, презрения, ненависти. В статье особо отмечается высокая степень оценки в интенсивах с участием слов оценивающей семантики: *хорошо, чудно; мила* и др.; повторов, а также междометий *Ах! О! Боже!* и др. Незначительное употребление имеют периферийные формы интенсива с частицами *что за, ай да* и пр. В поэтическом языке Пушкина формы интенсива занимают достойное место как грамматико-стилистическое средство экспрессии, эмоциональности, оценки, градации.

Ключевые слова: стиль Пушкина, интенсив, экспрессия, эмоциональность, оценка.

P. Lekant*Moscow State Regional University***FORMS OF INTENSIVE IN THE POETIC LANGUAGE OF A. PUSHKIN**

Abstract. The analytical category of the intensive in the syntactic structure of the Russian language is a means of representing the expression, gradation, evaluation. It belongs to the emotional sphere. In the form of the intensive these means are created by the particles *как, так, какой, такой* – grammatised pronouns. In Pushkin's poetic language the forms of the intensive are organically included in a clear syntactic structure of the verse. The grammatical potential of the particles is consistent with the semantics and stylistics of the main component. Bright expressive pictures are created in the poetic text: on the one hand, pictures of approval, admiration, enthusiasm, love, and on the other hand, of censure, blame, resentment, contempt, hate. The article highlights the high degree of evaluation in the intensives that contain words with the evaluative semantics (*хорошо, чудно; мила*, etc.); repetitions and interjections (*Ах! О! Боже!*), etc. In Pushkin's poetic language the forms of the intensive occupy its rightful place as the grammatical and stylistic means of expression, emotion, evaluation, gradation.

Keywords: Pushkin's style, intensive, expression, emotion, evaluation.

Интенсив как субъективная оценочно-эмоциональная категория принадлежит грамматической системе русского языка, а реализуется и развивается в художественной речи, преимущественно в поэтической [7, с. 135-136].

Интенсив представлен чёткой системой аналитических форм, включающих сочетания слов знаменательных частей речи с частицами местоименного происхождения *как – какой, так – такой* («восклицательные местоимения» – по А.Н. Гвоздеву [5, с. 46].

Как – так, какой – такой, определённо, формальные слова, то есть особые частицы с собственным, неповторимым набором признаков. В конкретном употреблении тот или иной признак актуализируется, но не подавляет другие; ср., например: [Самозванец] **Как** счастлив он! **как** чистая душа в нём разыгралась! О, витязь мой! завидую тебе! (А. Пушкин); **Как** жёлт огонь, **как** бел на синем дом (И. Бунин); **Я так** люблю осенние утра За нежную невозвратимость ласки! (И. Анненский) – полнота; [Григорий] **Как** весело провёл свою ты младость! (А. Пушкин); **Как** мы подземны! **Как** мы надзвёздны! (И. Северянин); **А свод так** сладостно дремуч, **Так** миротворно слиты звенья... (И. Анненский) – знак оценки; О, **как** весело мне думать, что тебя увижу я (А. Ахматова); **И стало** мне вдруг **так** больно, **Так** жалко стало дня (Н. Гумилёв) – субъективность, эмоциональность.

Сочетания частиц *какой, как, такой, так* с «полными» словами представляют семантико-синтаксическое единство – не форму этих слов (ср. *как вскочит, как крикнет* и др.), а особую синтаксическую форму – **интенсива**,

которая определяет субъективную окраску высказывания.

Подобно *как – так*, частицы *какой – такой* образуют форму интенсива с прилагательными – в атрибутивной или в предикативной функции; напр.: *Лежит пушистая Снежинка смелая. **Какая** чистая, **Какая** белая!* (К. Бальмонт); *Я остановился наконец. **Какая** страшная тишина!* (И. Тургенев); *Я усталым **таким** ещё не был* (С. Есенин).

Аналогичность форм с *как – так* и с *какой – такой* показывает употребление их в одном высказывании; напр.: **Как** ты шалишь и **как** ты мил, **Какой** избыток чувств и сил, **Какое** буйство молодое! (А. Пушкин); **Какая** боль, **какая** страстная, **Как** сладко мне её продлить! (К. Бальмонт); **Как** чисто гаснут небеса, **Какою** прихотью ажурной Уходят дальние леса (И. Анненский).

Формы интенсива представляют парадигму семантико-прагматической категории интенсива в пространстве однозначных лексических единиц всех частей речи современного русского языка. Интенсив определяет колоссальный потенциал субъективности и экспрессии высказывания в русской речи, который реализуется как в спонтанной речевой стихии, так и в обдуманной, отшлифованной художественной речи. Этот потенциал усиливается, умножается посредством: а) повтора, б) междометия, в) частиц. См.: О, **как** милее ты, смиренница моя! О, **как** мучительно тобою счастлив я... (А. Пушкин); Чу, **так** и есть! вон скачут. Эге-ге, да **как**шибко; уж не генерал ли? (А. Пушкин).

Нельзя сказать, что сфера употребления интенсива только поэзия, во-

обще художественная литература – эта категория активно используется в обиходной, «живой» речи, украшается жестами, мимикой. Это уже не декламация – это крик души.

В поэтическом языке А.С. Пушкина (в особенности зрелого периода) формы интенсива органически включаются в чёткий синтаксический строй стиха. По определению В.В. Виноградова, «Короткие, точно и строго организованные отдельные предложения выстраиваются в стройную цепь» [3, с. 276]. См., например: *Я царствую!.. Какой волшебный блеск!* («Скупой рыцарь»); *Какая ночь! мороз трескучий, На небе ни единой тучи...* («Какая ночь...»); *Пред ней задумчиво стою, Свести очей с неё нет силы; И говорю ей: как вы милы! И мыслю: как тебя люблю!* («Ты и вы»).

«Стремление сблизить разные стили литературной речи с разговорным языком выражается в синтаксическом сгущении речи, в ограничении протяжения синтагм и предложений» [3, с. 276]. В стиле Пушкина можно отметить удивительное сходство поэтических и прозаических фрагментов. Ср.: *Какой восторг тогда пред ним раздался! Как был велик, как был прекрасен он, Народов друг, спаситель их свободы!* («Была пора: наш праздник молодой...»); *Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове «отечество»! Как сладки были слёзы свидания!* («Метель»).

Потенциал добавочных значений и оттенков интенсива, отмеченный выше, реализуется в полном согласии с семантикой и стилистикой полного слова – основного компонента. Имя «положительного», доброго, приятно-

го действия, состояния или чувства предрасполагает в интенсиве его высокую и яркую положительную оценку, полноту (градацию), субъективное отношении говорящего. Соответственно меняется арсенал смыслов с именами «отрицательного» действия, состояния или чувства. Ср.: *А. Без вас мне скучно, – я зеваю; При вас мне грустно, – я терплю; И мочи нет, сказать желаю, Мой ангел, как я вас люблю* («Признание»); *Он свежее весны, Жарче летнего дня; Как он молод и смел! Как он любит меня!* («Цыганы»); *И он глядит: на тихом ложе Как сладок юности покоем! Как сон её лелеет нежно!* («Полтава»); *Как часто грудь её вздыхает! Как часто тихое лицо Мгновенной розой пылает!* («Руслан и Людмила»). Б. *Как тяжко мёртвыми устами Живым лобзаньям отвечать И очи, полные слезами, Улыбкой хладною встречать!* («Кавказский пленник»); *О бедность, бедность! Как унижает сердце нам она!* («Скупой рыцарь»); *Она забыла стыд и честь, Она в объятиях злодея! Какой позор!* («Полтава»); *Какой же властью непонятной К душе свирепой и развратной Так сильно ты привлечена?* («Полтава»).

В окружении лексики чувств, погружении в страсти как и так уравниваются (так, по определению, более «холодное»), цельность эмоционального интенсива подогревается интонацией, подкрепляется повторами, междометиями. Например: *Но я любим... Наедине со мною Ты так нежна! Лобзания твои Так пламенны! Слова твоей любви Так искренно полны твоей душою!* («Простишь ли мне ревнивые мечты...»); *И жил, не признавая власти Судьбы коварной и слепой; Но боже! как играли страсти*

Его послушною душой! («Цыганы»); Я вас любил **так** искренно, **так** нежно, Как дай вам Бог любимой быть другим («Я вас любил...»); **Ах, как** мила моя княжна! («Руслан и Людмила»); **О, как** слепа, безумна злоба! («Полтава»); Но бури севера не вредны русской розе. **Как жарко** поцелуй пылает на морозе! **Как** дева русская свежа в пыли снегов! («Зима. Что делать нам в деревне?»). Здесь уместно привести рассуждение Н.Д. Арутюновой: «Любое чувство, настроение, состояние психики имеет тенденцию разрастаться до такой степени, чтобы заполнить собой всё «нутро», весь «сосуд» его души или сердца» [1, с. 389].

Пушкин стремился передать посредством интенсива и глубину чувства, и категоричность оценки, при этом мог ограничиться минимальными «синтагмами» (Виноградов) – с участием оценочных слов. См.: [Лаура] **Как хорошо** ты сделал, что явился Одной минутой позже! («Каменный гость»); **Этот** взгляд **Всё** может выразить **так чудно**! («Признание»); **Как я любил** твои отзывы, Глухие звуки, бездны глас, И тишину в вечерний час, И своенравные порывы! («К морю»).

Именно в подобных случаях речь может идти о «синтаксисе эмоций», по В.Г. Гаку, и даже об «эмотивных предложениях», вроде *Какой чудесный вечер!* [4, с. 20]. Следует заметить, что в различных описаниях эмоциональности и эмотивности обычно упоминается именно *какой*; (см.: [4, там же]; [5, там же] и др.

В.В. Виноградов, разбирая и характеризуя различные аспекты языка Пушкина, останавливался на вопросе выражения экспрессии и эмоциональности. Он подробно анализирует

язык Татьяны («Евгений Онегин») и заключает: «...Конечно, основа языка Татьяны – в новых формах экспрессии, в новых принципах выражения чувств» и отмечает аналогию в письме Онегина: *Какое горькое презренье Ваш гордый взор изобразит...* [2, с. 247]. В романе «Евгений Онегин» нами отмечено более шестидесяти фрагментов, включающих интенсив, в том числе: *Я так люблю Татьяну милую мою*. Но это предмет отдельного описания.

Обращает на себя внимание преимущественное участие интенсива в описании отношения *к лицу*, своеобразный антропоцентризм. Однако *не-лицо* – это объект субъективного отношения, оценки – эмоциональной, этической и пр.; ср.: *Ужасен он в окрестной мгле! Какая дума на челе! Какая сила в нём сокрыта! А в сем коне какой огонь!* («Медный всадник»); *Как милы тёмные красы Ночей роскошного Востока! Как сладко льются их часы Для обожателей Пророка! Какая нега в их домах, В очаровательных садах...* («Бахчисарайский фонтан»). В первом фрагменте интенсив представляет довольно холодную оценку, с преобладанием градационного смысла – это впечатление героя поэмы. Во втором фрагменте интенсив содержит эмоциональную оценку – это описание-любование.

Эмоциональный, градационный, оценочный потенциал интенсива в поэтическом языке Пушкина предназначен создавать и усиливать образный смысл стиха. Сравним два фрагмента: [Самозванец] *Ты ль наконец? Тебя ли вижу я...* **Как** медленно катился скучный день! **Как** медленно заря вечерня гасла! **Как** долго ждал во мраке я ночном! («Борис Годунов»); *Прощай,*

письмо любви! прощай: она велела. Как долго медлил я! как долго не хотела Рука предать огню все радости мои!.. («Сожжённое письмо»). При сходстве формы и лексического состава интенсива, образный смысл решительно различен: в первом – любовное томление и даже укоризна, недовольство; во втором – сожаление, страдание, боль.

Итак, как свободно, легко, изящно включаются *формы* интенсива в синтаксис пушкинского стиха – так глубоко, разнообразно, широко обогащается его образный **смысл**.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. 895 с.
2. Виноградов В.В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. М.: Наука. 2000. 498 с.
3. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков. М.: Высшая школа. 1982. 528 с.
4. Гак В.Г. Синтаксис эмоции и оценок // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. М., 1966. С. 19-30.
5. Гвоздев А.Н. Современный русский язык. Ч. II. Синтаксис. М.: Учпедгиз. 1958. 299 с.
6. Лекант П.А. Интенсив – это форма или конструкция? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. № 5. С. 44-48.
7. Лекант П.А. Субъективная аналитическая категория интенсива в русском языке // Аналитизм в лексико-грамматической системе русского языка. М.: МГОУ. 2011. С. 130-136.

УДК 81'23 : 81'373

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-6-37-42

Ливинская И.В.*Новосибирский государственный технический университет*

К ВОПРОСУ О РЕГИОНАЛЬНОМ ВАРЬИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Аннотация: Статья посвящена вопросу о региональном варьировании языка на территории РФ. Также в публикации рассматривается ряд терминов, используемых для обозначения «регионально окрашенной» речи и ставится проблема разработки единого терминологического аппарата. Вопрос о статусе локально окрашенных типов литературной речи неоднократно становился предметом лингвистических дискуссий, но до сих пор не получил однозначного решения. В статье говорится не только об активной разработке данного явления, но и о том, что данное направление исследований – лингвистическая регионалистика – находится пока в стадии своего становления.

Ключевые слова: региональное варьирование национального языка, лингвистическая регионалистика, региолект, регионально окрашенная речь, регионализм.

I. Livinskaya*Novosibirsk State Technical University*

REGIONAL VARIATION OF THE NATIONAL LANGUAGE

Abstract. The article is devoted to the question of regional variation of language on the territory of the Russian Federation. The article also describes a number of terms, which are used to «regionally colour» the speech. Also the article raised the problem of developing a common terminological apparatus. Question about the status of locally coloured types of literary speech has become the subject of linguistic debate, but still did not get a clear solution. The article is said not only about the active development of this phenomenon, but also that this area of research, linguistic regional studies, is still in the stage of its formation.

Keywords: regional variation in the national language; regionalism; regiolect, regional coloured speech.

Положение о неоднородности литературного языка было выдвинуто ещё в 1920-х–1930-х годах, а также отдельные черты местного своеобразия литературной речи отмечались многими лингвистами XIX–XX вв. Однако до сих пор вопрос о региональном варьировании национального языка, на наш взгляд, остаётся одним из недостаточно прояснённых в современной лингвистической науке. В то же время эту тему пытаются осмыслить обычные граждане, т. е. носители языка на бытовом уровне общения. Действительно, житель одного региона, общаясь с соотечественником из другого города, области или края, замечает, что

речь собеседника зачастую не похожа на ту, которую он слышит в своей среде. Весьма точно по этому поводу высказался В.И. Беликов: «Региональный узус на русскоязычном пространстве различался всегда. Но сталкиваться с этим приходилось лишь тем, кто оказывался в непривычной языковой среде; те, кому мигрировать приходилось мало, часто не осознавали официальной ненормативности собственного словоупотребления» [2, с. 45]. Хотелось бы добавить к его высказыванию ещё и тот факт, что на данный момент виртуальное общение между жителями разных городов развивается очень активно.

Исследованию регионального варьирования национального языка разных городов посвящено немало работ. Признанию новых явлений в языке, а также осмыслению этих явлений обычно сопутствует разработка соответствующего терминологического аппарата, который необходим для фиксации разрабатываемых научных понятий и их общего применения в учёной среде. Именно такого рода проблемы, как нам представляется, и должна решать лингвистическая регионалистика на современном этапе своего развития.

Не вызывает сомнения то, что русский язык как язык общения относительно однородного коллектива, проживающего на огромной территории, подвержен территориальной и социальной дифференциации. В отечественной лингвистике XX века существовало две противоположные точки зрения относительно возможности регионального варьирования русского литературного языка. Согласно одной из них, устно-разговорный литератур-

ный язык является единым, но вместе с тем сложным образованием, варьирующимся на огромной территории (см. работы И.И. Срезневского, А.М. Соболевского, Ф.Е. Корша, А.Н. Томсона, В.А. Богородицкого, А.А. Шахматова, Н.М. Каринского, Р.Р. Гельгардта, З.М. Альмухамедовой, Н.В. Париковой, К.И. Чуркиной, М.В. Панова, И.Г. Добродомова, Т.И. Ерофеевой, О.Д. Крыжановской, М.Д. Харламовой и др.). Однако эта точка зрения оспаривалась лингвистами, считающими единство и строгую нормализацию литературного языка его неперенными свойствами, в то время как признание регионального варьирования означало бы их разрушение (работы Е.Ф. Будде, В.И. Чернышёва, В.К. Фаворина, Ф.П. Филина, В.Г. Орлова, Л.И. Скворцова). Вопрос о статусе локально окрашенных типов литературной речи неоднократно становился предметом лингвистической дискуссии, но до сих пор, как мы уже говорили, не получил однозначного решения.

Если ещё до середины XX века для обозначения всех региональных «отклонений» существовало только одно понятие – *диалект*, то уже в 70-е годы начали появляться новые определения, вызванные необходимостью описания меняющейся языковой действительности. Т.С. Коготкова в статье «Литературный язык и диалекты» (1970) новую структуру диалекта определяла как полудиалект. Произошёл он, как доказывают работы ряда учёных (см. Коготкова [1970], Калнынь [1970], Бородина [1982], Герд [1998] и др.) из диалекта. Т.С. Коготкова описывает полудиалект так: «Имея в основе своей организации какой-либо конкретный территориальный диа-

лект, полудиялект оформляется в качественно иную языковую структуру под воздействием языка» [8, с. 5]. С этого момента можно говорить о том, что в лингвистическом мире установилась, если можно так выразиться, традиция: всё, что не попадало под понятие «диалект», было классифицировано как «полудиялект».

Но наблюдение за развитием регионального варьирования продолжалось, и новые реалии уже не могли описываться в прежних понятиях. Привлечение внимания учёных к региональной речи способствовало появлению в научном обиходе разного рода терминов, что свидетельствует не только об активной разработке данного явления, но и о том, что данное направление исследований – *лингвистическая регионалистика* – находится пока в стадии своего становления.

К регионалистике в своих исследованиях обращались такие лингвисты, как В.И. Трубинский, А.С. Герд, В.И. Беликов, А.П. Майоров и др. В настоящее время особую актуальность приобрела и проблема изучения региональной специфики городской речи, которая нашла отражение в работах многих современных исследователей (см. работы В.В. Колесова, В.И. Беликова, Б.И. Осипова, Л.А. Шкатовой, Т.В. Шмелёвой, Б.Я. Шарифуллина, Л.А. Шишкиной, Е.А. Земской, Г.А. Кривоzubовой, Г.А. Бобровой, Н.А. Прокуровской, М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой, И.Т. Вепревой, Н.А. Гайдамак, Т.И. Ерофеевой, Ф.Л. Скитовой).

Однако изучение региональной специфики городской речи по большей части ведётся в рамках исследовательского направления, описыва-

емого понятием «язык города». Так, по мнению Б.Я. Шарифуллина, «оказалось удобнее и прагматически проще определить данную социально и территориально обусловленную подсистему современного русского языка как «язык современного города» [14, с. 12]. В работах, как его ещё называют, лингвогеографического направления исследуются региональные особенности русского литературного языка, рассматривается специфика языкового облика конкретных городов. В русистике появились такие термины, как «локальная окраска», «локальный вариант», «территориальное варьирование», «региональная речь». Всё с большей активностью рассматриваются понятия «региональная картина мира», «региональная личность», «региональная ментальность», «региональное сознание» и др. (Под регионом здесь понимается единый природный комплекс, связанный с человеком, с его взаимоотношениями и психологией, бытом, производством).

В статье «Об обиходном значении литературного слова в живой разговорной речи» Т.И. Ерофеева приводит предложенную С.И. Ожеговым *обиходную форму национального языка*. По С.И. Ожегову, благодаря разрушению социальной изоляции возникают новые формы общения: не литературные, не диалектные и не просторечные. «Возникает новая, назовём её обиходной, форма русского национального языка, соответствующая духу его развития, но не всегда освещённая нормами литературности» [7, с. 11]

Н.А. Лукьянова считает, что, наравне с другими образованиями, в языковую систему должен войти уже упоминавшийся термин *полудиялект*,

под которым автор понимает «исторически обусловленную разновидность современного русского языка, представляющую собой трансформированную систему конкретного говора или группы родственных говоров» [10, с. 54], «полудиалект – это переходная ступень от диалектной речи к литературно-разговорной» [10, с. 55].

Т.А. Пекишева напоминает ещё об одной подсистеме языка – *койне* (в определении Л.И. Баранниковой, «это особый, общий тип обиходно-бытовой речи») [11, с. 70]

В.И. Беликов и Л.П. Крысин считают, что «в современной социолингвистике койне понимается как такое средство повседневного общения, которое связывает людей, говорящих на разных региональных или социальных вариантах данного языка. В роли койне могут выступать наддиалектные формы языка – своеобразные интердиалекты, объединяющие в себе черты разных территориальных диалектов, – или один из языков, функционирующих в данном ареале» [1, с. 52]. Считаем важным привести ещё одно высказывание данных авторов: «Понятие «койне» особенно актуально при описании языковой жизни больших городов, в которых перемешиваются массы людей с разными речевыми навыками. Межгрупповое общение в условиях города требует выработки такого средства коммуникации, которое было бы понятно всем. Так появляются *городские койне*, обслуживающие нужды повседневного, главным образом устного, общения разных групп городского населения» [1, с. 52].

Авторы монографии «Лексикографическое описание народно-разговорной речи современного города»

обращают внимание на явление *народно-разговорная речь*: «Выражения «народно-разговорный язык», «народно-разговорная речь» стали употребляться как термины, начиная с известных работ С.И. Коткова о русской бытовой и деловой письменности XII–XIII столетий. Удобны они прежде всего своей ёмкостью, поскольку подразумевают и просторечные, и разговорные элементы, причём как имеющие социальные или территориальные ограничения, так и не имеющие их, позволяя, таким образом, охватить объект с максимальной широтой» [9, с. 11].

У Т.И. Ерофеевой и Л.А. Грузберг находим термин «интердиалекты» – «образования на стыке диалектов, просторечия и некоторых форм литературной речи» [6, с. 5]. В «Словаре социолингвистических терминов» *интердиалект* имеет следующие определения:

1. Кодифицированная (в определённой мере) разновидность языка, возникающая в результате взаимодействия территориальных вариантов как наддиалектное языковое образование, например, «культурный западнославянский язык» (*Kulturnazapadoslovenčina*) – разговорный «узус образованных людей» Западной Словакии, возникший в XVI–XVIII вв. в результате взаимодействия местных диалектов и чешского языка.

2. То же, что полудиалект – промежуточное образование, обусловленное как социальной, так и территориальной дифференциацией языка; возникает в условиях разрушения диалектов, используется малообразованными людьми, плохо владеющими литературным вариантом языка [12, с. 79-80].

Для обозначения различных пере-

ходных типов речи Е.А. Брызгунова использует термин *наддиалектная форма*, характеризуя её следующим образом: «Наддиалектная форма содержит много степеней приближения к литературному языку» [3, с. 18]. Как замечает автор, такая речь может включать остаточные диалектные, региональные и остаточные региональные черты [3, с. 19].

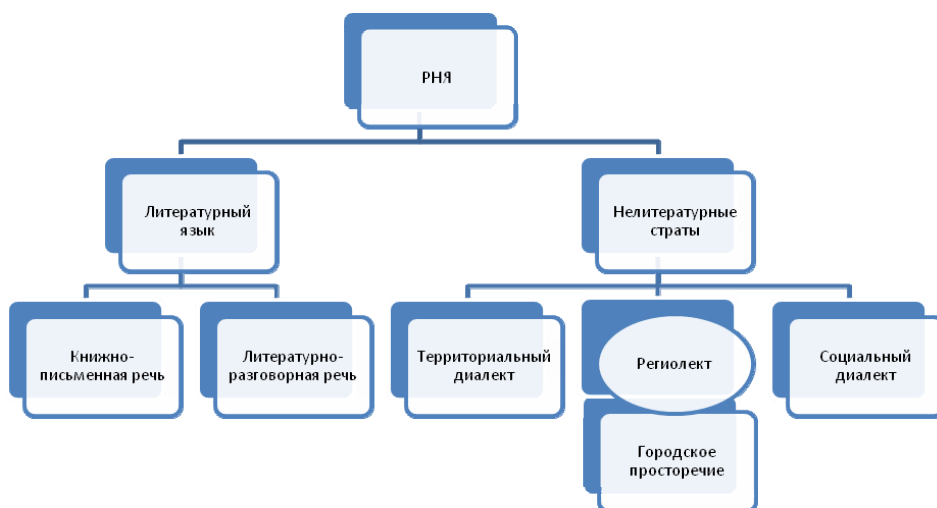
В.И. Трубинский вводит понятие *региолект*, считая региолекты «новыми диалектами», новыми достаточно крупными территориально-системными образованиями, не повторяющими классического диалектного членения русского языка [13, с. 157]

В работе Е.В. Ерофеевой встречается термин *региональный вариант* литературного языка, который по своему статусу является «точкой (или, скорее, областью) на оси перехода ли-

тературного языка в региолект<...>, по своим характеристикам близкий и литературному языку, и региолекту» [5, с. 100].

Таким образом, можно сказать, что, помимо традиционно выделяемых подсистем, в языке существуют и промежуточные, в частности, региональные образования, которые являются предметом исследования многих лингвистов. Попытаемся встроить региолект в традиционную систему русского национального языка [10, с. 35-75]. Мы придерживаемся той позиции, что эта подсистема должна занять своё место как промежуточное образование между диалектом, социолектом и просторечием, включая в себе некоторые признаки этих подсистем. Схема может выглядеть следующим образом:

Схема 1. Русское языковое пространство

Итак, можно констатировать, что в данный момент в лингвистике существует достаточно много терминов, которые, описывая специфику регио-

нальной речи, практически не расходятся между собой в определениях. На наш взгляд, с увеличением количества синонимичных терминов образуются

определённые трудности, поскольку важно понять, имеют ли исследователи в виду один и тот же объект или речь идёт о разных языковых явлениях. Отсюда возникает проблема, которую мы считаем очень важной в исследовательском отношении – отсутствие единой терминологической системы в описании регионально окрашенной лексики. Это, как представляется, существенно затрудняет научную коммуникацию учёных-регионалистов.

Вопрос о функционировании литературного языка в географической проекции остаётся открытым, хотя многочисленные экспериментальные исследования в этой области позволяют говорить об объективном существовании региональных вариантов русского литературного языка. Разработка и описание единого терминологического поля регионалистики позволило бы сделать данное направление исследования более научно оборудованным.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1.Беликов В.И., Крысин, Л.П. Социоллингвистика. М.: РГГУ, 2001. 414 с.
- 2.Беликов В.И. Языковая норма: новые и старые трещины на русскоязычном пространстве// *Acta Philologica. Филологические записки*. Вып. 1. / Гл. ред. М. Л. Ремнёва. М.: Альма матер, 2007. С. 36-52.
- 3.Брызгунова Е.А. Русская речь между диалектом и литературным языком // *Актуальные проблемы русской диалектологии* / отв. ред. Л.Л. Касаткин. М., 2006. С. 18-20.
- 4.Букринская И.А., Кармакова О.Е. Провинциальная речь: от диалекта к литературному языку. Региональные варианты национального языка (с международным участием) научной конференции / науч. ред. А.П. Майоров. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского гос. ун-та, 2013. С. 12-14.
- 5.Ерофеева Е.В. Вероятностная структура идиомов: социоллингвистический аспект. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. 320 с.
- 6.Ерофеева Т.И., Грузберг Л.А. Ещё раз о просторечии // *Живое слово в русской речи Прикамья*. Пермь, 1989. С. 3– 11.
- 7.Ерофеева Т.И. Взаимодействие литературного языка и диалекта (к вопросу о локальных синтаксических явлениях в речи лиц, владеющих литературным языком) // *Живое слово в русской речи Прикамья* / Перм. ун-т; гл.ред. Ф.Л. Скитова. Пермь, 1974. Вып. 4. С. 3–20.
- 8.Коготкова Т.С. Литературный язык и диалекты // *Актуальные проблемы культуры речи*. М.,1970. С. 104-152
- 9.(ЛО) – Лексикографическое описание народно-разговорной речи современного города: теор. аспекты. ОмГУ / Осипов Б.И., Боброва Г.А., Имададзе Н.А. и др. Омск: Омский гос. ун-т, б.и., 1994. 144 с.
- 10.Лукьянова Н.А. Введение в русистику: Учебное пособие для студентов отделений филологии и журналистики НГУ. – Новосибирск: Новосиб. ун-т, 2000. 171 с.
- 11.Пекишева Т.А. Фонетическое своеобразие разговорной речи жителей Архангельска// *Живое слово Русского Севера* / отв. ред. Морозова О.Е. Архангельск, 1998. С. 69-70.
- 12.Словарь социоллингвистических терминов / отв. ред. В.Ю. Михальченко. М., 2006. 312 с.
- 13.Трубинский В.И. Современные русские региолекты: приметы становления // *Псковские говоры и их окружение*. Псков, 1991. С. 156-157.
- 14.Шарифуллин Б.Я. Язык современного сибирского города // *Теоретические и прикладные аспекты речевого общения*. Вып. 5. Красноярск, 1997. С. 8-26.

УДК – 81-114

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-6-43-49

Орехова Е.Н.*Московский государственный областной университет***РИТОРИЧЕСКИЙ БЛОК В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ**

Аннотация. Статья посвящена средствам выражения субъективно-модальных значений в современном газетном тексте. Показана взаимосвязь использования модальных операторов и специфики газетной коммуникации, характеризующейся усилением оценочности, субъективизацией, демократизацией языка. В числе наиболее продуктивных модальных средств исследован риторический блок – проводник контактоустанавливающей, логической, а также отрицательной эмоционально-оценочной модальности в медиадискурсе.

Ключевые слова: субъективная модальность, адресат, адресант, риторическое высказывание, риторический блок, медиатекст.

Orehova H.*Moscow State Regional University***RHETORICAL UNIT IN PRESS**

Abstract. The subject of the article –subjective modality of press, different modal meanings of newspaper text. The different operators of modality in press are shown. There are rhetorical units, which express different modal meanings, negative emotions of journalist. The connection of subjective modality and type of communication is explained. The functions of rhetorical units are developing the dialogue, activation of attention of the recipient.

Key words: subjective modality, author, recipient, rhetorical statement, rhetorical unit, mediate text.

Характеризуя современный медийный дискурс, учёные отмечают его экспрессивный и оценочный характер, информационную и воздействующую функцию, которая создаётся особой языковой тканью, сочетанием экспрессии и стандарта. Современный газетный текст – это отражение тех изменений, которые произошли в российском обществе и в русском языке к началу XXI столетия. Среди наиболее активных тенденций в языке СМИ исследователи отмечают демократизацию, усиление личностного начала (субъективизацию), метафоризацию, прецедентность, оценочность, интеллектуализацию. Как отмечает М.А. Кормилицына, «эти тенденции и процессы часто разнонаправленны, противоположны по своей сути. С одной стороны, это субъективизация газетного текста, проявляющаяся в усилении личностного начала, актуализации фигуры автора текста, оценочности, эмоциональности, экспрессивности, подчёркнутой адресованности... С другой, это стремление завуалировать чрезмерный субъективизм и открытость самовыражения и, как следствие, увеличение в текстах по-

лемичности, отражающей плюрализм взглядов в обществе, интертекстуальности газетного текста. С одной стороны, демократизация как реализация основной стратегии современной прессы – стратегии близости к читателю, с другой – интеллектуализация газетного текста, приводящая к усложнению содержания текста и трудностям в его понимании читателем» [3, с. 14].

Субъективизация – важнейший процесс, характерный для современных СМИ, в том числе для языка газеты. Усиление авторского начала, «персонификация общения» [4] обусловлены происходящими в обществе социально-экономическими процессами: раскрепощением личности, провозглашением свободы слова, осознанием каждым человеком своей социальной значимости [3, с. 14].

В связи с этим правомерно говорить о категории субъективной модальности как стилеобразующей и жанрообразующей категории газетного текста, автор которого стремится завоевать внимание читателя, вступает с ним в воображаемый диалог, вовлекает в осмысление актуальных проблем современности. Характерная черта современной газетной публицистики – усиление субъективного начала даже, казалось бы, в нейтральных информационных жанрах. Справедливы наблюдения В.В. Богуславской: «журналисты скорее создают виртуальную реальность, чем изображают происходящее», «журналистика преподносит массовому сознанию готовые оценки, предназначенные, в том числе и по преимуществу, для не критического восприятия последним» [1, с. 39-40]. Иными словами, усиление модального начала проявляется в том, что субъек-

тивные значения организуют смысловую структуру всего газетного текста, в то время как объективные, информирующие читателя о событиях реальной действительности, подчиняются субъективным.

Модальность в газетном тексте переплетается с оценочностью и экспрессивностью, что усиливает его коммуникативный эффект. Убежденность, категоричность, открытость самовыражения, резкость, а иногда и агрессивность – вот черты языковой личности современного журналиста. Важная составляющая авторской позиции – повышенная эмоциональная тональность текста, специфика которой – её заданность, контролируемость, намеренная демонстрация эмоционального отношения автора к сообщаемому и социальное воздействие на читателя.

По мнению В.И. Шаховского, «всё речевое поведение человека эмоционально опосредованно, эмоциональная рефлексия на события, происходящие в обществе, не могут не изменять человека и его язык. Новые эмоциональные доминанты пронизывают наше общение, определяют векторы понимания высказывания. Часто в речи преобладают сиюминутные вербальные эмоции автора, находящие выражение в знаках его экспрессивного самовыражения, что в полной мере отвечает современному принципу медиального и политического дискурсов: важен не смысл сказанного, а эмоции, рождённые сказанным» [5, с. 764].

Не следует забывать и том, кто является адресатом газетной речи: это отсутствующая в реальной коммуникации, социально и психологически разнородная, разобщённая аудитория, внимание которой требуется заво-

евать и удержать. От умения журналиста ориентироваться на адресата, прогнозировать обратную связь зависит реакция последнего, адекватное понимание им предмета речи, согласие или несогласие с точкой зрения автора. В этом смысле современный журналист прибегает к различным приёмам диалогизации текста, в частности, к использованию вопросительных конструкций различных типов, которые придают повествованию полемический характер, подчёркивают логику рассуждений, выявляют авторскую позицию.

Одним из наиболее продуктивных средств реализации субъективно-модальных значений служит вопросительно-риторическое высказывание. По мнению А.В. Канафьевой, «риторические высказывания находятся в оппозиции к собственно вопросительным предложениям как не содержащие собственно вопроса и не побуждающие реципиента к ответу, а реализующие в языке специфические коммуникативные функции – выражение отрицания, утверждения или размышления говорящего. При этом их отчётливо отличает наличие субъективно-эмоциональных значений: удивления, недоумения, упрёка, сожаления, разочарования и т. д.» [2, с. 8]. Риторическое высказывание может быть охарактеризовано как эмотивно-экспрессивное, «с особым прагматическим «прицелом», т. е. «такой иллокуцией, которая воздействует на получателя в определённом, задуманном отправителем, отношении» [6, с. 142], например:

– *Капитальный обман?* – риторическое высказывание, помещённое в позицию заголовка, выполняет не только

информирующую функцию, сообщая о содержании газетного материала, но и субъективно-модальную, выражая эмоцию возмущения, негативное отношение автора к неразумному расходованию средств на капремонт;

– *Давайте пристально взглянем из окон наших писательских кабинетов, – какой век встает над нашими горами? Какой читатель идёт вслед за ним?* – автор задаётся вопросом о потере важности чтения и писательского труда в современном обществе (выражена модальность сомнения);

– *Какие сюрпризы ещё преподнесёт нам новая история XXI века, когда слово «будущее» ассоциируется с ближайшим месяцем, с ближайшим годом? Такое чувство не может, конечно, не оказывать своего влияния на литературный процесс* – в размышлениях автора о судьбах современной литературы выражена модальность эмоциональной оценки (сожаление, опасение).

Эффективным средством выражения модальных значений в современном газетном тексте являются не только отдельные риторические высказывания, но также их цепочки, или «риторические блоки» (термин А.В. Канафьевой): «группы риторических высказываний, когда следующее логически вытекает из предыдущего. Между единицами риторического блока существует определённая взаимосвязь и иерархия. Они являются выразительной приметой индивидуального стиля, тем стилистическим средством, с помощью которого в произведении отражается идейно-эстетическая концепция автора» [2, с. 126].

Риторический блок – продуктивное средство выражения субъективно-мо-

дальних значений и усиления экспрессии высказывания. В нём отражается эмоциональное состояние самого автора – журналиста, которое в большинстве случаев характеризуется как негативное:

– Но, простите, как «скорая» может приехать к несрочному вроде бы пациенту, когда есть куча экстренных вызовов, а она одна на район? Так кого судить? Врачей больницы, которые уже не могли помочь? Неторопливых родителей? «Скорую», что приехала не сразу? Или чиновников местного Минздрава за то, что не могут закупить необходимое количество машин? (Аргументы и факты, № 7, 2015). Автор статьи, посвящённой ответственности врачей и врачебным ошибкам, выражает чувство негодования, возмущения фактами неправильного лечения пациентов, которое приводит к их смерти. Функция риторического блока в данном случае – акцентирование морально-этических проблем общества, указание на необходимость их срочно-го решения;

– Но не напоминает ли нам эта сцена эпизод из нынешней жизни? На Ивановской площади не самые благостные времена. Что происходит? К чему готовиться? Мы уже воюем или это некая непонятная для населения игра? Но народ не спрашивают. Народ восхищается властью (Аргументы и факты, № 24, 2015). Цепочка риторических вопросов выражает негодование автора, его возмущение социальной несправедливостью и расслоением современного российского общества;

– Назначение Саакашвили на пост губернатора Одессы – это решение, не имеющее себе равных по своему цинизму. Неужели среди более чем 40-мил-

лионного народа не нашлось никого, способного занять этот пост, и понадобилось «выписывать» чужеземца? Неужели в город, переживший страшную трагедию 2 мая, понадобилось назначать человека, который у себя на родине «прославился» созданием пыточной системы в тюрьмах и садистскими разгонами демонстраций с человеческими жертвами? (Московский комсомолец, 22.11.2015) – в статье о новом губернаторе Одессы выражено глубокое недовольство автора действиями украинских властей. Отрицательную оценочную тональность риторического блока поддерживает повторяющаяся модальная частица *неужели* со значением изумления, а также отрицательная оценочная лексика: *цинизм, пыточная система, садистский разгон, жертвы*;

– О взносах: то, что регионы собирают 2 руб./м. – чистой воды популизм. Что на них сделают? Вкрутят лампочку Ильича? Заменят жжёные кнопки в лифте? (Аргументы и факты, № 7, 2015) – в статье о проблемах финансирования российских регионов журналист горько иронизирует; предложение с местоимённым компонентом *что* вопросительно-отрицательное, выражает подчёркнутую уверенность в бесполезности денежных сборов, второе и третье предложения характеризуются синтаксическим параллелизмом, что усиливает эмоцию негодования автора.

В материале о скандальных выборах в Подмоскovie риторический блок создаёт общую модальную тональность бессмысленности описываемых действий: *Зачем устраивать такую сложную схему и прилюдно вбрасывать бюл-*

летени, если схему крышуют ТИКи? ... Зачем было вбрасывать бюллетени днем, при свидетелях, когда это можно сделать вечером? ...Зачем вообще было вбрасывать бюллетени, когда все «не-нужные» кандидаты заранее были отстранены от выборов? (Московский комсомолец, 26.05.2015) – отрицательную оценочную тональность усиливает синтаксический параллелизм риторических структур, отрицательная оценочная лексика. Повтор местоименного наречия *зачем* подсказывает читателю единственно возможный ответ (*Незачем!*), усиливает модальную напряжённость отрывка.

В статье о допинговом скандале «Заговор против России?» журналист вербализует отрицательную оценку действий спортивного руководства: *Предвзятое отношение к нам – это факт уже свершившийся... И если В. Мутко знал о том, что ряд спортсменов принимают допинг, то почему не предпринял никаких действий для того, чтобы самостоятельно разобраться с этой проблемой, не дожидаясь, когда сор из нашей избы начнут выносить другие? Почему не сделал этого после допинг-скандала с ходоками, биатлонистами после нахулившего немецкого фильма? А если не знал, что происходит в его ведомстве, то зачем тогда он на этом посту? И как понять его заявление о том, что на случай отмены чемпионата мира по футболу-2018 в России нам будет положена солидная страховая премия? Заранее сдаёт свои позиции? Бог с ним, ВАДА, но, уважаемые министр и другие спортивные чиновники из министерства, федераций и комиссий, вы за что свою зарплату получаете? Почему не контролируете то, что должны? Зачем подставляете*

страну и тех спортсменов, которые ни в чём не виноваты? (Аргументы и факты, № 47, 2015). Цепочка из семи риторических вопросов усиливает эмоциональный накал, эмоцию гнева, служит средством прямого обращения к виновникам происходящего и одновременно их прямого обличения. Отсюда повтор местоимённых компонентов *почему, зачем*, употребление отрицательно-оценочных языковых единиц: *начнут выносить сор, допинг-скандал, проблема, сдаёт позиции, подставляете*. Примечательно, что завершающий сегмент риторического блока графически выделен, что выявляет идейную доминанту последнего и статьи в целом.

Как показали наши наблюдения, в риторических блоках отражается субъективное состояние автора газетного текста, размышляющего о настоящем и будущем своей страны, осмысляющего острые социальные проблемы, обращающегося к слушателям со своими эмоциями и оценками. Риторический блок становится, таким образом, проводником модальных значений газетного текста, усиливает его эмоциональную и оценочную тональность. С другой стороны, наличие в тексте риторического блока – это показатель диалогичности, а значит, он обязательно реализует в газетной речи контактоустанавливающее модальное значение, то есть выполняет фатическую функцию.

Можно рассматривать риторический блок как оператор логической модальности, как средство связи и актуализации отношений между частями текста. Так, например, цепочка риторических высказываний задаёт перспективу газетной статьи, обозначает

проблему, если она дана в абсолютном начале. Автор газетного материала под названием «Нет ничего более постоянного, чем временные санкции» Николай Лашкевич начинает текст с риторического блока: *Что же заставило Евросоюз с 31 октября приостановить действия санкций в отношении Президента Беларуси Александра Лукашенко, а также трёх белорусских компаний и ещё 170 граждан страны? Освобождение в канун президентских выборов нескольких оппозиционеров? Успешное посредничество Минска в урегулировании украинского кризиса?* (Союзное вече, № 47, 2015). Журналист разворачивает рассуждения в соответствии с поставленными вопросами, одновременно выражая сомнение в отношении продуктивности политики санкций как таковой, осуждает политические интриги Евросоюза как способ унижить Россию.

Ту же функцию выполняет риторический блок, представляющий собой подзаголовок статьи «Код красоты»: *Почему мы считаем одних людей красивыми, а других – нет? Каковы законы красоты? И есть ли они?* (Аргументы и факты, № 47, 2015) – цепочка вопросов обозначает схему дальнейших рассуждений журналиста, фиксирует внимание на ключевых моментах текста, одновременно предлагая задуматься над теми же вопросами и читателю.

В ряде случаев риторический блок обеспечивает структурное единство сложного синтаксического целого, представляющего тип речи рассуждение. В статье Виктора Коклюшкина «Время пошло!» представлено несколько однотипных сложных синтаксических целых, где риторический блок не только вербализует авторскую

оценку, но и участвует в построении аргументации:

Это надо зарубить себе на носу, чтобы не хлопать потом ушами. Не корить себя. Семь лет (работа была такая) ходил я по разрушенным, разграбленным дворянским усадьбам. И думал: здесь жили неглупые, образованные люди. Почему проглядели надвигавшееся? Не уберегли ни себя, ни страну?

Ныне Подмосковье (и не только оно!) застроилось богатыми дворцами, теремами. *А я, травмированный виденным, думаю: неужели опять малая часть народа отстранится (да уже отстранилась) от большей, от её бед и чаяний? И всё, за последние годы наворото... накопленное, построенное, постигнет та же участь?* (...)

В природе всё целесообразно. И узор на кончиках пальцев у людей индивидуальный не случайно. Мы все помечены. Не для уголовного же розыска?! А для кого? И кто пометил? Так просто и так мастерски. Кто-то о-очень могущественный. Вот ему-то и надо повиноваться. Следовать заветам (иль забыли?) и поступки свои сверять с навигатором, коим является – совесть. Ура! (Аргументы и факты, № 46, 2015).

Стоит отметить, что использование риторических блоков – характерная черта индивидуального стиля Виктора Коклюшкина, известного писателя-сатирика, драматурга, перенёсшего сатирические приёмы на страницы своих статей, остро и едко высмеивающего общественные пороки в собственной колонке в газете «Аргументы и факты».

Подводя итог, отметим, что современный публицистический дискурс

немыслим без выражения авторского «я», без эмоционально-оценочной составляющей. При этом, как показывает анализ языкового материала, более актуальной для медиаречи является констатация негативных явлений и оценок, поскольку хорошее воспринимается обществом как норма, не требующая специального словесного выражения. Указанной цели служат многочисленные риторические блоки, вербализующие отрицательные оценки и негативные эмоции журналиста. В роли модального оператора риторический блок становится также проводником контактоустанавливающей и логической модальности, участвует в создании смысловой цельности и аргументационной стройности газетного текста.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Богуславская В.В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. М., Издательство ЛКИ, 2013. 276 с.
2. Канафьева А.В. Риторическое высказывание: форма, семантика, функции. М., МГОУ, 2011. 198 с.
3. Кормилицына М.А. Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. Вып. 8.
4. Стернин Л.А. Социальные факторы и публицистический дискурс // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс. М.: Азбуковник, 2003. С. 134–145.
5. Шаховский В.И. Унижение языком в контексте современного коммуникативного пространства России // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 7. Саратов, 2007. С. 40–45.
6. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-6-50-54

Самсонов Н.Б.*Московский государственный областной университет***КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СФЕРА ЛИЦА**

Аннотация. В статье вводится понятие о коммуникативно-прагматической сфере лица – объединении однопропозитивных компонентов, отношение которых к лицу в данном высказывании специально обозначено. Значение лица маркирует имена и именные группы, которые в дальнейшей текстовой перспективе способны выступать представителями сферы этого лица. Маркированность имён отношением к сфере лица актуализируется в условиях противопоставления личных значений и часто становится основанием прагматических оценок этих имён, что влияет на их сочетаемость с другими словами в тексте.

Ключевые слова: категория лица, личные значения, синтаксическое лицо, маркированные значения, текст, коммуникативно-прагматическая сфера, функционально-семантическое поле, литературно-художественный приём, создание художественного образа.

N. Samsonov*Moscow State Regional University***COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC SCOPE OF PERSON**

Abstract. The article introduces the concept of communicative-pragmatic field of person – combination of single-propositive components which relation to person in this statement is specifically indicated. The meaning of person marks names and nominal groups, that are able to run further as representatives of scope of that person. Marking names by relation to the scope of person is actualized in the opposition of personal meanings and often becomes the basis of pragmatic assessment of these names that affects their compatibility with other words in the text.

Keywords: categories of person, personal values, syntactical person marked meanings, text, communicative and pragmatic scope, functional-semantic field, literary technique, the creation of an artistic image.

«...Референция наряду с предикацией составляет основу языковой коммуникации. Используя языковые единицы, мы, во-первых, осуществляем референцию к внеязыковым объектам, а во-вторых, приписываем (предицируем) им какие-то свойства», – пишет А.Д. Шмелёв [4, с. 16]. Это отправная точка наших рассуждений в данной статье: здесь кратко и ёмко представлены две принципиально различные функциональные сущности языковых единиц: одни из них *называют* и относятся к субстанциональному плану содержания, а другие *характеризуют* и представляют собой реляционный план содержания. Субстан-

циональный план содержания – это мир реальных и виртуальных (в смысле ‘искусственно реальных’) предметов. Этот мир неоднороден вообще и по отношению к языку в частности. Неоднородность предметного мира вообще очевидна и предоставляет неограниченные возможности для обобщений, классификаций. Но при рассмотрении этого мира с точки зрения языковой коммуникации сразу же намечается противопоставление: личность – не личность (предмет, вещь, событие и т. д.). Это противопоставление возникает потому, что, во-первых, личность способна быть коммуникантом, т. е. участником речевого акта, а, во-вторых, вне личности и вне сообщества личностей языковая коммуникация не существует.

Итак, субстанциональный мир – это люди и вещи, реальные и виртуальные, хотя это различие здесь для нас не очень важно. Интересно в аспекте проблематики этой статьи различие между людьми и вещами: оно в том, что люди активны, а вещи пассивны. Люди могут создавать вещи, но вещи не могут создавать вещи; люди могут иметь отношение к вещам, а вещи – к людям, но только с точки зрения человека; сами же по себе вещи, вне мира человека, могут иметь только физическое отношение друг к другу.

Отношения людей между собой многообразны, отношения человека к вещи разнообразны: человек может обладать вещью (*мой дом*), но может и не обладать: вещь может быть просто причастна к человеку тем или иным образом (*моя улица, моя река*).

Языковая коммуникация передаёт все эти отношения. Грамматика любого высказывания характеризуется

персональностью – это выражение отношения высказывания к говорящему: высказывание может быть сделано о самом говорящем – это 1 лицо (*я печатаю*), об адресате речи (*ты печатаешь*) – 2-ое лицо, о ком-то не участвующем в разговоре (*машинистка печатает*) или о чём-то (*принтер печатает*) – 3-е лицо. Эти грамматические личные значения организуют вокруг себя функционально-семантические поля – всё то разноуровневое и разнооформленное языковое, что при реализации в речи даёт более или менее ярко выраженное представление о каком-либо лице – первом, втором или третьем.

Но при наблюдении за проявлением личных значений в текстовой перспективе можно заметить явление, не вписывающееся в понятие функционально-семантического поля. Это маркированность имён и/или именных групп отношением к лицу (грамматическому либо лексическому).

Личное значение распространяется на все имеющие к нему отношение компоненты высказывания. Если мы скажем *Маша взяла карандаш и начертила в тетради треугольник*, то существительные *карандаш, тетрадь* и *треугольник* будут ассоциативно связаны с Машей в дальнейшей перспективе текста. Они соотносятся с лицом – *Машей* – при помощи глаголов-предикатов *взяла* и *начертила*. Связь эта может быть неактуальной и даже ничего не значащей, если эти Машины действия не актуальны для дальнейшей событийной линии текста. Но эта же связь может быть и актуализована, если мы допишем текст, например, так: *Маша взяла карандаш и начертила в тетради треугольник, а я на каком-*

то листке вычертил ручкой квадрат. Удивительно, но квадрат заработал пятачку, а треугольник – нет. Ещё более показательна в отношении актуализации связей была бы другая фраза в конце: *Мне было приятно, что треугольник заработал пятачку, хотя квадрат её не заслужил*. Тут уже намечается фабула.

Можно подумать, что это явление связано каким-то образом с метонимией, но мы, экспериментируя, приведём пример, где маркированность личным значением выступает явно не в связи с метонимией. *Маша ходила на концерт, а я нет* – этот текст нельзя продолжить таким образом: *Концерт был скучным* или *На концерте играли джаз*. Поскольку текст составлен от 1-ого лица («а я нет»), его нельзя продолжить, оценивая или описывая концерт от 1-ого лица и без ссылок на 3-е лицо, т. е. Машу (например, *по словам Маши*), которая имеет к концерту отношение, в отличие от повествователя.

Получается, что *концерт* в представлении читателя маркирован отношением к сфере 3-его лица; *треугольник* и *квадрат* из предшествующего примера входят в сферы разных лиц.

Дадим рабочее определение «сфере лица». Это коммуникативно-прагматическое понятие, объединяющее все пропозитивные компоненты, отношение которых к лицу в высказывании специально обозначено. Оно может быть обозначено предикатом, если имя или именная группа находится в области применения предиката: *Я готов целовать песок, по которому ты ходила* (В. Павлинов), или атрибутивно, с помощью согласованного или несогласованного определения: – *Папа, скажи искренно, по чистой совести:*

какая собака лучше – наш Откатай или его Угадай?; собака *генералова брата* (А. Чехов). Важно, что характеристика сферы лица как коммуникативно-прагматического понятия не устраняет из поля зрения грамматическую составляющую этого явления [2]. Грамматика не оторвана от прагматики, даже наоборот. Об этом пишет П.А. Лекант в статье «Вводность – коммуникативно-прагматическая категория» [1].

На наш взгляд, явление маркированности имеет основания в философской категории отражения: «Сущность свойства отражения в неорганической природе заключается в способности любой вещи продуцировать изменения, следы, которые находятся в соответствии (или сходстве) с воздействующей на неё вещью» [3, с. 454]. В связи с этой мыслью маркированность здесь понимается как отражение личного значения в словах, либо не обладающих самостоятельным личным значением (*Я начертил квадрат*), либо обладающих другим самостоятельным личным значением (примеры: *Квадрат начерчен мной* – здесь значение 3-его синтаксического лица; *моя Маша* – лексическое значение лица личного существительного).

Мы не случайно привели выше примеры из чеховских «Хамелеона» и «Предложения»: в них маркированность предметов отнесением к сфере того или иного лица актуализована в полной мере и играет сюжетообразующую роль. Так, существительные *собака* и *щенок* сочетаются в рассказе «Хамелеон» с разными характеристическими определениями в зависимости от отношения принадлежности собаки к генералу: «маленькая», «может быть,

дорогая», «ихняя собачка», «собачонка ничего себе», «шустрая такая», «цуцык этакий», если это собака генерала Жигалова; и, наоборот, «бешеная», «бродячая», «чёрт знает что», «ни шерсти, ни вида... подлость одна только» – если собака не принадлежит генералу или его родственнику. Понятно, что положение генерала Жигалова в прагматиконе говорящего распространяется на всё принадлежащее генералу или только относящееся к нему.

В пьесе-шутке «Предложение» особенно интересно отношение к сфере лица не Воловых Лужков, т. к. это отношение эксплицируется и является предметом спора (Наталья Степановна. *Воловы Лужки наши, и я не уступлю, не уступлю, не уступлю!*). Здесь интересно выражение маркированности существительных, называющих собак, – *Угадай* и *Откатай*. В начале спора персонажи не употребляют показателей маркированности (*наш – ваш, мой – ваш*): Ломов. *Откатай лучше Угадай? Что вы! (Смеется.) Откатай лучше Угадай!*

Но по мере усиления и ожесточения спора клички *Угадай* и *Откатай* уже употребляются персонажами практически всё время с определениями, эксплицирующими отношение к сфере лица: Наталья Степановна. *Во-первых, наш Откатай породистый, густопсовый, он сын Запруга и Стамески, а у вашего муругонегого не доберешься до породы... Потом стар и уродлив, как кляча... Ломов. Стар, да я за него пяти ваших Откатаев не возьму... Разве можно? Угадай – собака, а Откатай... даже и спорить смешно... Таких, как ваш Откатай, у всякого выжлятника — хоть пруд пруди. Спор таким образом переходит с предме-*

тов, относящихся к сферам разных лиц, на сами личности. Причём после того как Ломов и Наталья Степановна примиряются, выражая желание стать супругами, спор о собаках вновь начинает разгораться, и опять же сначала не употребляются маркированные лицом определения: Наталья Степановна. *Но... всё-таки, согласитесь хоть теперь: Угадай хуже Откатай*. Такой импликацией Наталья Степановна будто призывает Ломова к объективности, к оценке, не зависящей от принадлежности собак, однако читателю понятно, что именно отношение к сфере того или иного лица и является причиной спора.

Из приведённых примеров можно заметить, что условием актуализации отношения имени к сфере лица является противопоставление, антитеза личных значений. Это условие становится особенно важным в поэтическом тексте, где с учётом явления маркированности имён и именных групп сферой лица можно произвести анализ языковой игры личных значений. Этот приём широко распространён в стихотворениях, где лирический герой метафорически идентифицирует себя с явлениями природы, с неодушевлёнными предметами. Возьмём в качестве примера стихотворение А.А. Блока:

Пусть светит месяц – ночь темна.

Пусть жизнь приносит людям счастье, –

Синтаксический параллелизм (оба высказывания начинаются частицей *пусть*) усиливает антитезу, обозначенную в 1-ом предложении: здесь лексически противопоставлены предикаты *светит – темна* и синтаксически оформлено противопоставление частей бессоюзного сложного предло-

жения, из чего видно, что противопоставляются *месяц* и *ночь*: месяц как источник света и ночь как тёмное время суток. Но здесь они пока имеют общее синтаксическое значение 3-его лица.

В следующем предложении является 1-ое лицо (лексический показатель – *моей*), которое маркирует относящееся к той же пропозиции *ненастье*:

*В моей душе любви весна
Не сменит бурного ненастья.*

Введённое здесь 1-ое лицо противопоставляется 3-ему, к сфере которого вначале были уже отнесены *люди, жизнь, счастье*.

Далее в сферу 1-ого лица вводится *ночь*:

*Ночь распростёрлась надо мной
И отвечает мёртвым взглядом
На тусклый взор души больной,
Облитой острым, сладким ядом.
И тщетно, страсти затая,
В холодной мгле передрабасветной
Среди толпы блуждаю я
С одной лишь думою заветной:*

И затем следует рефреном начальное предложение, однако в нём *ночь* уже воспринимается как объект сферы 1-ого лица, представитель лирического героя, а *месяц* – как противопостав-

ленный ему объект 3-его лица, символизирующий других людей:

*Пусть светит месяц – ночь темна.
Пусть жизнь приносит людям счастье, –*

*В моей душе любви весна
Не сменит бурного ненастья.*

Таким образом, анализ текста с учётом маркированности имён их отношением к сферам личных значений позволяет найти лингвистические основания при описании литературно-художественных приёмов и приёмов создания художественных образов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Лекант П.А. Вводность – коммуникативно-прагматическая категория / Лекант П.А. Очерки по грамматике русского языка. М.: Издательство МГОУ, 2002. С. 130-133.
2. Самсонов Н.Б. Феномен третьего лица // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. № 4. С. 22-25.
3. Философский энциклопедический словарь. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1989. 840 с.
4. Шмелёв А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

УДК 81'42:008

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-6-55-62

Щемелинина И.Н.*Московский государственный областной университет***КОНЦЕПТ БОГ В СОЧИНЕНИИ Г. КОТОШИХИНА «О РОССИИ
В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА»**

Аннотация. В настоящей статье представлен анализ концепта БОГ по данным текста сочинения Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича». Рассмотренный феномен воплотил в своей семантике основные ценностные ориентиры, в основе которых лежат ключевые духовные категории системы мироощущения, духовной культуры народа, регулирующие христианскую сферу жизни общества эпохи XVII века. Кроме того, Бог в языковой картине мира эпохи царствования Алексея Михайловича осмысливается как идеальная сущность, Высшая сила, дающая опору, центр духовной жизни православного государства.

Ключевые слова: Г. Котошихин, концепт БОГ, сема, лингвокультурология, концептосфера.

I. Shchemelinina*Moscow State Regional University***THE CONCEPT OF GOD IN THE BOOK BY G. KOTOSHIKHIN
«ON RUSSIA IN THE REIGN OF ALEXEI MIKHAILOVICH»**

Abstract. This article presents the analysis of the concept of GOD according to the essay G. Kotoshikhin «On Russia in the reign of Alexei Mikhailovich». The studied phenomenon embodied in its semantics the main values, which are based on key spiritual categories of the system of world perception, on spiritual culture of the nation governing Christian area of society of the 17th century. Moreover, God in the language picture of the world in the era of the reign of Alexei Mikhailovich is interpreted as the ideal entity, Supreme power, that gives support, the center of spiritual life of the Orthodox state.

Keywords: G. Kotoshikhin, the concept of GOD, seme, cultural linguistics, conceptual sphere.

При исследовании текста сочинения Г.К. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича», созданного в Швеции, в Стокгольме, в 1666 – 1667 гг., по приказу Шведского правительства, которому необходимы были сведения о Российском государстве, сбежавшим за границу, по существу предавшим своё отечество подъячим Польского приказа Г. Котошихиным, обращает на себя внимание значимость слова *Бог*, представляющего концепт БОГ в русской языковой картине мира эпохи царствования Алексея Михайловича. Концепт обусловлен не только эксплицитным, но и имплицитным отражением христианского мироощущения автора и пониманием им окружающей действительности, попыткой

дать по возможности адекватную оценку жизни в период правления царя Алексея Михайловича.

Основной единицей лингвокультурологии является культурный концепт – многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны [5, с. 91]. По нашему мнению, ценностная сторона культурного концепта определяется прежде всего важностью духовной жизни общества.

Крещёный человек, осваивая в объёме национальной концептосферы зону «Религия», в процессе развития и духовного роста вбирает в себя, обретая веру, что «в начале Бог сотворил небо и землю», а впоследствии по его небесному / невидимому нам образу и подобию были сотворены и небо, и земля, и люди, поэтому духовный, вещественный, земной мир едины в Боге как в Творце. Более того, образ Бога в мировоззрении людей неоднозначно воспринимается представителями той или иной эпохи. По мыслям Аристотеля, Бог есть «вечная и невозникшая причина мирового процесса, как причина всех происходящих в мире движений – перводвигатель мира» [2, с. 21].

Лингвокультурологический аспект лексической единицы *Бог*, как основного репрезентанта важнейшего концепта рассматриваемой зоны концептосферы, преодолевая и текучесть, и скоротечность временного потока, несомненно, оказал и окажет влияние на сознание живущих в XXI столетии, ибо если во все времена христианин почитал и почитает Господа, убажает его, то Бог, который заботится о человеке, опекает, оберегает, хранит его и покровительствует ему. И если кто из

здравствующих захочет получить помощь от Бога, тот «не оставляй ничего, зависящего от тебя самого. Подлинно, кто отрешился от всего человеческого и предался надежде на помощь свыше, тот не только получает скорое избавление от бедствий, но и среди самих бедствий не колеблется и не смущается, одобряемый надеждою на этот якорь. ... Безопасность, происходящая от надежды на Бога, гораздо надежнее самой власти во время бедствий, потому что последняя есть человеческая, а первая – Божественная и непреодолимая» [11, с. 20].

Бог в «книжно-церковной традиции верховная сущность, обладающая высшим разумом, абсолютным совершенством и всемогуществом, Творец неба и земли, Промыслитель Вселенной, начало изначальное, вечное, духовное и плотное. Общеславянское слово, первоначально связанное с представлениями о благе, богатстве, а также о персонаже, наделяющем благом, богатством» [12, с. 54-55].

В русском языке пройден довольно длительный путь эволюционирования семантики лексемы *Бог*. И нам интересно было бы не только проследить её развитие, но и определить смысловые компоненты концепта *БОГ* в отдельно взятый период, период правления царя Алексея Михайловича, поскольку представление о Боге в разное время имеет несходство, а суждение о нём как Творце – это, несомненно, принципиальное суждение о мире. Ибо «Бог живёт в вечности, и эта живая вечность должна превосходить противопоставление движущегося времени и неподвижной вечности» [14, с. 82].

По словам Григория Богослова, «для начинающего всякое слово и дло са-

мый лучший порядокъ – и начинать Богомъ, и оканчивать Богомъ» [4, с. 81]. Невозможно не согласиться с данным изречением, ибо при обращении к Всевышнему, нашему Создателю, управляющему миром, с просьбой любое начинание будет под покровом Божией власти, или благодати, и принесёт положительные результаты, особенно если при обращении к Богу прочтём молитву. Наш Спаситель воспринимает наше к нему обращение (молитву), благодаря чему впоследствии и помогает, и спасает, и наставляет на путь истины, однако этот путь определяется для каждого из нас индивидуально, ибо отвечаем за свои поступки перед ним, Творцом и Создателем нашим.

По толковому словарю современного русского языка, *Бог* по религиозным верованиям: «Рел. Верховная сущность, обладающая высшим разумом, абсолютным совершенством, всемогуществом, сотворившая мир и управляющая им» [16, с. 80].

Для православия важно: «Причём каждое Божеское лицо заключает в себе два других: 1. Бог-Отец является одновременно и Сыном и Духом Святым, а Бог-Сын — одновременно и Отцом и Духом Святым, точно так же, как Дух Святой — одновременно и Отцом и Сыном, Каждое лицо есть иное проявление каждого другого и обоих вместе. Следовательно, Бог есть единая сущность о трёх ипостасях. Не три сущности, но одна; не одна ипостась, но три. Однако при всём том, ипостась и сущность – одно и то же» [17, с. 49, 595]. 2. Одно из сверхъестественных существ, управляющих какой-л. частью мирового целого, покровительствующих кому-либо, чему-либо (обычно какому-либо роду

деятельности). *Языческие боги*. 3. О человеке могущественном, наделённом властью над другими людьми. *Я бог, я червь, я раб, я царь* (Державин). 4. О предмете поклонения, восхищения (обычно одарённом человеке, гении). *Бог поэзии, музыки* [16, с. 80].

Концепт БОГ в сочинении Г. Котошихина представлен словом *Бог* в 15 употреблениях, что говорит о высокой ценности транслируемого содержания. Данная единица используется автором в христианском смысле, будучи ядерным компонентом содержания концепта, в одном лексико-семантическом варианте (далее – ЛСВ) – первичном, который мы и рассмотрим. По всей видимости, автор был очень набожным человеком, ибо при написании сочинения делового характера использовал православную религиозную лексику. Возможно, кроме задачи объяснить, как верует русский народ и чем руководствуется он в своей духовной жизни, автор имел другие прагматические установки: хотел представить религиозно-нравственные высокие основы мировоззрение царя Российского государства, поскольку служил при Алексее Михайловиче вначале писцом, а затем подьячим и знал, что последний, находясь на престоле, глубоко верил в то, что его служение государству подобно суровому служению церкви, и понимал всю ответственность за судьбу доверенного ему царства, прежде всего, перед Создателем. По мнению В.О. Ключевского, царь Алексей Михайлович «был образцом набожности, того чинного, точно размеренного и твёрдо разученного благочестия, над которым так много и долго работало религиозное чувство Древней Руси. ... Эта набожность оказывала могущее

ственное влияние на государственные понятия и на житейские отношения царя» [6, с. 109-110].

Репрезентантом данного содержания, важнейшего в русской картине мира в период, описанный Г. Котошихиным в «Сочинении...», служит данный ЛСВ, который представлен в контексте *а которой человек, не боясь Бога и указу царского послушався ...* Он репрезентирует ядерные семы 'нарушать заповеди', 'безрассудно', 'необдуманно', которые помогают передать характеристику богопротивных поступков: 'поступает подло, непорядочно, не имеет, не знает страха перед Творцом мира сего', 'нет богобоязненности, божьего страха как устава жизни христианина'. Не случайно Григорий Богослов пишет, что «Богъ по благодсти своей вознаграждает веру и делает совершенным начальником того, кто на него уповает и в нем полагает все надежды» [4, с. 81]. И с этим трудно не согласиться, ибо Господь вершит свою волю и одаряет того, кто живёт в вере и послушании и соблюдает заповеди мирские. «Божественные действия в человеке часто именуются благодатью Святого Духа» [1].

В контексте ЛСВ «Благодарение судьбы, что так случилось» [13, с. 74] и *учинили коронование (царя) в соборной болишой первой церкви и молили Бога* при соответствующем взаимоотношении субъектов представляет смысловое содержание 'обращение к Творцу с просьбой о милости к вошедшему на престол человеку, царю, о его добром руководстве и управлении при обладании властью'; а возможно, и имплицитное выражение 'благодарность за этого человека'. По мнению В.И. Карасика, «номинативное поле религиозного общения включает множество

участников, при этом существенным является признак принадлежности к церкви» [5, с. 222].

И потом царь благословляется же, и отец и мать дают благословение словом: «благослови Бог!» – содержание ЛСВ в данном контексте указывает на 'обращение к Создателю рода человеческого с просьбой об оказании Божией помощи, защиты, милости, а также о преподании благодти господней'. При наличии в контексте обращения к Господу «благослови Бог», «дай Бог» данные синтагмы приобретают, на наш взгляд, значение того, что для человека окружающий мир непонятен и сложен, что со временем он, с одной стороны, вызывает некую зависимость, беспомощность и страх в том, чтобы не прогневать Господа, а с другой стороны, – любовь к Богу, желание служить ему и привлечь к себе его милость. В.И. Карасик отметил как яркое свойство русской ментальности то, что «характерной особенностью дискурса в христианстве является максимальное понижение собственного индивидуального статуса человека, который себя должен именовать 'раб божий' и 'грешник', при этом важным является обращение к Богу» [5, с. 222]. Это свойство проявляет сему 'недостижимости' в значении центрального ЛСВ слова Бог как наименования Высшей Силы.

В контексте *молили Бога о царском и о царевнине и о сочетании законного браку* рассматриваемый ЛСВ используется для реализации смысла 'Бог как соединяющая в одно целое Высшая сила', возможно, имплицитное содержание 'прошение Творца о соединении двух сердец в единое целое' посредством таких сем, как 'обращение', 'прошение', 'моление'.

В контекстах *дают денги, что они за их государское здоровье молили **Бога**; посылают столников и стряпчих и жилицов с царскими грамотами, чтоб они **Бога** молили за государские здоровья ...; и во всех церквах **Бога** молиши о здоровье его царском и о царевнине указанный выше ЛСВ транслирует смысло-толкование 'обращение, просьба к высшей силе с мольбой о здоровье тела и силе души', которое восходит, безусловно, к религиозным концепциям представления Бога в соответствующем фрагменте концептосферы нации. См. далее: *как бывает празновати ... день рождения царского ... и того дни у царя на патриарха ... бывают столы ... и после стола патриарх моля **Бога** говорит речь заздравную* – возможно, имплицитное значение 'благодарение Бога за оказанную честь'.*

В представлении восточных славян Древней Руси Всевышний олицетворял собой совершенство добра, красоты и истины. Данное осмысление Бога как Совершенства и Богочеловека, в связи с наделением признаком красоты, получает реализацию в контексте как *от Всемогущаго **Бога** вдано человеком совокуплятися и плод творити* посредством соответствующих сем: 'величие', 'могущество', 'сила', 'участие', 'покровительство', смысло-содержательный аспект – 'высшая сила Божия состоит в его всевеличии, в возможности людям соединяться в одно целое и впоследствии может даровать им продолжение рода человеческого'. На наш взгляд, в представленном контексте заслуживает особого внимания то, что в религиозном дискурсе субъект наделяет Бога человеческими чертами и качествами, которые отражаются с помощью средств предикации *вдано*,

совокуплятися, творити, весьма убедительным доказательством служат религиозные представления о том, что Господь создаёт человека по своему образу и подобию.

При дальнейшем рассмотрении объёма концепта БОГ в сочинении Г. Котошихина мы наблюдаем, что в тексте, в зависимости от характера описываемых событий, т. е. происходящего, либо фиксируемой обстановки, использован предикат *подаровал*, вследствие чего меняется контекстуальное содержание ЛСВ «о прибавлении в семье» слова Бог в контексте: *и пошлет царь к патриарху с ведомостью, что подаровал ему **Бог** царевича*, семы 'одарение', 'благодетель', 'сила', 'возможность', 'способность', 'природное начало' и передаёт смысл 'Господь единственная и абсолютно недостижимая вершина, он стоит над всеми, творит мир и дарует жизнь'; см. далее: *молили **Бога** ... и за новорожденного царевича* – ЛСВ представляет смысло-содержательную сторону 'моление в благодарность за дарование появившегося на свет младенца, в данном случае царского', ибо рассматриваемый контекст напоминает об одном из основных сильнейших инстинктов человеческого сознания и понимания, заложенных в субъекте изначально (см. выше).

Царь Алексей Михайлович во времена правления понимал всю ответственность перед Господом за судьбу своего царства и при каждом удобном случае обращался за помощью к Богу, благодаря духовной подготовке к обряду венчания на царство приняв, видимо, в соответствии с мировоззрением православного богобоязненного человека то, что сам Бог возложил на царя

этот сан. Историки и мастера художественного слова стремятся подчеркнуть религиозность царя – первого в династии Романовых: «Алексей Михайлович, пройдя на своё постоянное место, сейчас же стал класть земные поклоны и долго потом стоял на коленях на небольшой поклонной колодочке ... Никогда никакое утомление или разнообразие дневных впечатлений не мешали ему проводить, перед отходом ко сну, около часу в Крестовой» [19, с. 37]. Более того, на наш взгляд, царь фактически стремился построить свою жизнь по тем образцам, о которых свидетельствовали жития святых угодников, понимая при этом всю возложенную на него ответственность, ибо «он неустанно и благоговейно слушал молитвы и чтение Златоуста – сборника учительных слов, расположенных по дням года [19, с. 37]. ЛСВ «дать клятву, присягнуть» [15, с. 258] в контексте: *царь обещался им Богом и дал им на своем слове руку* репрезентирует семы 'богоглаголивый', 'уверение', 'клятва', 'обязательство', 'обет', 'обещание' и представляет смысловую составляющую 'убедительно уверять / обещать что-либо выполнить', 'давать клятву исполнить свой долг', возможно, имплицитный смысл 'помочь или оказать содействие кому-либо'. Иисус Христос изрёк такие слова: «...не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его ... Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого» (Матф. 5, 33–37). А я говорю вам: не клянитесь вовсе ...» [8].

В контексте к *цесарскому величеству Римскому: «Милосердия ради милости Бога нашего, во еже посети нас восток*

свыше, и направити ноги наша на путь мирен, сего убо Бога нашего в Троице славимаго милостию, мы великий государь царь ЛСВ реализует такое смысло-содержание, как 'просьба, обращение к иноземцам ради Бога истинного прийти мирным путём, чтобы в дальнейшем поблагодарить за это Всевышнего', представлено эксплицитное содержание 'свой – чужой'. Нельзя не согласиться с тем, что «антропоцентричность семантики данного контекста не вызывает сомнений и говорит о приоритете человеческого над божественным» [18]; см. далее в контексте *а ежели они через его заклинание учнут на Крым ходить войною, и им в войне не даст Бог по-иску ЛСВ* репрезентирует смысловую форму 'при попытке навредить / нанести ущерб государству / пойти войной на него помощи Господней не будет и, как следствие, успехов', 'не осуществится задуманное даже при обращении к Всевышнему', 'бессмысленность обращения к Богу при неправом деле'. Более того, Создатель помогает только людям, творящим добрые дела. «А зло, по Божиим законам, уничтожает и себя и грешника. Убьёт грешника зло (Пс. 33: 22). Зло увлечет притеснителя в погибель (Пс. 139: 12)» [8].

В рассмотренном контексте Бог является / предстаёт перед нами как источник / мерило справедливости по отношению к иродам / злодеям. Не случайно Карасик заметил, что в «номинативное поле рассматриваемого религиозного общения включено множество участников, при этом очень существенным является признак принадлежности к церкви: свой – чужой» [5, с. 222].

ЛСВ в контексте: *и великий государь наш, его царское величество, на своих*

преславных и великих государствах Российского царствия, дал **Бог** в добром здоровье представляет смыслодержательное поле 'физическое и психическое благополучие по воле Создателя', ибо только с Божией помощью, Божией милостью, христианин направляет свою жизнь в сторону добродетели, света и веры. См. далее коннотативный компонент «выражение радости, удовлетворения» в контексте *а когда Всемогущий Бог королевскому величеству помог*, который репрезентирует идею 'подлинное служение Господу приводит к содействию Творца, оказанию помощи имущим, его неисчерпаемой силе, не имеющей никаких ограничений, его участию, приносящему и благо, и облегчение, вследствие чего и получен желаемый результат, в дальнейшем возможны хорошие, положительные последствия'.

Зависимость окраски слова *Бог*, например, при помощи прилагательного-определения *Всемогущий*, обозначается весьма ярко и экспрессивно в контекстах: *а когда Всемогущий Бог королевскому величеству помог; как от Всемогущаго Бога вдано человеком совокуплятися и плод творити* что говорит о силе и могуществе этого существа, управляющего миром. «Если Бог живёт в вечности, эта живая вечность должна превосходить противопоставление движущегося времени и неподвижной вечности» [14, с. 82]. По мнению Н.В. Писарь, «концепт БОГ имеет сложное и многослойное строение, поскольку как явление культуры содержит в себе не только семантическую составляющую, но и окружён эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом. И одновременно он является своеобразным кирпичиком в

строительстве когнитивной картины мира» [9, с. 9].

С учётом изложенного можно констатировать, что в сочинении Г. Котошихина такие ЛСВ слова *Бог*, как «Одно из сверхъестественных существ, управляющих какой-л. частью мирового целого, покровительствующих кому-либо, чему-либо»; «О человеке могущественном, наделённом властью над другими людьми» и «О предмете поклонения, восхищения», не используются, поскольку это более поздние значения, характерные для формирования светского мышления» [16, с. 80].

Таким образом, при рассмотрении лингвокультурологического концепта БОГ мы пришли к выводу, что на первый взгляд он обозначает субъект в сфере Высших Сил, который, благодаря предикатам, помогает, спасает, наставляет, обладает, воспринимает, мыслит, чувствует, создаёт, одаряет, наказывает, вершит, а затем и ту содержательную оболочку, в которой происходит интерпретация представленного концепта, ибо Бог верховное всемогущее существо, управляющее миром, обладающее даром речи, вершащее свою волю. Он предстаёт перед нами как предмет поклонения и обожания. Кроме того, при осмыслении той или иной ситуации, наблюдении характера языковых отношений между разными представителями или слоями общества эпохи правления Алексея Михайловича мы пришли к выводу, что и семы как сегменты ёмкого культурно значимого и исторически осмысляемого содержания, и смыслодержательная форма ЛСВ, в которой рассмотрен пласт концепта БОГ «Высшая сила», имеют диалектику развития; они отличаются и идеологически, и эстетиче-

чески, и экспрессивно, и по сферам употребления, а также по своему семантическому наполнению, или объёму. Однако во всех рассмотренных контекстах Бог – предмет поклонения и обожания, и христианин должен ему подлинно служить. Более того, в контекст сочинения, благодаря семантике предикатов при слове, Бог осмысливается как идеальная сущность, Высшая сила, дающая опору, центр духовной жизни православного государства.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: <http://azbyka.ru> (Дата обращения: 30.09.2015).
2. Аристотель. Сочинения в четырёх томах. Том 1. Ред. В.Ф. Асмус. М.: Мысль, 1976. С. 21.
3. Войлова К.А., Леденёва В.В. История русского литературного языка. М.: Дрофа, 2009. 496 с.
4. Григорий Богослов. Творения иже во святыхъ отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольскаго. Часть первая. М.: В типографии Августа Семёна при Императорской медико-хирургической Академии. 1843. С. 81.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 91, 222.
6. Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. / Сост., вступ. ст. и прим. В.Л. Александрова. М.: Правда. 1996. С. 109-110.
7. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. С.-Петербург: Издание Археографической комиссии, 1884. 272 с.
8. О необходимости добрых дел [Электронный ресурс]. URL: <http://blagovest.al.lg.ua/9701/01.html> (Дата обращения 22.09.2015).
9. Писарь Н.В. Дихотомия «Бог – дьявол» в древнерусской языковой картине мира: автореф. дис. канд. филол. наук. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2011. С. 9.
10. Рупосова Л.П. История межславянско-го языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: «Русская филология». 2012. № 1. С. 51-56.
11. Святитель Иоанн Златоуст. О вере, надежде и любви. М.: Православное братство святого апостола Иоанна Богослова, 2009. С. 20.
12. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. С. 54-55.
13. Словарь русского языка XI–XVII вв. Под ред. Бархударова С.Г. Выпуск 2 (Безпристрастный – Вейэр). Ленинград: Наука, 1975. С. 74.
14. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 82.
15. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Третье, исправл. и знач. доп., издание, под ред. проф. И.А. Бодуэна-Де-Куртенэ. Том 1. А – З. С.-Петербург: Типография «Поставщиков Двора Его Императорского величества товарищества М.О. Вольф», 1903. С. 258.
16. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. ИЛИ РАН; под ред. Г.Н. Складневской. М.: АСТ», 2001. С. 80.
17. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Приложение к журналу вопросы философии. Том 1. М.: Правда. 1990. С. 49, 595.
18. Французский мир и языковая личность [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/frantsuzskiy-mir-i-yazykovaya-lichnost> (Дата обращения 23.09.2015).
19. Шильдкрет К.Г. Гораздо тихий государь // Исторический роман. Романовы. Династия Романовых. Алексей Михайлович 1629 – 1676. М.: Армада. 1994. С. 37.

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.09Мориц Ю.
DOI: 10.18384/2310-7278-2015-6-63-66

Айрян З. Г.

*Национальная Академия наук Республики Армения
Институт литературы им.М. Абегамяна (г. Ереван)*

КОНЦЕПЦИЯ ИСТИНЫ В ТВОРЧЕСКОМ ВИДЕНИИ ЮННЫ МОРИЦ

Аннотация. Данная статья посвящена творческому наследию известной русской поэтессы Юнны Мориц.

Мировоззрение Мориц, её нравственные и эстетические принципы нашли своё воплощение не только в поэзии, но и в её эссе и рассказах. В них отразилось прогрессивное мышление автора, а также правдивое отображение действительности. Поиски истины и гармонии с миром воссозданы Мориц также в стихотворениях посвящённых Армении. Они служат продолжением тех литературных традиций, которые в своё время были основаны В. Брюсовым, И. Сельвинским, О. Мандельштамом и другими русскими поэтами-переводчиками, внесшими большой вклад в развитие русско-армянских литературных взаимосвязей.

Ключевые слова: поэзия, рассказ, эссе, описание, восприятие, литературные связи.

Z. Hayryan

National Academy of Sciences of Armenia M. Abegyan Institute of Literature (Yerevan)

THE CONCEPT OF TRUTH IN THE CREATIVE VISION OF YUNNA MORITZ

Abstract. This article is dedicated to the creative heritage of the famous Russian poet Yunna Moritz. World outlook of Moritz, her moral and aesthetic principles are embodied not only in poetry, but also in her essays and stories. They reflected the progressive thinking of the author as well as a true reflection of reality. The search for truth and harmony with the world is recreated by Moritz in poems dedicated to Armenia. They serve as a continuation of the literary traditions, which once were created by V. Bryusov, I. Selvinskiy, O. Mandelstam, and other Russian poets and translators, who made a great contribution to the development of Russian-Armenian literary relationships.

Keywords: poetry, short stories, essays, description, perception, literary connections.

В истории русской литературы Ю. Мориц известна как талантливая и глубоко одарённая поэтесса, прозаик, переводчик, смело заявившая о себе во второй половине XX столетия.

Юнна Мориц – автор таких известных книг, как *«Лоза»* (1970), *«Суровой нитью»* (1974), *«При свете жизни»* (1977), *«Третий глаз»* (1980), *«Избранное»* (1982), *«Синий огонь»* (1985), *«На этом берегу высоко»* (1987), *«Портрет звука»* (Италия, 1989), *«В логове голоса»* (1990), *«Лицо»* (2000), *«Таким образом»* (2001), *«По закону – привет почтальону!»* (2005; 2006; 2008 гг.), *«Не бывает напрасным прекрасное»* (2006), *«Рассказы о чудесном»* (2008) и многих других.

Поэтические сборники Мориц отличаются реалистическим описанием бытия, небывалой чуткостью и глубиной мысли, где со всей яркостью отразилась её поэтическая индивидуальность, культура слова.

В восприятии Мориц назначение поэта заключается в следующем: «У поэта не бывает отдельно никакой “гражданской роли” и “философской роли”, у него одна главная цель – быть поэтом. Кто-то будет потом приравнивать его слово к действию или к политическому высказыванию, подгоняя задачку под ответ, а кто-то к философскому осмыслению и к диалогу с историей, а кто-то песне ямщика или к сновидениям по Фрейд и Фукиаме. Но к самому поэту всё это имеет очень далекое отношение (а подчас и вовсе никакого) и добывается из его поэзии, прозы и биографии по мере потребностей злобы дня. За эти потребности поэт никакой ответственности не несёт, он вообще метеорит и струнный инструмент [3].

Высокую оценку поэтическому творчеству Мориц дал академик Дмитрий Лихачёв, который в своём письме поэтессе (31 января 1983 г.), писал: «Спасибо за Ваши книги... Пусть не называют Вас “поэтессой”. Вы поэт. Древнерусская тема-жизнь есть плавание. А плавание всегда открытие нового. В поэзии мы все ещё живем и будем. А жить до той поры, пока существует поэзия в эпохе “географических открытий”... Вот я открыл Ваше стихотворение “Игра на цитре”. Дивное» [3].

Мировоззрение Мориц, её нравственные и эстетические принципы отразились также в её эссе и рассказах, свидетельствующих о её литературном даровании.

Среди эссе наиболее известными являются такие, как *«Слабых, которые были сильными, бьют с особым наслаждением»*, *«Быть поэтессой в России труднее, чем быть поэтом»*, *«Свеча горела»* и другие, где отразилось прогрессивное мышление автора, поиски истины, а также правдивое отображение действительности.

Эссе *«Быть поэтессой в России труднее, чем быть поэтом»*, посвящено Анне Ахматовой и Марине Цветаевой, наделённых не только божественным талантом, но и силой духа и подвергнувшихся суровым испытаниям. Характеризуя поэтесс, Ю. Мориц отметила, что «...Ахматова и Цветаева являются нам в своей грандиозной и страшной красоте. Обе не только застыли в своих прижизненных размерах, не скрылись в тумане, не померкли, не засверкали салонным гляncем и лоском под полированной машиной времени, но, напротив, невероятным, сверхъестественным образом возрос-

ли над своими прижизненными масштабами» [3]. В восприятии Мориц они как две несмолкаемые колокольни чудом раскачивают свои мощные колокола, не прекращая свою исповедь. Именно так возник в сознании Мориц сан русской поэтессы – мерила творческой этики.

Литературный интерес представляет также эссе «Свеча горела», посвящённое известному литературоведу Михаилу Гаспарову, внесшему, по мнению автора, большую лепту в европеизацию российского общества.

В эссе Гаспаров представлен Мориц не только блестящим преподавателем вуза, но и автором 300 научных работ, прекрасных переводов, среди которых наиболее признанным является «Жизнь двенадцати цезарей» и другие.

В воспоминаниях Мориц Гаспаров был «...изумительно артистичным, мудрым, с тончайшим чувством юмора и всегда полным невероятными знаниями и энциклопедическими подвоями» [3].

Блистательно артистичный юмор Гаспарова был отмечен Мориц в её книге «Записки и выписки», где она указала на изысканность чистоты и простоты его языка.

Во всех эссе Ю. Мориц всецело отражены её гуманизм и гражданская позиция, где со всей объективностью оцениваются наиболее существенные политические события своего времени. Так, например, эссе «Слабых, которые были сильными, бьют с особым наслаждением» направлено против политики Альянса, поставившего цель разгромить на Балканах не режим Милошевича, а международное право.

Нестандартность мышления, широта творческой мысли ощущаются

также в книге «Рассказы о чудесном», состоящей из нескольких циклов, где ощущается острая и беспощадная ирония автора.

Реальность бытия, сплетённая с фантастическим сюжетом, воссоздана Ю. Мориц в рассказе «Помойное ведро с бриллиантами чистой воды», где автор раскрыла психологию и циничный мир главного героя Ивана Соломоновича Байрона, которому по воле судьбы выпало найти помойное ведро с наичистейшими бриллиантами. Злая ирония в сочетании с иносказанием позволили автору описать в рассказе несостоятельность общества, которое вызывало отвращение у самих не состоявшихся как личность героев рассказа.

Воспоминания тяжёлого детства в годы войны отразились в рассказе «Цветы моей матери», где дан образ кроткой и трудолюбивой матери автора, изготавливающей брошки из разных кусков материи для продажи.

Чувством любви и восхищением к матери пронизан весь рассказ Мориц, которая с грустью вспоминает её нежный образ: «Родилась моя мать в Рождество, душа её возвратилась к Творцу на Спас. Имя её в переводе на русский язык означало Нежная. Она была столь красива, что все на неё оглядывались. И две её дочки, мы с сестрой, росли в особом свете сладостной славы...» [3].

За большой вклад в развитие литературы поэзия Ю. Мориц была удостоена многочисленных премий и в Российской Федерации, и за её пределами, как, например: премия им. А.Д. Сахарова «За гражданское мужество писателя», «Триумф» (Россия), «Золотая роза» (Италия), национальная премия «Книга года» (в рамках Международ-

ной Московской книжной выставки-ярмарки) в номинации «Поэзия-2005», премия им. А. Дельвига – 2006, национальная премия «Книга года» (в рамках Международной Московской книжной выставки-ярмарки) в номинации №Вместе с книгой мы растем – 2008» и другие.

В 60-ые годы XX столетия в поисках истины и красоты Мориц впервые посетила Армению, которую она полюбила всем сердцем, посвятив ей лиричные стихотворения. В них блестяще воссозданы яркие краски древнейшей страны, образы её героического народа: [2]

*Уж мне снится Ереван –
Тот город радостный и яркий,
Где гор лиловый караван
Срисован для коньячной марки,
Где соки дикие шуршат,
Где в землю вдумались коренья...*

Ещё со студенческой скамьи большим другом Ю. Мориц был армянский поэт Паруйр Севак, которому она посвятила ряд стихотворений, где ей удалось описать и выделить лучшие черты его характера. А в стихотворении «Паруйр Севак» для поэтессы дата гибели поэта стала священной «на тысячи лет»: [2]

*...Копеечный, куций окурок дуката
Украсил его знаменитый портрет.
Теперь его гибель – священная дата,
И я полагаю, на тысячи лет.*

С чувством глубокого волнения поэтесса откликнулась на политический конфликт между Арменией и Азербайджаном и в стихотворении «Молитва», обращаясь к Всевышнему,

просит его уберечь и сохранить народы от войны: [1]

*В эти страшные, черные дни,
В дни разбоя, насилия, резни,
Матерь Божья, армян сохрани
И Армению.*

*В эти дни кроважавых побед,
О, великий Пророк Магомет,
Ниспошли Милосердия свет,
Примирающий Азербайджан
И Армению...*

Стихотворение «Молитва» – проявление высшего гуманизма поэтессы, её отношения к народам, конфессиям, её непримиримости к раздору, резне, войне. Стихотворение насыщено эмоциональным чувством Мориц, мечтающей видеть народы в мире.

Стихотворения, посвящённые Армении, являются продолжением тех литературных традиций, которые в своё время были основаны В. Брюсовым, И. Сельвинским, О. Мандельштамом и другими русскими поэтами-переводчиками, внёсшими большой вклад в развитие русско-армянских литературных взаимосвязей.

Поиски истины, любовь к миру, людям являются прочной основой творчества Ю. Мориц и свидетельствуют о её яркой и блистательной индивидуальности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Мориц Ю. В логове голоса. М.: Московский рабочий, 1990 г. 400 с.
2. Мориц Ю. Мыс желаний. М.: Советский писатель, 1961 г. 108 с.
3. Мориц Ю. [Электронный ресурс]. [сайт]. [2004]. URL: <http://www.morits.owl.ru>

УДК 821.161.1.09Лермонтов М.Ю.

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-6-67-74

Алпатова Т.А., Киселева И.А.*Московский государственный областной университет***СУДЬБА ТРАДИЦИЙ КАРАМЗИНИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ
М.Ю.ЛЕРМОНТОВА***

Аннотация: В статье ставится проблема присутствия и художественной трансформации в творчестве Лермонтова элементов карамзинизма. Воспринимаемый поэтом как уходящая эстетическая традиция, карамзинизм проявляется на уровне создания особых лирических ситуаций и мотивно-образных рядов. Наряду с поэтологическим потенциалом карамзинизма, Лермонтов усваивает и рокайльное чувство скоротечности жизни, которое влечёт за собой своеобразный трагический эпикуреизм. Творчески преобразуемая поэтом рефлексия мимолётности земного счастья сменяется напряженным поиском глубоких духовных оснований, которые способны вернуть человеку утраченную полноту бытия.

Ключевые слова: карамзинизм, М.Ю. Лермонтов, рококо, скоротечность жизни, трагический эпикуреизм.

T. Alpatova, I. Kiseleva*Moscow State Regional University***FATE KARAMZINISM'S TRADITIONS IN THE WORKS OF M. LERMONTOV**

Abstract. The article raises the problem of the presence and artistic transformation of elements of karamzinism in the works of Lermontov. Perceived by a poet as a vanishing aesthetic tradition karamzinism manifested at the level of creation of special lyrical situations and motive-image rows. Along with the karamzinism's poetic potential Lermontov learns and rocaille sense of the brevity of life, which entails a kind of tragic Epicureanism. Creatively converted reflection of transience of earthly happiness is replaced by intense search for deep spiritual basis which is able to give back the man the lost fullness of being.

Keywords: karamzinism, M. Lermontov, Rococo, the transience of life, the tragic Epicureanism.

Поэзия карамзинизма как историко-литературный феномен не раз привлекала внимание исследователей. Это одна из загадок русской литературы рубежа XVIII-XIX вв., обусловленная её переходным характером, когда движение от нормативно-традиционалистского к индивидуально-творческому типу художественного сознания [см.: 1, с. 3-38] оказывается главным содержанием и вместе – итогом литературной эпохи, в которой, по сути, нет «готовых», выкристаллизовавшихся и чётко оформленных «течений», «направлений» и «ме-

© Т.А.Алпатова, И.А.Киселева, 2015.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-04-00494 «Н.М. Карамзин: энциклопедический словарь»

тодов», а «исторический и культурный аромат» эпохи «...заключён в богатстве, неопределённости, незавершённости» [11, с. 6]. Помнить об этом очень важно и когда мы обращаемся к проблемам рецепции наследия рубежа XVIII-XIX вв. в творчестве представителей более поздней поры – сама природа художественно-эстетического развития переходного периода такова, что предполагает движение не от обобщающих категорий («традиции классицизма...», «...сентиментализма» и т. п.), а скорее от самих конкретных явлений, существовавших в историко-литературной реальности эпохи и в том или ином виде осознававшимися современниками.

Именно таковым на рубеже XVIII-XIX вв. в русской литературе оказывается карамзинизм. Неоднородное по своим эстетическим принципам, это явление, как справедливо указывали Ю.М. Лотман [11, с. 5-62], В.Э. Вацуро [4, с. 5-27], Б.М. Гаспаров [7, с. 6-12] и др., не может в полной мере отождествляться с привычными понятиями «художественных методов» и «литературных направлений». Карамзинизм шире – и сентиментализма, и предромантизма, и классицизма или «неоклассицизма»; его эстетика несёт в себе некоторые элементы нормативно-классицистской традиции и в то же время движется к индивидуально-творческим формам художественного выражения [16, с. 5-15]. По-своему значима для карамзинизма как литературного феномена и традиция рококо, основополагающие принципы которого также осознавались в первую очередь в динамике.

Проблема творческого взаимодействия Лермонтова с художественным

наследием карамзинизма должна рассматриваться с учётом неизбежного абстрагирования при строгом ограничении друг от друга различных стилей «большого XVIII века» как нормативно-традиционалистской литературной эпохи, каждый из которых по-своему реализовывал различные грани характерного для нее художественного сознания [8, с. 109-118]. Предметом наблюдений в данной статье будет «рокайльный» след в художественной системе карамзинизма и специфика его усвоения в творчестве Лермонтова – проблема, которая на сегодняшний день представляется актуальной, но отнюдь не часто привлекает внимание исследователей. Одной из причин этому видится сложность вопроса о том, какую из традиций рокайльной литературы (зарубежную или отечественную) имеет смысл рассматривать, когда речь идёт о творческом становлении Лермонтова, – при том, что решение этого вопроса неизбежно вызовет следующий: в каком случае речь будет идти о генезисе, а в каком – о типологических сходениях? Возможно, именно поэтому исследовательский интерес сосредоточен преимущественно на зарубежных связях – единодушно признаваемых в этом случае генетическими (вопрос о влиянии французской традиции рококо на юношескую поэзию Лермонтова получил достаточно серьёзное освещение в трудах В.Э. Вацуро [3, с. 49-90], Л.И. Вольперт [6] и др.). Вопрос о возможностях генетического изучения проблемы «Лермонтов и русская рокайльная традиция XVIII – начала XIX в.» ставился значительно реже, отчасти вследствие собственного замечания юного поэта: «Наша литература

так бедна, что я из неё ничего не могу заимствовать» [10, с. 353]). (см. подробный комментарий этого высказывания В.Б. Нейманом [13, с. 422-465], см. также: [2]). В связи с этим именно карамзинизм представляется перспективным предметом анализа в лермонтоведении – с одной стороны, как «итоговый» для русского XVIII столетия в целом историко-литературный феномен, с другой же – очевидно привлекательный для Лермонтова благодаря безусловному авторитету Карамзина. Попробуем выделить те рокайльные мотивы в художественном наследии карамзинизма, которые могли быть отправной точкой и в лермонтовских исканиях, оказываясь созвучны философии жизни и жанрово-эстетическим экспериментам юного поэта.

Как и другие стили, восходящие к литературным традициям XVIII в., рококо интересовало Лермонтова преимущественно в ранний период творчества, в рамках определённых, более тесно связанных с традицией жанров, и, как правило, влияние рококо представало в виде своеобразных устойчивых лирических ситуаций и мотивно-образных рядов. Память о рококо сохранялась в литературе 1830-х – начале 1840-х гг. в двояком виде: как конкретно-исторической литературно-художественной реальности, и как некое «рокайльного мироощущения», безнадежно утраченное на рубеже эпох, но от этого не растерявшего своего очарования для современников исторических потрясений.

По свидетельству П.А. Висковатова, становление и раннее литературное образование Лермонтова-ребёнка, по традициям того времени, соприкасалось с наследием французского рококо

благодаря личности его воспитателя, Ж.-П.К. Жандро, который «пленял безукоризненностью манер и любезностью обращения, отзывавшихся старой школой галантного французского двора» [5, с. 36]. Своеобразным литературным портретом Жандро исследователь считал ироническое изображение наставника героя в поэме «Сашка»: «Его учитель чистый был француз, //Marquis de Tess. Педант полузабавный, //Имел он длинный нос и тонкий вкус //И потому брал деньги преисправно. //Покорный раб губернских дам и муз, //Он сочинял сонеты, хоть порою //По часу бился с рифмою одною; //Но каламбуров полный лексикон, //Как талисман, носил в карманах он...» [11, с. 69] (ср. образы m l'Abbe Месье Трике в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина).

Это мифологизированное восприятие рококо как безнадежно утраченной, но очаровательной традиции XVIII столетия, эпохи изящества и галантности, во многом верно улавливало основополагающие эстетические принципы рококо как стиля, «парного» по отношению к строгому, рационалистичному и идеологически насыщенному классицизму [16, с. 71-78], «дополняющего» художественную палитру эпохи совершенно иными красками: изящество, элегантность, принципиальный отход от «серьёзных» и «больших» жанров в сферу интимно-личного, иронично-шутливого «лёгкого», флигельного.

Определяя значение рококо в истории литературы XVIII в., исследователи выделили в качестве главной мировоззренческой основы стиля постепенно крепнущее сомнение в возможностях разума всеобъемлюще

понять и объяснить устройство мироздания, законы общества и поведение человека; отсюда возникает сомнение как в государственническом пафосе «большого» классицизма, так и в идеях просвещения, а в конечном итоге – то самое ощущение хрупкости, мимолётности, ускользающей красоты, которое и стало главным отличительным признаком в мифологизированном культурно-историческом «образе рококо», усваиваемом литературой первой половины XIX в. [подробнее об этом см.: 14, 15, с. 205-217].

Наиболее «лермонтовским» в рокайльной системе мотивов, представляются почти обязательные в этой традиции размышления о скоротечности жизни, непрочности и зыбкости счастья, – ощущение, порождающее особо острую жажду наслаждений, своеобразный «трагический эпикуреизм». Человек рококо парадоксально двойственен: он упоен жизнью, но при этом разочарован ею, он чувствует, как «улетает» время, и утончённый эстетизм становится средством остановить его – хотя бы с помощью искусства.

Именно мотив скоротечности бытия (при гораздо более редуцированных мотивах наслаждения, утончённого эротизма и иронии) представляется наиболее характерным для карамзинского усвоения рокайльной художественной системы. Карамзинский человек уходит в мир «безделки», в мир «малого», не чувствуя возможности вместить «большое», ср. в «Анакреонтических стихах А* А* П*»: «...Что Ньютонова дара // Совсем я не имею...», «...Что дух сих Философов // Во мне не обитает...», «Что Томсонова гласа // Совсем я не имею...» [9, с. 68]. Частый для поэтологической лирики

в нормативно-традиционалистскую эпоху композиционный приём перечисления / «отрицания» всех ранее близких авторов, знаковых для той или иной поэтической традиции, ставших внезапно чуждыми, или ранее близких, но ныне отвергаемых поэтических мотивов («забавы детства», «блаженство дружбы», «добродетель», «науки»; см.: «Анакреонтические стихи А* А* П*») становится в карамзинских стихах именно воплощением особого чувства времени. Оно ускользает, с ним вместе уходят те ценности, которыми живёт в юные годы душа. И поэтому возвращение к утраченным темам на новом этапе жизни встраивает их в совершенно иной контекст: невозможные для самого человека «детство», «юность», «радость», «красота» завещаются юному другу – и светлое чувство, рождаемое подобным заветом, вновь окрашивается печалью, связанной с осознанием скоротечности и этого, нового счастья:

*В тот день, как ты родился,
Природа улыбалась;
Твоя душа любезна
Подобна сей улыбке
Прекрасная Природы.
Цвети, любезный отрок!
Любя добро всем сердцем:
Ты будешь счастлив в жизни;
Она подобна будет
Приятнейшей улыбке
Прекрасная природы!* [9, с. 82]

Юношеские стихотворения Лермонтова, наиболее тесно связанные с традициями «лёгкой поэзии» рококо, по преимуществу раскрывают устойчивый круг лирических ситуаций и мотивно-тематических рядов: антикизированное эмблематическое изображение любви в духе анакреонтической традиции («Заблуждение Купидона»,

1828), эротический намёк («Мадригал», 1829; «Счастливый миг», 1831), в ряде случаев прямо опирающееся на традицию Э. Парни, которую Лермонтов усваивал как непосредственно, так и благодаря художественному опыту поэтических переложений К.Н. Батюшкова (ср. «Письмо» Л., 1831, как своеобразное усвоение реминисценций стих. Батюшкова «Привидение», 1810, восходящего к элегии Парни «Le revenant»). Лермонтовскому лирическому герою рокайльный образ близок уже потому, что игриво-радостное мироощущение в нём зачастую рождается как антитеза жестокому окружающему миру – таково стихотворение «Весёлый час» (ср. одноименное стих. К.Н. Батюшкова, восходящее к мотивам Н.М. Карамзина). В «Весёлом часе» Н.М. Карамзина (1791) заглавие стихотворения не случайно актуализирует семантику времени. Судьба обрекла человека на горести и бедствия («Мы живём в печальном мире...»), однако он не должен отчаиваться – «наука жить» в том и состоит, чтобы ценить скоротечные радости земного существования:

*Всё печальное забудем,
Что смущало в жизни нас,
Петь и радоваться будем
В сей приятный, сладкий час!*

*Да светлеет сердце наше,
Да сияет в нем покой,
Как вино сияет в чаше,
Осребряемо луной [9, с. 101].*

«Весёлый час» Лермонтова – не просто гимн любви и веселью, противопоставление эпикурейских мотивов предощущению грядущей смерти, он переживается поэтом в темнице (ср. подзаголовок «Стихи в оригинале

найлены во Франции на стенах одной государственной темницы»), где способность радоваться каждой минуте бытия противопоставлена страданиям, ожиданию неизбежной смерти; именно дух рокайльной свободы делает здесь героя-узника окончательно независимым от любых земных «цепей» («Я на стене кругом // Пишу стихи углём, // Браню, кого придётся, // Хвалю, кого хочу, // Нередко хохочу...» (11, с. 18). Эти абсолютно свободные и радостные стихи, начертанные на стене темницы, обречённые на неминуемую скорую гибель, как и их автор, – один из символов амбивалентного мироощущения рококо, трагичного и светлого одновременно, угадывающего как неизбежную конечность всего сущего, так и скрытое житнетворческое начало, по-своему пророчествующего о бессмертии.

Интересно, что большинство юношеских стихотворений Лермонтова, так или иначе связанных с традицией рококо, развивают лирические ситуации, оформляющие своеобразную лермонтовскую поэтологию раннего периода («Цевница», «Пир», «Весёлый час», «Он любимец мягкой лени», «К гению», «Пан»). В этом смысле его восприятие рококо близко сходному вектору в юношеской лирике А.С. Пушкина. Дух «легкой поэзии» формирует и лиру юного поэта, освобождая его от гнёта чуждых нормативно-«серьёзных» традиций и, увлекая культом «безделок» (ср. своеобразную поэтологию их в творчестве Карамзина, Дмитриева и других поэтов – «карамзинистов»), уводит в чудесный мир, «под свод акаций», где «некогда стоял алтарь и муз и граций, // И куст прелестных роз, взлелеянных весной //

<...> Струя свой аромат, шумя с прибрежной ивой, // Шутит подчас зефир и резвый, и игривый...» («Цевница», 1828; 11, с. 11), причём наставником поэта оказывается Пан – в творческом воображении юного Лермонтова сливающийся по своим функциям, с одной стороны, с музой-наставницей, с другой же – с Ваххом, дарующим лирическому герою самые важные, с точки зрения рокайльной поэтологии, дары: «В одной руке его стакан, в другой свирель...».

Среди более поздних стихотворений Лермонтова, очевидно связанных с рокайльными мотивами традиции карамзинизма, находится и альбомное посвящение поэта дочери Карамзина, Софье Николаевне («Любил и я в былые годы...», датируется 1839 г.).

Стихотворение воспринимается как своеобразная эстетическая декларация Лермонтова. Перечисляя основные романтические штампы («бури шумные природы», «бури тайные страстей», «несвязный... очарованный язык» стихии), поэт выбирает иные, гораздо более простые и земные радости частной, повседневной жизни: «Путру ясную погоду, // Под вечер тихий разговор». В стихотворении присутствуют узнаваемые черты жанра альбомного посвящения, который нередко строился как своеобразная «игра» с адресатом, включал в себя намёки, понятные только узкому дружескому кругу; в этом смысле альбомные стихи «на случай» оказывались связаны и с дружеской атмосферой литературного салона – в данном случае салона Карамзиных, частым гостем которого был и Лермонтов. Дружеские намёки превращают последнюю строфу в подобное обращение «для немно-

гих»; перечисленные в ней ближайшие друзья и члены карамзинского семейства: Александра Осиповна Смирнова-Россет, Александр Николаевич Карамзин, а также Иван Петрович Мятлев. Наряду с С.Н. Карамзиной – адресатом посвящения – они в последние годы жизни Лермонтова были близки ему не только как светские знакомые, но и как друзья, единомышленники, и в стихотворении они – люди, к которым можно обратиться с самым туманным намёком, не опасаясь столкнуться с непониманием или холодностью.

Стихотворное посвящение С.Н. Карамзиной можно рассматривать и как часть своеобразного литературного «диалога» Лермонтова с карамзинской традицией, которую поэт начал осваивать, именно оказавшись в конце 1830-х-1841 г. в доме и салоне Карамзиных, свидетельством чего стало обращение к художественному опыту карамзинской прозы («Рыцарь нашего времени», 1802). Поэтическое обращение к старшей дочери Карамзина напоминает характерный для карамзинизма как особого литературного направления культ «безделок», мелких стихотворений, а также дружеских посланий Карамзина, в которых «камерная» семантика намёков и автобиографические мотивы, понятные лишь «для немногих», переплеталась с размышлениями о неизбежном движении человека от юности к зрелым годам, о постепенном изменении жизненных идеалов и открытии истинной мудрости в простоте:

*Хотя уж нет цветов весенних
У нас на лицах, на устах
И юный огонь погас в глазах;
Хотя красавицы престали
Меня любезным называть*

*(Зефиры с нами отыграли!),
Но мы не должны унывать:
Живём по общему закону...*

(«Послание к Дмитриеву в ответ на его стихи, в которых он жалуется на скоротечность счастливой молодости», 1794) [9, с. 138].

Таким образом, для живущего в новом поэтическом веке Лермонтова карамзинизм (во всяком случае, его рокайльный модус) сохраняет свою привлекательность. Воспринимаемый, в первую очередь, в виде отдельных мотивов, осознаваемых как «знаки» уходящей традиции, потенциал которой, прежде всего поэтологический, становится для Лермонтова одним из импульсов выстраивания собственной концепции творчества. Однако в ней рокайльное чувство мимолётности, «случайности» счастья достигает подлинной трагической глубины, а эфемерная мечта забыться в сиюминутных радостях жизни сменяется напряжённым поиском по-настоящему глубоких духовных оснований, которые и будут способны вернуть человеку утраченную полноту бытия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. С. 3-38.
2. Алпатова Т.А. Литературное образование М.Ю.Лермонтова и проблема места русского XVIII века в историко-литературной концепции поэта // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2013. № 2.
3. Вацуро В.Э. Литературная школа Лермонтова // Лермонтовский сборник. Л.: Наука, 1985. С. 49-90.
4. Вацуро В.Э. В преддверии пушкинской эпохи // Арзамас: сборник в 2-х кн. М.: Художественная литература, 1994. Кн. 1. С. 5-27.
5. Висковатов П.А. М.Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1891. С. 36.
6. Вольперт Л.И. Лермонтов и литература Франции. Тарту: Издательство Тартуского университета, 2010. 276 с.
7. Гаспаров Б.М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб.: Академический проект, 1999. 400 с.
8. Иваницкий А.И. Ещё раз о соотношении «сентиментального» и «классицистического» идеалов в поэзии Н.М. Карамзина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 4. С. 109-118.
9. Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений / Вступительная статья, подготовка текста и примеч. Ю.М. Лотмана. Л.: Советский писатель, 1986.
10. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). Изд. 2-е, испр. и доп. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979-1981. Т. 1. Стихотворения, 1828-1841 / Ред. В.Э. Вацуро; Вступ. ст., подгот. текста Т.П. Головановой. 1979. 655 с.
11. Лермонтов М.Ю. Автобиографические заметки // Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). Изд. 2-е, испр. и доп. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979-1981. Т. 4. Проза. Письма. 1981. С. 351-354.
12. Лотман Ю.М. Поэзия 1790-1810-х годов // Поэты 1790-1810-х годов / вступ. статья и сост. Ю.М. Лотмана, подготовка текста М.Г. Альтшуллера. Л.: Наука, 1971. С. 5-62.
13. Нейман Б. В. Русские литературные влияния в творчестве Лермонтова / В.Б. Нейман // Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова: Исследования и ма-

- териалы: Сб. 1. М.: ОГИЗ, 1941. С. 422-465.
14. Пахсарьян Н.Т. Искусство жить рокайльно // XVIII век: Искусство жить и жизнь искусства. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. С. 205-217.
15. Пашкуров А.Н. Поздний русский сентиментализм: диалог идиллического и элегического. Казань, 2010. 127 с.
16. Пospelов Г.Г. «Парные стили» в искусстве Нового времени // XVIII век: Ассамблея искусств. Взаимодействие искусств в русской культуре XVIII века. М., 2000. С. 71-78.

УДК 821.161.1.09Карабчиевский Ю.
DOI: 10.18384/2310-7278-2015-6-75-80

Белукова В.Б.

Московский государственный областной университет

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ГОРОДСКОЙ ПРОЗЕ ЮРИЯ КАРАБЧИЕВСКОГО

Аннотация: Статья посвящена исследованию экзистенциальных мотивов в прозе Юрия Карабчиевского 70-х-80-х годов прошлого века. «Вечные» проблемы: жизни и смерти, смысла и его утраты, свободы и ответственности, общения и одиночества – явились основными в рефлексии художника, занимали писателя до самого его трагического ухода... Поиск героя своей ниши в этой жизни был достаточно сложным: он везде чувствовал себя изгоем, истоки этого душевного состояния, корнящегося в детстве, рисуют безрадостную картину жизни целого пласта народа.

Ключевые слова: экзистенциальный, жизнь, смерть, любовь, изгойство, одиночество.

V. Belukova

Moscow State Regional University

EXISTENTIAL MOTIVES IN THE CITY PROSE OF YURIY KARABCHIEVSKIY

Abstract. The article explores existential motives in prose by Yuri Karabchievsky in the 70s-80s. Such «eternal» problems like life and death, sense and its loss, freedom and responsibility, communication and loneliness – were fundamental in the artist's reflection and kept him engaged till his tragic demise...

Pratagonist's search for his niche in life was difficult enough: he always felt like an outcast, the origins of this state of mind rooted from childhood and painted quite a bleak life picture of the significant part of the society.

Keywords: existential, life, death, love, pariah status, loneliness.

*Свобода там, где нет меня,
а там, где я, всегда неволя.*

*Юрий Карабчиевский
(«Патриотическое», 1986)*

Возникновение городов-монстров, в которых государственные механизмы пожирают человеческие жизни, породило лишённый всего живого бюрократический аппарат, подавляющий индивидуальность, перемалывающий личность в чуждую ей сущность [3, с. 309-318]. Человек вынужден либо бороться с подавлением своей индивидуальности, либо смириться. И оба этих пути оказываются достаточно трагическими.

Юрий Валентинович Трифонов, заслуженно считающийся первым представителем так называемой «городской прозы» второй половины XX века, заставил читателя задуматься над экзистенциальной сущностью человека – *«его места и роли в этом мире»* (курсив Ю. Борева. – В. Б.)» [3, с. 309].

Считая, вслед за французскими экзистенциалистами (Ж.П. Сартром, А. Камю), *«сутью экзистенциализма – примат существования над сущностью»* (курсив Ю. Борева. – В. Б.)», исследователь Юрий Боров делает вывод, что *«экзистенциализм утверждает одинокую эгоистическую самоценную личность, живущую в мире абсурда»* (курсив Ю. Борева. – В. Б.)», [3 с. 309].

Однако, думается, что определение «эгоистическая» не даёт полную характеристики личности, вынужденной жить «в мире абсурда», т. к. важнейшая экзистенциальная проблема – это индивидуальные жизненные выборы, которые сводятся «к четырем главным “узлам” (каждый из них содержит в себе антиномии-полярности – в пространстве которых, собственно, человеку и надлежит делать экзистенциальные выборы): проблемы жизни и смерти; проблемы детерминизма, свободы и ответственности; проблемы смысла и его утраты; проблемы общения и одиночества» [4].

Все эти «четыре узла» пытался развязать поэт, прозаик, литературный критик-эссеист Юрий Карабчиевский (1938-1992), всю жизнь проживший в Москве, но до 1988 публиковавший все свои произведения только на Западе, получивший наибольшую известность благодаря книге «Воскресение Маяковского» (1983, Мюнхен), удостоенной премии имени Владимира

Даля (1985). В 1991 году отдельным изданием в России вышел первый сборник прозы Ю. Карабчиевского «Тоска по дому», в который вошли роман «Жизнь Александра Зильбера» (1975) и повести «Тоска по Армении» (1976) и «Незабвенный Мишуна» (1986).

В 1982 году Леонид Баткин посвятил ему такие строки:

*Хорошо бы в дни лихие
нам дожить до мартабря
и дожждаться, чтоб тебя
напечатали в России [1].*

Дождались. Напечатали. И читатель наконец познакомился с тонким поэтом и не менее тонким прозаиком, ярким представителем городской прозы Юрием Аркадьевичем Карабчиевским.

Главный город в жизни Юрия Карабчиевского – Москва: «Москва – как город, Москва – как мир, как судьба» [10]. В Москве происходит действие романа, носящего явно автобиографический характер, «Жизнь Александра Зильбера». Однако писателю свойственно двойственное отношение к любимому городу: это родной и чужой город одновременно.

С одной стороны, Москва – единственный и любимый город в жизни писателя, где ему близко и понятно всё; в лирике Карабчиевский признаётся, что

*обречён с угрюмым обожаньем
смотреть
в её (Москвы. – В. Б.) спокойные глаза*
(«Трамвайная Москва», 1965) [10];

с другой –
*Москва, из тумана возникшая,
как женщина, мне изменившая,*

устало отводит глаза («Дикие песенки», 1969) [7].

Эта Москва уже предательница, непостоянная, изменчивая. Москва перестаёт быть родной. Поэтому и его чувства к Москве тоже двойственны: он осознаёт свою неопределённость, неприкаянность, чуждость в этом городе:

*...я приёмыш и подкидыш,
не пасынок, но также и не сын»* [7].
Но то же время он констатировал:

*Я на Москву нисколько не в обиде:
я ей чужой, хоть мне она своя.
Что б ни было, я верен ей до гроба»*
(«Юбилейная прелюдия», 1969) [7].

Личное одиночество – одна из первостепенных экзистенциальных проблем, лирический герой прозы Карабчиевского очень одинок, несмотря на то что он редко остаётся один. И Саша Зильбер (роман «Жизнь Александра Зильбера»), и лирические герои повестей «Тоска по Армении» и «Незабвенный Мишуня» – «объективированные авторы» (М. Бахтин) – все говорят о своём бесконечно одиночестве, отрешённости от людей, даже изгойстве. Особенно это чувствуется в романе «Жизнь Александра Зильбера», где своё отчуждение герой осознал уже в детстве. Отметим, кстати, что роман «Жизнь Александра Зильбера» написан не без влияния «Пушкинского Дома» (А. Битов, «Пушкинский Дом», 1964-1971; до 1978 рукопись ходила в «самиздате»; в 1978 первая публикация в издательстве «Ардис», США; в 1987 роман напечатан в журнале «Новый мир»), о чём ярко свидетельствует критическое эссе Ю. Карабчиевского «Точка боли» (О романе Андрея Бито-

ва «Пушкинский Дом») («Новый мир». 1988. № 5) [9].

Саша Зильбер, в образе которого угадываются автобиографические черты, чувствует себя изгоем, начиная с поездок в пионерский лагерь, но это очень сложное одиночество: его национальность – единственная причина его унижения и оскорбления сверстниками. По справедливому замечанию С. Костырко, «изгойство героя Карабчиевского <...> (прошу прощения за некоторую претенциозность оборота) экзистенциальное, питающее рефлексия каждого размышляющего художника» [10]. Каждая строка, описывающая страдания мальчика, наполнена детской горечью: например, отправляясь в ненавистный пионерский лагерь («у каждого, как бы ни сложилась его жизнь, есть своя лагерьная тема» – разрядка Ю. Карабчиевского. – В. Б.) [5, с.5], мальчик наперёд знает, что его будут травить, «до водить» (разрядка Ю. Карабчиевского. – В. Б.) [5, 11]: уже в автобусе он знает, что среди детей обязательно будет тот, чей взгляд бросит его в дрожь: «этот взгляд, какой он всегда одинаковый! <...> В нём нет даже злости, скорее радость: он нашёл меня. <...> Я ещё двигаюсь, трепыхаюсь, я ещё пытаюсь отвести глаза от этого жуткого перекрёстка, ещё делаю вид, что ничего не случилось, хотя точно знаю, что уже обречён» [5, с. 10]. Отец Саши погиб в 1942 году на фронте, но маленькие садисты «доводят» мальчика, не признавая этого факта: например, «умненький, гладенький, очкастый Эдик, наш “профессор”» на радость всей компании утверждает, что «евреев на фронте было очень мало» [5, с. 11], и заводит травлю, делает вывод: «папа Зильбер торговал в

палатке» [5, с. 12]. Им мало, что они это выдумали, – они бьют мальчика и принуждают его повторить их беспощадный вывод. Да, можно сказать, что дети малы, жестоки, глупы, необразованны, но вот мальчик вырос, как выросли и его обидчики, и во взрослом возрасте герой сталкивается с тем же: «Акоп долго жил в России и, видимо, хорошо усвоил стыдность и неловкость еврейской темы, тот назойливый вид, который она принимает даже в самых незначительных пропорциях» [8, с. 228].

Одиночество преследует Сашу, когда его мать «сходится» с дядей Яшей: он устал от попреков дяди Яши; бесконечно любя мать, не понимая до конца её нелёгкую долю, он устал от её лавирующего поведения между сыном и мужем, он испытывал постоянный страх «перед ненавистью своей и чужой, а больше чужой», испытывал «органическую боязнь вражды, которая была ещё, в свою очередь, крайним случаем боязни недоброжелательства» [5, с. 38]. Если взрослый человек может «сознательным усилием воли подавить врождённый свой страх» [5, с. 39], может контролировать свои чувства, то в детстве всё гораздо обостреннее, жёстче: для Саши Зильбера ненавистно было, например, такое рядовое явление, как соревнование; уже ребёнком герой «не мог выдержать испытания противоположностью интересов, открытого желания хорошего себе и плохого – товарищу» [5, с. 39]. И, когда Саша положил на лопатки в вольной борьбе Славку Дубовского, он недолго испытывал чувство «настоящего счастья», когда он мог положить на обе лопатки кого угодно, лицо противника было таким, что

Саша ушёл из секции навсегда. Любое соревнование предполагает некую иерархию, «жестокую лесенку: лучший, похуже, совсем плохой» [5, с. 41], а эта определённая, по его мнению, бесчеловечна. Так герой, размышляя над ситуацией, прислушивается к своему внутреннему голосу и предпочитает уйти из секции как раз в тот момент, когда ему удалось победить противника. Он снова один. Он не хочет быть ни лучше других, ни хуже. Он индивидуален, а не эгоистичен. Он для ребёнка слишком великодушен, потому что этот ребёнок – думающий, сопоставляющий, делающий выводы.

Герой всегда чувствовал между собой и людьми некую преграду, и причина была чаще всего в его национальности. Единственным местом, где он нашёл понимание, стала Армения.

В повести «Тоска по Армении» есть такой эпизод: герою, приехавшему в Ереван в командировку, организовали поездку в Эчмиадзин, по дороге зашёл разговор о культурных ценностях, герой вступил в разговор и сказал, что Айвазовский – плохой художник, Сароян не армянский писатель. Реакция была ошеломительная: «Мне показалось, что заглух мотор, – такая полнейшая образовалась пауза» [8, с. 229]. И на вопрос, почему Сароян не армянский писатель, автор высказал давно обдуманную сентенцию: «Язык определяет принадлежность писателя и только язык. Джозеф Конрад говорил по-английски с акцентом, и всё же он английский писатель, а не польский. И Кафка – немецкий, а не чешский и не еврейский. Как Борис Пастернак – не еврейский поэт. И даже Мандельштам, никогда не замалчивавший своего происхождения, наоборот, с гордо-

стью его объявлявший, был тем не менее русским поэтом и только русским» [8, с. 229]. Юрий Карабчиевский признавался, что еврейским языком он не владел, знал всего несколько слов или фраз, но был по духу своему русским писателем – «отечество писателя – его язык» [8, с. 229].

В повести «Тоска по Армении» даётся образ города и даже целой страны, где герой впервые почувствовал себя в полноте своей сущности: «здесь я был настоящим русским и здесь я был настоящим евреем, и то и другое – без всякой ущербности, легко и достойно, и как хотел» [5, с. 12]. Это неизведанное ранее состояние души *без всякой ущербности* приводит к тому, что «слёзы умиления и благодарности застилают мне глаза. Старый дурак. Ну что, что тебе такого сказали? Что сказали... Вот именно, что ничего!» [5, с. 199]. Ничего не сказали – это значит не осквернили память отца, не лишили золотой медали («вряд ли мне светит институт – без медали. В этом году прогноз для евреев был особенно мрачным») [5, с. 128], не кричали ему гадких черносотенных слов [5, с. 128]. Только в Армении его оставило чувство *боязни недоброжелательства* и он смог погрузиться в «весёлую самоиронию», «лирическую печаль», «растроганность», «даже несколько наивную восторженность»: «таковы страницы, посвящённые Армении и армянам, особенно знакомству с Грантом Матевосяном. Или уморительно-смешной и трогательный рассказ о дедке в «Жизни Александра Зильбера». И в «Мишуне» тоже совмещаются беспощадная точность (таково ведь свойство всякой точности), смех, доброта и почти умиление. Его «бытовая» проза – а какой

ещё она может быть у такого писателя? – помечена шрамами поэзии» [2].

Сергей Костырко, исследуя природу лирического наследия писателя, не уходя от большого национального вопроса, явившегося главной причиной одиночества и автора, и героя, определил его так: Юрий Карабчиевский «еврей – по крови, русский еврей – по судьбе, русский – по языку, по культуре, по литературе, в которой работал и которую сам создавал» [10], что, на наш взгляд, кажется совершенно справедливым. Сам Карабчиевский утверждал: «чего не хватает в родном языке, если он не родной тебе по крови: в нём не хватает с у д ь б ы (разрядка Ю. Карабчиевского. – В. Б.). Какой бы вклад ни вносили в русский язык немцы, татары, евреи и прочие, судьба его останется судьбою русского, этого и никакого другого народа» [8, с. 212]. И жизнь и смерть Карабчиевского – его судьба – стали тому подтверждением.

Леонид Бахнов подметил, пожалуй, самую важную черту характера Юрия Карабчиевского – органичность: «Карабчиевский был на редкость органичный человек. Для него было органично писать – он писал. Для него было органично не лгать – он не лгал. Для него было органично думать и излагать свои мысли, не скругляя их и не приноравливаясь к обстоятельствам – он это и делал» [2]. И ему было очень непросто, что его поэтическое и прозаическое наследие так долго не приходило к читателю. Уход из жизни Юрия Карабчиевского был весьма трагичен, думается, что до самого последнего дня не мог он забыть все детские и подростковые обиды, определявшие его изгойство.

Наследие Юрия Карабчиевского весьма впечатляюще: «Написанному Карабчиевским ещё предстоит прорасти в нас, его читателей, прорасти в литературе, впереди у него ещё целая жизнь» [10].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баткин Л. Тоска по России // Дружба народов. 1999. № 6. // magazines.russ.ru (дата обращения 03.10.2015).
2. Бахнов Л. Автопортрет на фоне... // Дружба народов. 2001. № 10. URL: magazines.russ.ru (дата обращения 14.10.2015).
3. Боров Ю.Б. Экзистенциализм // Теория литературы. Том IV. Литературный процесс. М., ИМЛИ ОАН, «Наследие», 2001. С. 309–318.
4. Братченко С.Л. Экзистенциальная психология глубинного общения. Уроки Джеймса Бюджентала. Москва: «Смысл», 2001. URL: psylib.org.
5. Карабчиевский Ю. Жизнь Александра Зильбера // Карабчиевский Ю. Тоска по дому. М.: СП «Слово», 1991. С. 3-184.
6. Карабчиевский Ю. Незабвенный Мишуня // Карабчиевский Ю. Тоска по дому. М.: СП «Слово», 1991. С. 185-296.
7. Карабчиевский Ю. Прощание с друзьями // magazines.russ.ru (дата обращения 04.07.2015).
8. Карабчиевский Ю. Тоска по Армении // Карабчиевский Ю. Тоска по дому. М.: СП «Слово», 1991. С. 297-349.
9. Карабчиевский Ю. Филологическая проза. Публикация Светланы Карабчиевской. Составление, подготовка текста, предисловие и примечания Сергея Костырко // Новый мир. 1993. № 10 // magazines.russ.ru (дата обращения 04.11.2015).
10. Костырко С. «С угрюмым обожанием...» // Новый мир. 1993. № 10. URL: magazines.russ.ru (дата обращения 04.09.2015).

УДК 82091

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-6-81-92

Блудилина Н.Д.*Институт мировой литературы им. А.М. Горького (г. Москва)***«ДУХ НОВОГО ВРЕМЕНИ» В СТАТЬЯХ «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ»
(1802-1804)**

Аннотация. В статье даётся анализ трансформации взглядов Н.М. Карамзина, отразившихся в его публицистических статьях в журнале «Вестник Европы» за 1802–1804 годы через призму спора либеральных и консервативных общественно-политических кругов в свете политических и культурных перемен сложной эпохи рубежа веков, которые в целом образно названы «дух нового времени». Также исследуется корпус переводных публицистических статей «Вестника Европы» за указанный период, которые в большинстве своём остаются не переизданы.

Ключевые слова: публицистика, политика, общество, культура, литература, консерватизм, либерализм.

N. Bludilina*Institute of World Literature (Moscow)***«THE SPIRIT OF THE NEW AGE» IN «VESTNIK EVROPY» ARTICLES (1802-1804)**

Abstract. The article contains the analysis of transformation of the views of the writer N. Karamzin, reflected in his journalistic articles in the magazine «Vestnik Evropy» in 1802-1804 years through the prism of the dispute of liberal and conservative social and political ideas in the light of the political and cultural change of this difficult era at the turn of the century, which, in general, figuratively was named «the spirit of the new age». It also explores the set of translated articles of «Vestnik Evropy» of a specified period, most of which are not reprinted.

Keywords: journalism, politics, society, culture, literature, conservatism, liberalism.

Редактирование журнала «Вестник Европы» — это отдельный важный период творчества Н.М. Карамзина: погружения в современные ему политические и культурные события Европы, в аналитическом сопоставлении деяний лидеров Запада и России в переломное историческое время. Цель и задачи нашей работы: изучить проблему трансформации взглядов писателя и показать, как они отразились в его публицистике в журнале «Вестник Европы» за 1802–1804 годы через призму спора либеральных и консервативных общественно-политических идей в свете политических и культурных перемен этой сложной эпохи рубежа веков, которые в целом образно названы «дух нового времени». Изучению публици-

© Блудилина Н. Д., 2015.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-04-00494 «Н.М.Карамзин: энциклопедический словарь»

стических воззрений писателя уделено было недостаточно много внимания как в русской критике XIX в., так и в литературоведении XX века, да и в современном. Например, Н.В. Кувшинова в своей кандидатской диссертации «Нравственные основания мировоззренческих идей Н.М. Карамзина», исследуя в целом формирование нравственных воззрений писателя, этому важному периоду посвятила небольшой фрагмент [11, с. 50]. До самого последнего времени весь корпус переводных публицистических статей «Вестника Европы» за указанный период остаётся неопубликованным, а доля авторства Н.М. Карамзина в некоторых из них представляет загадку. До сих пор существуют разные мнения исследователей, противоречиво толкующих проблематику и идеи содержания публицистических статей этого журнала. На художественное их своеобразие также мало обращали внимание.

Политические статьи Карамзина в «Вестнике Европы» за 1802–1804 гг. и его авторизированные переводы-извлечения из двенадцати лучших европейских журналов (подбор материалов всегда определялся издателем) отражали свежий взгляд на события своего времени и ясную их оценку просвещённым и литературно-одарённым современником, подготавливали и формировали общественные взгляды образованной русской публики начала XIX в. «Читатели из двухнедельных ясных обозрений Карамзина, – утверждал М.П. Погодин в своём биографическом труде, – понимали яснее и узнавали короче положение Европы, чем узнаётся оно из еженедельных наших газет» [14, с. 340–341]. Публици-

стика «Вестника Европы» привлекала внимание читателей не только отражением современных событий, но и своим содержанием и литературными достоинствами: ясностью, верностью, трезвостью и независимостью суждений (ведь издатель всегда предлагал читателю своё мнение о происходящих событиях и о характерах действующих лиц); образным поэтическим языком, насыщенным яркими тропами, общей художественностью стиля, не характерного для «скучно-казённого» изложения фактов, обычного для журнальной периодики.

С первых же страниц «Вестника Европы» Н.М. Карамзин погружал читателей в мир общественно-политических страстей сложной переходной эпохи, в извечный спор старого миропонимания с новым мировосприятием, в котором рождается «дух нового времени». В России это был молодой период царствования Александра I, когда много говорилось о «духе нового времени», о потребностях этого времени, о правах человека, о справедливости, о разумном устройстве государства. Жив в памяти был отрицательный исторический пример революционной Франции, когда под предлогом этих благих идей на общественное поприще выступили самые неразумные страсти человеческие.

Открывался «Вестник Европы» «Письмом к Издателю», где Карамзин откровенно и радостно рисует идиллическую картину современной ему действительности: «Искренно скажу тебе, что я обрадовался намерению твоему издавать журнал для России, в такое время, когда сердца наши, под кротким и благотворительным правлением юного монарха, покойны и веселы;

когда вся Европа, наскучив беспорядками и кровопролитием, заключает мир, который по всем вероятностям будет твёрд и продолжителен; когда науки и художества в быстрых успехах своих обещают себе ещё более успехов; когда таланты, в свободной тишине и на досуге, могут заниматься всеми полезными и милыми для души предметами; когда литература, по настоящему расположению умов, более, нежели когда-нибудь должна иметь влияние на нравы и счастье» [1, с. 3].

Пафос утверждения настоящего (или всё же надежды на будущее?) присутствует в этом ритмизованном лирическом тексте; указаны ведущие настроения наступившего «времени надежд» — «когда» «сердца ... спокойны и веселы» и долгожданный мир и тишина дают возможность заняться «всеми полезными и милыми для души предметами» [1, с. 3]. Милый предмет для «души» писателя — литература, он уповает, что она должна иметь влияние «на нравы и счастье».

Этому способствуют, он убеждён, и благие перемены в сфере просвещения общества: «...уже деятельный разум во всех состояниях, во всех землях, чувствует нужду в познаниях, и требует новых, лучших идей» [1, с. 3]. Карамзин указывает, что все сословия стремятся к просвещению: и «монархи в Европе считают за долг и славу быть покровителями учения»; и «министры стараются слогом своим угождать вкусу просвещённых людей», и «придворный хочет слыть любителем литературы; и «судья читает, и стыдится прежнего непонятного языка Фемиды»; и «молодой светской человек желает иметь знания, чтобы говорить с приятностию в обществе, и даже при

случае философствовать», и «нежное сердце милых красавиц находит в книгах ту чувствительность, те пылкие страсти, которых напрасно ищет оно в обожателях»; и «матери читают, чтобы исполнить тем лучше священный долг свой»; и «семейство провинциального дворянина сокращает для себя осенние вечера чтением какого-нибудь нового романа» [1, с. 3-4].

Мы видим вновь необычайно идеальный взгляд писателя на настоящее: он горячо доказывает, что все чаяния об образованном обществе из минувшего века Просвещения уже состоялись в веке наступившем или должны вот-вот исполниться. Порой кажется, что он выдаёт желаемое за действительное, точнее всё же, он прозревает будущее, даёт рекомендации и программу для действия. Для убедительности Карамзин вновь прибегает в тексте к выразительным ритмическим повторам, теперь однородных предложений, наполненных смысловыми доминантами, развивающими общую тему «всеобщего просвещения».

Вывод писателя однозначен: вкус к литературе «общая мода и главная в Европе», для этого он предлагает «только счесть типографии и книжные лавки в Европе» [1, с. 4]. Карамзин обращает свои взоры и на отечество: у московских книгопродавцев с некоторого времени торговля беспрестанно возрастает и, что особо важно для писателя, «хорошее сочинение кажется им теперь золотом» [1, с. 4]. Для убедительности он приводит свои личные наблюдения: «Я живу на границе Азии, за степями отдалёнными, и почти всякой месяц угощаю у себя новых *rapсодов*, которые ездят по свету с драгоценностями русской литературы

и продают множество книг сельским нашим дворянам. Доказательство, что и в России охота к чтению распространяется и что люди узнали эту новую потребность души прежде неизвестную» [1, с. 5].

Карамзин полагает, что в России литература может быть ещё полезнее, чем в других землях, ибо «чувство в нас новее и свежее; изящное тем сильнее действует на сердце, и тем более плодов приносит» [1, с. 5]. Писатель воображает себе «великой предмет для словесности, один, достойный талантов» так: «Сколь благородно, сколь утешительно помогать нравственному образованию такого великого и сильного народа, как российской; развивать идеи, указывать новые красоты в жизни, питать душу моральными удовольствиями, и сливать её в сладких чувствах со благом других людей!» [1, с. 6]. Это, конечно, главная цель и его творчества в целом, и в частности его публицистики периода издания «Вестника Европы».

Идея нового журнала созрела у Карамзина при чтении «любопытных» европейских журналов, в которых «все лучшие авторские умы на сцене»; и конкретная его задача – «выбрать приятнейшее из сих иностранных цветников и пересаживать на землю отечественную!» [1, с. 7]. Достоинство журнала, убеждён наш писатель, состоит в разнообразии, которое «приятно хорошим выбором», а хороший выбор иностранных сочинений требует ещё и хорошего перевода: «Надобно, чтобы пересаженный цветок не лишился красоты и свежести своей» [1, с. 7]. Его метафора «цветника» европейской культуры, пересаженного на российскую почву, явилась наилуч-

шим образом привлекательного для читателя «цветения» и процветания нового издания.

Одной из важных составляющих этого «цветника» являлся раздел «Политика»: «...надеюсь только, что эта часть журнала, ко счастию Европы, будет не весьма богата и любопытна». Карамзин поздравляет издателя с новым титулом «политика» и предупреждает его (и самого себя!) от излишнего увлечения этой журналисткой ролью: всему своё время и место. «Что для кисти Вернетовой буря, то для политика гибель и бедствие государств, народ бежит слушать его, когда он, сидя на своём трезубце, описывает раздоры властей, движение войска, громы сражений и стон миллионов; но когда громы умолкнут, все помирятся, и всё затихнет: тогда народ, сказав: *finita la comedia!* – Идёт домой, и журналист остается один с листьями своими» [1, с. 8]. В дальнейшем он будет следовать собственному совету и, чтобы его читатель не заскучал, наполнит свой «цветник» разнообразием тем.

В первом номере «Вестника Европы» раздел «Политики» открывало «Всеобщее обозрение», в нём была дана общая картина: «Наконец мир в Европе. Исчезли ужасы десятилетней войны, которая потрясла основание многих держав, и разрушая, угрожала ещё *большими* разрушениями; которая, не ограничиваясь Европою, разливала пламя своё и на все другие части мира, и которая будет славна в летописях под страшным именем *войны революционной*. Особенным её характером было всеобщее волнение умов и сердец. Кто не занимался ею с живейшим чувством? Кто не желал ревностно успехов той или другой

стороне? И многие ли сохранили до конца сей войны то мнение о вещах и людях, которое имели они при её начале? Она не только государства, но и самые души приводила в смятение» [1, с. 66]. Риторические вопросы в этой статье, как и яркие метафоры, придуют особую взволнованность публицистическим высказываниям писателя, эмоционально акцентируя смятение душ в период революционных войн, разливавших разрушительное пламя на все части мира. Если сравнить с рассмотренной начальной статьей «К издателю», здесь всё противоположно идиллическому описанию современности как эпохи, когда сердца «покойны и веселы». В этом же духе следует и продолжение обозрения: прошлое осталось позади, действия «ужасной революции» останутся «пятном» восемнадцатого века (далее идёт важное примечание автора), «слишком рано названного *философским*» [1, с. 66]. Писатель твёрдо убеждён, что девятнадцатый век должен быть счастливее, ибо народы уверились в необходимости законного повиновения, а государи – в необходимости «благотельного, твёрдого, но отеческого правления» [1, с. 66]. Венчает размышления о веке нынешнем и веке минувшем замечательный афоризм: «Сия мысль утешительна для сердца, которое в самых бедствиях человеческого рода находит, таким образом, залог добра для будущих времён» [1, с. 66].

Заканчивается «Всеобщее обозрение» описанием программы журнала, в котором читатели будут уведомляться «о мирном благоденствии держав, о полезных учреждениях во всех землях, о новых мудрых законах, более и более утверждающих сердечную связь по-

данных с монархами» [1, с. 84]. Вторя своему предупреждению об излишнем увлечении политикой, Карамзин утверждает: «Военные громы возбуждают нетерпеливое любопытство: успехи мира приятны сердцу» [1, с. 84], поэтому он оставляет издателям ведомостей право сообщать в отрывках всякого рода политические новости, а «мы будем замечать только важные» [1, с. 84]. Сверхзадачу издания писатель видит в том, что «Вестник Европы» в продолжении своём может составить «избранную библиотеку литературы и политики» [1, с. 84].

Обещанное читателям было исполнено уже в течение первого года.

Первое полугодие издания «Вестника Европы» (1802 г.) завершалось обзорной статьей Карамзина «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» (№ 12 за 1802 г.). Эту статью-обзор умонастроений начала XIX в. можно считать программой для развития общественного сознания александровской эпохи, в ней определены главные черты нового «духа» времени, который принесла французская революция в Россию — «духа» либерализма, и черты «старого», просветительского — «духа» рационализма и консерватизма. Остановим своё внимание на этой статье в поисках определения главных черт александровского времени по Карамзину.

Главный пафос статьи «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» (да и её название говорит само за себя) — «никакое время не обещало столько политического и нравственного благоденствия Европе, как наше» [4, с. 314]. «Не желаю быть мечтателем, — пишет Карамзин, — но в царствование Александра могут ли

добрые желания и патриотические надежды быть мечтами?» [4, с. 322]. Для молодого поколения русских образованных людей время это имело для России особенный характер счастливой и наполненной надеждами красивой молодости.

Статья Карамзина «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» открывается обзором внешнеполитических событий, которые и привели Европу к «политическому и нравственному благоденствию»: «Революция объяснила идеи: мы увидели, что гражданский порядок освящён» [4, с. 314]; «...французская революция, грозившая ниспровергнуть все правительства, утвердила их; (почти на всех тронах Европы видим юных государей, деятельных и ревностных к общему благу». Автор, выражая общественное мнение того времени, приходит к выводу: «Революция была злословием свободы: правительства, не хвалясь именем, дозволяют гражданам пользоваться всеми её выгодами, согласными с основанием и порядком общества» [4, с. 314-315]. Далее он рассуждает о «дружественном союзе народов», который благоприятствует «взаимному сообщению великих умов» [4, с. 315].

Взор автора обращён и к России: «Какой надежды не можем разделять с другими европейскими народами мы, осыпанные блеском славы и благодеяниями человеколюбивого монарха? Никогда Россия не уважалась в политике, никогда её величие не было так чувствуемо во всех землях, как ныне, ... она может презирать обыкновенные хитрости дипломатики и судьбою избрана, кажется, быть истинною посредницею народов» [4, с. 317].

Для Карамзина молодой монарх со-

единил в себе все те надежды, любовь и преданность, которые «поданные так счастливы законно отдавать своим владыкам». Нарушенный революцией миропорядок восстановлен, и Россию в этом обновленном мире ждёт великое будущее, убеждён Карамзин; и он готов в числе других «лучших умов» послужить отечеству «под знаменем властителей» и «способствовать успехам настоящего порядка вещей» [4, с. 315].

Ясно и точно выразил издатель «Вестника Европы» зарождавшиеся в русском обществе начала XIX века умонастроения, «дух нового времени», когда страстное желание служить истинному общественному благу сливается с не менее страстной верноподданностью своему юному монарху, олицетворяющему будущую державную мощь России.

Ранее в № 3 «Вестника Европы» за 1802 г. издатель привёл переведённую из парижского журнала статью «Новая политика», в которой также анализировались существенные изменения общественного сознания эпохи во Франции – переход от «философского» к прагматическому: «Мы свергли с неба старинных моралистов и новыми системами доказали ложь их мудрости. Всё приняло другой вид: доходы теперь стоят наряду с добродетелями, торг занял место нравов...» [2, с. 4]. Здесь звучит предупреждение об опасной перемене, которая наступает после революционных событий: на место благородных просветительских систем приходит низкая власть капитала.

Статья подобного политического содержания, «О мире», была напечатана и в № 8 «Вестника Европы» за 1802 г.: «Политическое спокойствие Евро-

пы, при нынешней отменной деятельности умов, обещает нам много приятного для жизни и много полезного для гражданского состояния людей. <...> Революция кончилась не только для Франции, но и в умах, которые теперь от одних мудрых законных властей ожидают лучшей доли для человечества в гражданском порядке» [3, с. 376]. Здесь вновь звучит надежда на благие перемены в общественном сознании («умах»), ибо «законные власти» должны гарантировать «гражданский порядок», это основа «общественного договора», столь долго обсуждаемого философами-просветителями на исходе восемнадцатого века.

Политическое равновесие внешних сил, по мнению Карамзина, создаёт благоприятные условия для равновесия внутреннего в государстве, в его общественном сознании.

В русскую литературу XVIII в. идеи Сен-Пьера и его «проект вечного мира» были введены благодаря переводам И.Ф. Богдановича сочинений Ж.-Ж. Руссо: в 1771 г. он издал «Сокращение, сделанное Жан-Жаком Руссо, женеvским гражданином, из проекта о вечном мире, сочиненного господином аббатом Сен-Пьером». «Общественный договор» Руссо, в котором развивались идеи «вечного мира» в значении социального равновесия, был опубликован на русском языке в 1786 г.

Со всеми этими работами Карамзин был хорошо знаком, и следы увлечения идеями «вечного мира» и в политическом, и в социальном значении можно найти в некоторых статьях «Вестника Европы».

Но рассуждения о «вечном мире» и сам проект вряд ли могли изменить

порядок вещей: Россия уже жила ожиданием войны с Бонапартом.

Карамзин, объясняя изменение самосознания русского общества в начале XIX века внешними причинами, поражает прозорливостью и широтой суждений о сложной и переменчивой эпохе, которыми мог, безусловно, обладать не просто непосредственный участник событий, а пытливый созерцатель и исследователь исторического процесса, с интуицией «гения», художника. Карамзин также поразительно точен и в передаче романтического мироощущения людей александровского времени, когда все ужасы прошлых потрясений забыты и все взоры и мысли мечтательно устремлены в будущее.

Как и в первой статье «К издателю», в статье «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» взор автора обращён к будущему России: звучит и радостная надежда Карамзина на новое царствование, основанная не только на преуспевании России во внешней политике, но и на внутренних благотворных переменах; о чём свидетельствуют «нынешнее общее спокойствие сердец», «благородные, истинно человеческие идеи», более и более действующие в умах [4, с. 317]. Автор статьи приходит к выводу, что «рассудок утверждает права свои и дух россиян возвышается» – это те важные перемены в общественном самосознании, которые, по его мнению, приведут к дальнейшему процветанию России [4, с. 317]. Написав картину просветительской идиллии «дней александровых прекрасного начала», Карамзин спешил заверить читателей, что Россия ещё не находится «на высочайшей степени блага и совершенства. Нет, мудрое правление наше тем счаст-

ливее, что оно может сделать ещё много добра отечеству» [4, с. 318].

И среди будущих благ «века Александра» Карамзин назвал «полное, методическое собрание гражданских законов, точно и мудро написанных», и отметил их особое значение, их историческую преемственность: «Великая Екатерина даровала нам систему политических уставов, определяющих права и отношения состояний к государству. Александр дарует нам систему гражданских законов, определяющих отношения граждан между собою. Тогда законоведение будет наукою всех россиян и войдёт в систему общего воспитания» [4, с. 319]. Карамзин статьей «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» готовил читателей к будущим значительным общественным переменам в России, которые должны будут продолжить начинания века просвещённого абсолютизма. Захваченный новым либеральным «духом» перемен, Карамзин в глубине души всё же склонялся к «старому» просветительскому взгляду: он был уверен в необходимости и в новом царствовании «действия истинного просвещения» [4, с. 319].

К кому были обращены все эти «надежды и мечтания» Карамзина?

К русскому дворянству; «оно есть душа и благородный образ всего народа», ему «слава и счастье отечества должны быть ... особенно драгоценны» [4, с. 321]. Карамзин назвал и «героя, своего времени» – «молодой человек с решительным образом мыслей» [4, с. 319].

Сложилось априорное мнение у некоторых исследователей вслед за утверждением Ю.М. Лотмана, что «Вестник Европы» Карамзина – журнал «откровенно бонапартистский» [13, с.

282]. Исследовательница И.И. Фадеева утверждает: «Карамзин не только анализирует происходящее в Европе, он словно использует личность и политику Наполеона как показательный пример для Александра Первого» [15, с. 154]; в том же духе рассуждает учёный историк М.Г. Лобачкова [12, с. 90]. Очевидно, что эта взаимосвязь выведена из ложного предположения, что антитеза Наполеон и Александр I, составившая организующее начало политической позиции «Вестника Европы», состояла в противопоставлении сильного правителя слабому. Но содержание первых годов выпуска журнала свидетельствует о другом: для издателя «Вестника Европы» это было противопоставление «тёмного» политического гения — Бонапарта (хотя «гений и злодейство», безусловно, для Карамзина «две вещи несовместные») и «светлого» политического гения — Александра I. Нельзя согласиться и с утверждением, что «Вестник Европы» – журнал «откровенно бонапартистский». Постараемся доказать обратное.

Материал о Бонапарте появляется в первых же номерах «Вестника Европы», но это свидетельствует не о «бонапартистском» направлении журнала, а об интересе читающей и думающей публики александровского времени к столь важной политической фигуре, и издатель, в соответствии с общественными задачами журнала, знакомит читателей с загадочным для них пока образом французского консула.

В журнале за 1802 г. № 1 Карамзин публикует переведённую из французского журнала статью «Анекдоты о Бонапарте», где представлен почти идеальный образ молодого гениаль-

ного полководца – провидца событий: «За несколько дней до отъезда в Итальянскую армию, Бонапарте пришёл к одному из друзей своих, спросил бумаги и написал в десять минут план военных действий, которой был у него в голове. В сем плане именно назначено, что первое поражение неприятеля будет при Меллезимо, и что Австрийцев должно выгнать из ущелий Тирольских. В конце сказано: *“И перед воротами Вены дам я вам мир!”*» [1, с. 60]; «Бонапарте был двадцати шести лет от роду, когда поехал командовать армиею. “Такому ли молодому человеку быть военачальником!”, – сказал ему один из его приятелей. *“Я еду молод, а возвращусь стариком”*, – отвечал он» [1, с. 61]; «Бонапарте в начале своего Консульства часто повторял, что Первый Консул должен быть не что иное, как первый и всегдашний ходатай государства по внешним и внутренним делам» [1, с. 62]; «Он сказал французским морским офицерам: *“Вы храбры, но были побеждаемы от неповиновения. На сухом пути храбрость без подчинённости может иногда победить, а на море никогда”*» [1, с. 62].

Что представляли собой на самом деле эти «анекдоты»: перед нами создаваемый в обществе миф о Бонапарте, который успешно растиражировали печатные органы, либо это сознательная пропаганда легенды о Наполеоне, которую сочиняли сами газетчики с подачи властей? Возможно, это было и то и другое. Встаёт и другой важный вопрос: сколько здесь правды и выдумки? Как эти вопросы разрешал для себя Карамзин, станет очевидным из дальнейших его публикаций на эту тему.

В № 8 «Вестника Европы» за 1802 г. Карамзин публикует «Письмо о консу-

ле Бонапарте» (без подписи), словесный портрет будущего героя или антигероя, и каждый из читателей волен сделать выбор сам: «Всякий портрет и бюст сего редкого человека должны быть похожи; но никакое изображение не представит его совершенно. Можно ли кистью или резцом изобразить огонь глаз и какую-то неизъяснимую любезность рта его? В приёме и обхождении он чрезвычайно холоден и даже застенчив; на всякого человека, ему представляемого, устремляет быстрый взор – потупляет глаза в землю, и редко взглядывает в другой раз, слушает с великим вниманием, и всего более удивляет тем французов; отвечает коротко и нерешительно, так что из слов его нельзя ничего заключить об успехе дела» [3, с. 343].

В приведённом выше «Письме о консуле Бонапарте» и в других исследуемых ниже статьях «Вестника Европы» можно предположить отчасти авторство Карамзина, который по всем отзывам европейской прессы создаёт некий собирательный психологический иронично-восторженный портрет Бонапарта, из которого явственно видны черты великого лицедея, играющего пока в многозначительность и загадочность «редкого человека», который на глазах изумлённой публики скоро превратится в «великого человека».

Далее в «Вестнике Европы» за 1803 г. (№ 12) появилось описание занятий Бонапарта – «День консула Бонапарта, из записок одной немецкой дамы, живущей в Париже»: «Всегдашняя деятельность есть главная потребность сего великого человека и первая черта его характера. Сие природное, весьма редкое дарование способствовало возвышению Бонапарте... и ныне помогает ему достойно занимать сию степень

величия... Прилежное исследование всех частей государственной науки делает его ежедневно способнее повелевать Республикою...» [5, с. 307].

Верил ли сам Карамзин в возможность превращения недавнего капрала в просвещённого правителя, или в этой «всегдашней» занятости он видел всего лишь притворство и игру в величие? Не случайно в тексте записок этой мифической немецкой дамы (происхождение должно было свидетельствовать о беспристрастности ее суждений) издатель «обронил» невзначай фразу-намек для проницательного читателя: «...консул должен много читать» [5, с. 307].

В то время многие горячие головы и тщеславные сердца молодых людей были романтически увлечены славой Бонапарта, которую они ошибочно принимали за величие, именно им в большей степени адресованы эти публикации.

В 1803 г. в № 18 «Вестника Европы» появилась новая статья о Бонапарте – «Письмо из Парижа. Приём в Сен-Клу. (Из нем. журнала)». В ней вновь описывается внешность французского консула, но для автора уже отчётливо видно, что «ни одна черта не изображает отменного человека»: «Взор его совершенно погас и не изъявляет ничего. Один умный физиолог, говоря со мной о том, заметил, что это бывает следствием живых, сильных страстей, глубоко скрываемых в сердце. Консул имеет одну страсть, но сильнейшую и самую *разрушительную*: властолюбие и любочестие; и никакой властитель лучше его не скрывал от толпы своего истинного характера» [5, с. 109-110].

Загадочный образ стал проясняться и вызывать явную неприязнь. Прозре-

ние наступило в 1804 г., когда произошло полное превращение «маленького капрала» в императора.

Карамзин в № 20 «Вестника Европы» за 1804 г. публикует статью, развенчивающую все романтические представления его молодых современников-либералов и о Наполеоне, и о французской революции – «Цезарь, Кромвель и Бонапарте (Из англ. “Ведомостей”): «Поработить народ именем вольности, предаться всем злодеяниям, твердя о добродетели: вот первые начала науки революционной! Известно, какую силу имеют слова над умами толпы народной, но ещё может быть и не довольно примечено, сколь далёко простирается сила их в отношении к тем, которые почитают себя чуждыми общих предрассудков, потому что воспользовались ими. <...> Г. Бонапарте, подобно Цезарю, уничтожил Республику, подобно Кромвелю восхитил престол своего государя; подобно тому и другому покусился присвоить себе царское достоинство – но здесь оканчивается сравнение». Отличие Наполеона от других тиранов автор статьи видит в том, «что г. Бонапарте рассудил за благо поступить совсем иначе: он дерзнул стать на ряду с государями, но мы уверены, что он от страха не назвался королём французов. Г. Бонапарте польстил себя надеждою, что титул императорское, новое для французов, не возбудит в них, подобно королевскому, напоминаний, для него страшных...». Заканчивается статья выражением изумления перед Наполеоном и другими представителями высшей власти: «Подивимся счастливой судьбе г-на Бонапарта. Приняв титул императорское, по особливим своим расчётам, он заставил го-

сударей следовать его примеру...» [8, с. 335, 337-339].

В «Вестнике Европы» за 1804 г. в № 21 среди известий из Парижа о последнем поразившем общество событии – короновании Бонапарта – печатается протест Людовика XVII: «Бонапарте, принимая на себя достоинство императора и желая, чтобы оно объявлено было наследственным в фамилии его, приложил тем самым печать к похищению им верховной власти. Сие новое деяние революции, в которой все, с самого начала, было ничтожно, не может без сомнения уничтожить права мои...» [9, с. 64].

«Вестник Европы» был, согласно взглядам своего издателя, монархическим журналом. В 1804 г. Карамзин во внезапном превращении французского правления из республиканского консульского в монархическое видел и подтверждение «давно уже всеми признанной истины», «что государство обширное и великое не может и не должно быть республикою» [9, с. 64].

В статьях «Вестника Европы» антитезой «тёмному» правителю-тирану, разрушителю спокойствия народов Европы Наполеону является «светлый» мудрый монарх, который «читит древний образ своего правления» и «безопасность и счастье своего народа» – Александр I.

В 1804 г. Карамзин опубликовал в № 21 журнала статью «Первые годы царствования Александра I». В ней «последним превращениям французского правления» противопоставлен идиллический образ России «под кроткою державою» Александра I: «Где господствует тишина и спокойствие, где земледелие и промышленность подают друг другу руки; где правитель и граж-

дане согласно текут путём своим; там народ благодетельствует под мудрым правлением» [9, с. 65]. Перед нами воплощение идеи «вечного мира», но уже не в политическом, а в социальном равновесии. Монархизм в то время исповедовало почти всё высшее сословие России, обожание своего монарха было естественным.

Очевидно, что «Вестник Европы» не мог быть «бонапартистским» журналом: целью писателя была не апология Наполеона как великого деятеля и человека, а напротив, его дискредитация, открытая демонстрация читающей публике низких черт его личности, в том числе изображение Наполеона как лицемерного лицедея, в котором нет ни простоты, ни правды, истинной основы величия (что позднее будет развито в исторической концепции Л.Н. Толстого).

Где искать истоки этих заблуждений молодых умов России? Карамзин видит их в иностранном воспитании целого поколения русских дворян, выросших на любви к Франции. «Мы осыпаны, можно сказать, обременены благодеяниями господ французов, – с иронией отмечал Карамзин в № 16 «Вестника Европы» за 1804 г. – Никто не сомневается, с какими трудностями сопряжена обязанность приучать грубых северных жителей произносить в нос французское **n**, заставлять вытверживать вокабулы и ощупью по пути непорочному и непроходимому вести нас к храму просвещения» [7, с. 658].

Анализируя прошедшие события, когда-то составлявшие содержание публицистических статей «Вестника Европы», Карамзин писал в «Записке о древней и новой России» о недавних ошибках и заблуждениях начала царствования Александра I: «Можно было

угадать следствия... Но отчего такая перемена в системе? Узнали опасное властолюбие Наполеона? А дотоле не знали его?...»; «...каким образом изъясним горестное расположение умов? Несчастными обстоятельствами Европы и важными, как думаю, ошибками правительства, ибо, к сожалению, можно с добрым намерением ошибаться в средствах добра» [10, с. 49-51].

Для Карамзина, погрузившегося в изучение русской истории, пора просветительских мечтаний и надежд периода издания «Вестника Европы» подошла к концу, наступила пора разочарования и переосмысления прошедшего перед лицом будущих испытаний «духа» нации «грозы двенадцатого года». Плоды его глубоких размышлений и анализа современности в сопоставлении с историей осуществились в его историко-публицистическом сочинении 1811 г. «Записка о древней и новой России», в которой автор выразил более зрелый и нелицеприятный взгляд историка на александровское правление и его реформы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. М.: в Университетской типографии у Люби, Гария и Попова, 1802. № 1. 100 с.
2. Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. М.: в Университетской типографии у Люби, Гария и Попова, 1802. № 3. 102 с.
3. Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. М.: в Университетской типографии у Люби, Гария и Попова, 1802. № 8. С. 293-395.
4. Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. М.: в Университетской типографии у Люби, Гария и Попова, 1802. № 12. С. 281-363.
5. Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. М.: в Университетской типографии у Люби, Гария и Попова, 1803. № 12. С. 239-323.
6. Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. М.: в Университетской типографии у Люби, Гария и Попова, 1803. № 18. С. 85-162.
7. Вестник Европы. М.: в Университетской типографии у Люби, Гария и Попова, 1804. № 3. С. 175-240.
8. Вестник Европы. М.: в Университетской типографии у Люби, Гария и Попова, 1804. № 16. С. 239-318.
9. Вестник Европы. М.: в Университетской типографии у Люби, Гария и Попова, 1804. № 20. С. 263-347.
10. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. 127 с.
11. Кувшинова Н.В. Нравственные основания мировоззренческих идей Н.М. Карамзина: Автореф. дисс. канд. филос. наук. ГОУ ВПО «Шуйский государственный педагогический университет», 2009. 21 с.
12. Лобачкова М.Г. «Вестник Европы» Н.М. Карамзина о политике первого консула Франции (1802–1803) // Вестник научно-технический информационных технологий, механики и оптики. 2006. Вып. 1(24). С. 84–89.
13. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 336 с.
14. Погодин М.П. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии. М.: Типография А.И. Мамонтова, 1866. Ч. 1. 398 с.
15. Фадеева И.И. Образ Наполеона Бонапарта в журнале Н.М. Карамзина «Вестник Европы» // Экстремизм, конфликты и войны: история и современность» Труды международной конференции. 2010. С. 154-156.

УДК 821.161.1.09 Петрушевская Л.
DOI: 10.18384/2310-7278-2015-6-93-98

Крылова С.В.

Московский государственный областной университет

РОЛЬ СИГНАЛЬНЫХ СЛОВ В ПОЗДНЕЙ ПРОЗЕ Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «ПРОДЛИСЬ, МГНОВЕНЬЕ!»)

Аннотация. В статье охарактеризованы основные черты поздней прозы Людмилы Петрушевской, главной из которых является изменение степени авторской и персонажной оценочности, пришедшей на место мнимого бесстрастия ранней прозы с её непроявленной позицией рассказчицы. На примере одного текста из сборника «Чёрная бабочка» (2008) показано, как через систему сигнальных слов, интонационных и стилистических модуляций принципиально неназидательная писательница ненавязчиво, но точно расставляет свои акценты, безупречно выверенные в нравственном отношении.

Ключевые слова: сигнальные слова, интонационные акценты, этическая позиция автора, средства авторской оценочности.

S. Krylova

Moscow State Regional University

THE ROLE OF SIGNAL WORDS IN LATER PROSE BY L. PETRUSHEVSKAYA (BASED ON THE STORY «WILL LAST THE MOMENT!»)

Abstract. The article describes the principal features of the later prose of Ludmila Petrushevskaya, the main of which is the change in the degree of character's and the author's evaluation, that had come to the place of the alleged dispassion of early prose with its undeveloped position of the narrator. On the example of a text from the book «Black Butterfly» (2008) it is shown how through the signal words, intonation and stylistic modulation not instructive writer in principle, unobtrusively, but firmly places emphasis that is perfectly adjusted morally.

Keywords: signal words, intonation accents, ethical stance of the author, the author's evaluative means.

Людмила Петрушевская в XXI век вошла признанным классиком. Она пишет мемуарную прозу, рецензии, заметки по поводу самых разных событий культурной и социальной жизни. Однако главным подарком читателю по-прежнему остаётся её чистый, почерпнутый из жизни вымысел – художественные тексты. Условно все её произведения рубежа XX-XXI вв. можно поделить на три взаимопроницаемые группы: произведения реалистического типа, рассказы из иной реальности и сказки. Взаимопроницаемые – потому что в каждой из обозначенных групп есть много общего: «петрушевская» сказовая интонация, ориентация на типажных героев, неразрешимость конфликтов (включая хэппи-энды сказок).

Как и в начале своей литературной деятельности, Петрушевская 2000-х продолжает рассказывать читателю мучительные истории о предательствах, сиротстве, надрывах, равнодушии, отчаянии. Брошенные дети, изменивший муж, пьющая мать-одиночка, беспомощные или, наоборот агрессивные старики. В годы социальной разрухи к этим типажам прибавятся беспризорники, пьяные подростки, профессиональные попрошайки, юные проститутки, бандиты, развратники всех мастей, мошенники. Весь этот паноптикум с многочисленными вариациями кочует из сборника в сборник. Меняются лишь детали сюжетов.

Петрушевская живёт долго. На её глазах разрушилась великая империя. Писательница зафиксировала, как одно зло сменилось другим, как общественный хаос сделал маленького человека ещё более уязвимым, большого – маленьким и наоборот. Вместо нищих советских интеллигентов – такие же нищие постсоветские, только работающие уже не по специальности, а где получится. Вместо туповатых партийных секретарей – деловитые циничные бизнесмены. Вместо надоевшей идеологии – психология потребительства. Сюжеты Петрушевской нацелены на вечные семейные архетипы: мать, дитя, бабушка, тёща, свекровь, отец, внуки. Семья на наших глазах разрушается ещё в большей степени, чем в СССР, и поэтому всё чаще в сюжетах фигурирует бывшая жена, любовница, вторая жена и т. п.

В постсоветской России стало меньше жалости, больше аморальности. Но писательский взгляд Петрушевской изначально был прикован к трагическим обстоятельствам, так что в вы-

боре сюжетных коллизий эволюции не произошло. Некий сдвиг, пожалуй, заметен в степени оценочности её рассказов, авторской и персонажной. Поясню свою мысль с помощью подсказок, данных Петрушевской в «Лекции о жанрах» (1998).

О первых своих бытописательских рассказах автор пишет: «Я многое прятала тогда, камуфлировала под бесстрастное, чёрствое, неблагородное повествование», говорила «голосом толпы и сплетни» [3, с. 322]. Действительно, возьмите любой рассказ Петрушевской 1970-х – начала 1990-х. За голосами героев почти не слышно автора. Писательница сама сравнивает ранние рассказы с пьесами-монологами. Поэтому по поводу первого, советского периода прозы Петрушевской уместны слова, сказанные ею о собственной драматургической стратегии: «Полностью спрятаться за героев, <...> ничем и никак не дать понять зрителю, кто тут хороший, а кто плохой, вообще ни на чём не настаивать, все одинаково хорошие, только жизнь такая» [3, с. 323]. Собственно, неготовность некоторых читателей к сотрудничеству с автором проявилась в обсуждении знаменитых произведений «Свой круг» и «Время ночь».

В этой же лекции Петрушевская утверждает, что в искусстве важен скорее не факт, а **знак**, который не каждый может прочесть: «...человек смотрит в книгу как в зеркало. Видит там себя. И интересно: один видит в тексте добро и плачет, а другой видит тьму и злится... На основе одних и тех же слов!» [3, с. 328].

В зрелой прозе Петрушевской гораздо больше сигнальных слов, знаков, интонационных акцентов для чита-

теля. Чуждая навязчивой дидактике, писательница осторожно включает в повествование собственную позицию – безупречно этичную, продиктованную состраданием к героям. От новеллы с её «зыбкой позицией рассказчика» [3, с. 330] в своих реалистических текстах Петрушевская стремится к деликатной, но твёрдой нравственной оценке.

Посмотрим, как эта стратегия проявилась в одном из рассказов сборника «Чёрная бабочка» (2008) – «Продлись, мгновенье». В нём повествуется о чудовищной, но, увы, не такой уж редкой истории серийных семейных предательств – с жертвами, мнимой безнаказанностью главных участников и неизбежным, но до поры не проявившимся возмездием.

«Существуют люди, которые прекрасно себя чувствуют в чужих домах, и их даже не назовешь прихвостниками или нахлебниками, как-то всё само собой устраивается, их призывают, в них нуждаются, и они настолько естественны в потреблении чужой жизни, так удобны в сосуществовании, что без них скучно», – так начинается повествование [4, с. 27]. Чей это голос? Вроде бы автора, но разговорное «прихвостники и нахлебники» и «без них скучно» сразу выдают и чьё-то чужое слово, органично вписанное в авторскую речь. Интонационно в этой фразе всё ровно. Лишь дочитав рассказ до конца, мы вернёмся к ней ещё и заметим слова-сигналы, но пока мы идём за нарративной мелодикой – достаточно стремительной, ориентированной на рассказывание истории, заурядность которой подчёркнута уже в самом начале – указанием на типичность героя (героини) – «существуют люди».

Следом, как и положено, появляются главные персонажи, введённые в повествование с минимальными характеристиками: «Татьяна К., к примеру, оказавшись почти на улице и без работы, была приглашена подружкой Соней пожить у неё в семейном загородном доме (муж, сын)» [4, с.27]. Стиль почти протокольный. Как всегда у Петрушевской, ни описаний, ни психологических подробностей, с весьма условным хронотопом. А дальше идёт оценочное предложение: «Татьяна как раз и обладала тем поразительным спокойствием и силой характера, которые обеспечивают человеку постоянное уважение и кусок хлеба, даже так» [4, с. 27]. Видите здесь слово-сигнал? Правильно: «даже так». В нём, помещённом в самый конец фразы, содержится некоторая доля сомнения к только что высказанной лестной характеристике. Чьё сомнение – автора или коллективного героя – мы тоже разберёмся только в финале. Важно, что два ракурса восприятия описываемых событий обозначены чисто языковыми средствами уже вначале, но авторская оценка всегда тонет в потоке чужой речи, она редко стоит в сильных позициях начала и конца рассказа, не выделена графически или интонационно.

История Татьяны К., разбивший семью подруги и ставшей третьей женой модного писателя Гены, написана в основном «голосом толпы и сплетни». Толпа далеко не всегда неправа. Стихийное правдолюбие иногда отражает вещи в истинном свете. Но нужен некто ПОДВОДЯЩИЙ ЧЕРТУ, чтобы конкретный факт и сплетню о нём перевести в иное поле – поле причин и следствий. Выполняет ли эту роль автор? И да, и нет.

Да – потому что формирует острое сочувствие к судьбам жертв, нет – потому что никогда не доминирует. Например, в сцене соблазнения невинной дурнушки Сони Гена несколько раз назван то «небритым седым стариком пятидесяти с лишком лет» то «дедом», то «дедушкой», то «стоеросовым пригородным мужиком» [4, с. 30-31]. Презрение к закоренелому блуднику очевидно, но сколько голосов в нём слышно? И автора, и потрясённой девственницы Сони, и, вероятно, позднейших комментаторов событий.

То есть нарративная амплитуда постоянно меняется, в пределах одной фразы, одного абзаца, сочетая иногда прямо противоположные смыслы. Так, первая жертва похотливого старика – страдающая неврозом безымянная жена, после ухода мужа к Соне покончившая с собой, – на языке сплетни (или самого Гены) названа «истеричкой», то есть вроде бы не вызывает сочувствия. Однако есть в нескольких строчках о ней и другая интонация, близкая к трагическому пафосу: «Дальше было то, что его жену уже должны были выписать из психбольницы, бедную истеричку с бессонницей в анамнезе, которая, не дождавшись мужа, не дозвонившись ему, приехала на такси домой, а там, в его рабочем кабинете, она увидела голые стены. То, чего она всю жизнь боялась, из-за чего не спала и устраивала скандалы, свершилось. Муж её покинул» [4, с. 30-31]. Читателю важно не пропустить этой мелодической вибрации, и тогда он никогда не сможет упрекнуть Петрушевскую в «чернухе».

Чудовищные этапы воцарения невозмутимой Татьяны в качестве помощницы Сони, затем любовницы

хозяина дома, затем его третьей жены, беззастенчиво оттеснившей подругу из семейного гнезда, затем неряшливой ленивой хозяйки дома, превращённого в притон, и матери троих умственно неполноценных детей переданы с предельной степенью откровенности, с шокирующим использованием той лексики, которая обозначает название пороков. Но никакого смакования сальных подробностей в рассказе нет. Комфортное существование двух прелюбодеев вновь окружено густой сетью комментариев – на сей раз «орд посетительниц» дома, с их пассивным сочувствием вечно голодным, оборванным детям-«инвалидикам», их неумением и нежеланием что-либо изменить и вовлечённостью в тлетворную атмосферу безмятежного семейства: «...где открытый дом – там и друзья с подругами, там и заказы и договоры, старик был старый сатир, остроумный и непристойный, смех, шутки, лапание, поцелуи, бабёнки липли к нему, а именно в руках женщин были вожжи от России. Русь, Русь, а куда ты мчишься? За деньгами» [4, с. 35]. Сознательное занижение знаменитой гоголевской цитаты призвано подчеркнуть не только угар безнадежной пошлости. Если учесть, что Гена зарабатывает писанием сценариев для сериалов, гниение отдельной семьи перестанет восприниматься как частный случай. Но Петрушевская не занимается социальным обличительством. Она следит за механизмом падения и возмездия.

К концу рассказа ощущение разверзающейся пропасти становится всё сильнее, а темп повествования – стремительнее. Появление на свет третьего ребёнка богемной четы совпало со смертью Сони от рака. Следы вырож-

дения в детях с возрастом проступают всё больше. Но родители нисколько не изменили свой образ жизни: «И дети тоже уже воровали самокрутки и пили остатки из стаканов. То есть дети вступили очень рано на тропу родителей, и это тоже обсуждалось <...>. Повторят ли дети путь матери и отца своего? Да» [4, с. 37]. Нельзя не споткнуться об эту неожиданную инверсию – «отца своего». В ней есть память о библейском тексте – с его сквозной идеей ответа за грехи. Стилистически вся эта фраза выбивается из контекста, но, так сказать, им же и забивается, стирается. Многочисленные подруги продолжают обсуждать вполне предсказуемые судьбы Гениных «инвалидиков» и умиляться спокойствию Татьяны («как скала, как скала») [4, с. 36].

Интонация сплетни всегда саморазоблачительна. Именно ею Петрушевская и заканчивает рассказ. Но аккомпанементом последним строкам звучит и другая мелодия – рока, возмездия, близости расплаты, неочевидной для участников событий и их богемного окружения, страшной в своей неминувности для автора: *«Да, и вся эта семья с потомством, она на глазах у всех втягивается в некую воронку, уходящую все вниз и вниз, в адские пределы, в глубины, куда не может заглянуть человеческое око: хотя что горевать?»*

Отец известный более-менее писателя, мать с образованием, интеллигентка, молчащая фигура, аллегория покоя *на будущем пепелище*, а дети пока что малые, нечего гадать-то...

И не надо кивать на прошлое, на две женские тени, всплывающие над этим очагом, не они накликают, нет. У теней вроде бы нет полномочий. Ну

встанут они в свое время у гроба, потусторонние вдовы, но их имена и на поминках не произнесут, к чему?»

Живём-то сейчас, ещё рано, рано. Не будем загадывать, продлись, мгновенье» [4, с. 37] (Авторские акценты выделены мной. – С. К.). Намеренно привожу такую большую цитату, чтобы показать амбивалентность, двойственность финальной части, где за легкомысленными посланиями коллективной «этики» слышны шаги судьбы.

Вернёмся к первой фразе рассказа. Авторский сигнал обнаружится теперь с несомненной очевидностью: «...настолько естественны в потреблении чужой жизни»... [4, с.27]. Одним из синонимов слова «потребление» является «уничтожение»¹... В этом процессе участвуют не только супруги Гена и Татьяна, но и их шумная свита. Петрушевская не позволяет себе напрямую воскликнуть романтическое «Но есть и Божий суд, наперсники разврата». У неё есть для этого другие способы: слова с семантикой смерти, потусторонности, страдания, вписанные в торпливую скороговорку рассказчицы. Пятнадцать лет назад Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий назвали это стилистическими сдвигами с «эффектом метафизических “сквозняков”» [1, с. 117].

Заглавие рассказа и повторяющие его последние слова содержат явную отсылку к «Фаусту» Гёте. И хоть Гена

¹ Интересны в этом отношении размышления современного писателя: «Есть ещё жуткое слово – потребление. По-церковнославянски «потреблять» значит «уничтожать». В либерализме требование свобод сводится к одному: дать злу такие же права, как добру. Делать это категорически нельзя ни в каком человеческом общении, будь то государство или семья» [5, с. 22].

не Фауст и Татьяна не Маргарита, однако фраза эта даёт чёткие ориентиры: в знаменитой трагедии она была одним из условий сделки с Мефистофелем. Инфернальный подтекст слышен в финале рассказа и усилен его названием. Для Петрушевской, вслед за Гоголем необычайно чуткой к дыханию потусторонности, просьба «Продлись, мгновенье» говорит об обречённости этих людей – не только здесь, но и в мире ином. Есть пределы беззаконию, есть и расплата за чужую боль. Адская воронка, тянущая в преисподнюю, не знает сбоев. Так осторожно, без нажима, через тонкую сеть сигнальных образов принципиально неназидательная писательница формулирует свой категорический императив. Может быть, поэтому рецензент сборника «Чёрная бабочка», давняя поклонница творчества писательницы Лиля Панн, увидела в его поэтике «новую Петрушевскую – остающуюся собой и одновременно возвращающуюся, словно умудрённую долгой литературной жизнью, в традицию». [2, с. 178].

Пристальное внимание к этому приёму проливает некоторый свет и на

ранние вещи Петрушевской, вроде бы лишённые сигнальных слов, но держащиеся на той же неровной интонации, за которой ощутим страх перед людской безжалостностью и чаяние другой жизни, неведомой героям, но интуитивно угадываемой автором. Поздняя Петрушевская больше и чаще плачет невидимыми миру слезами. Именно они проступают в виде акцентных вербальных знаков в художественной ткани её трагических историй.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Людмила Петрушевская // Современная русская литература: В 3-х кн. Кн. 3: В конце века (1986-1990-е годы): Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 112-122.
2. Панн Л. Запретная зона Людмилы Петрушевской // Новый мир. №12. 2008. С. 177-181.
3. Петрушевская Л. Лекция о жанрах // Девятый том. М.: Эксмо, 2003. 332 с.
4. Петрушевская Л. Продлись, мгновенье // Чёрная бабочка. СПб.: Амфора, 2008. С. 27-37.
5. Шипов Я. Бог даст, русские выстоят. Интервью журналу «Славянка» // Славянка. N 4. 2015. С. 14-22.

УДК 821.161.1.09 Леонтьев К.Н.

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-6-99-105

Павлова А.В.*Московский государственный областной университет*

**ЖИЗНЕОПИСАНИЕ И ДУХОВНЫЙ ОБЛИК СТАРЦА АМВРОСИЯ
ОПТИНСКОГО В БИОГРАФИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА
1891 ГОДА «ОПТИНСКИЙ СТАРЕЦ АМВРОСИЙ
(ИЗ ПИСЬМА К РЕДАКТОРУ «ГРАЖДАНИНА»)»**

Аннотация. В статье представлен духовный облик старца Амвросия Оптинского, внимание уделяется его подвижнической жизни. Проводится краткая сравнительная характеристика пути к Богу старца Амвросия и писателя К.Н. Леонтьева – его духовного сына. Подробно описана блаженная кончина старца Амвросия и чудеса, сопровождавшие её. Автор статьи обращает внимание читателей на художественные особенности биографической повести: кольцевая композиция, наличие цитат из Священного Писания, вставные элементы в виде стихотворения неизвестного автора и отрывков из прозаических произведений Евгения Поселянина, посвящённых Оптиной Пустыни и старцу Амвросию Оптинскому.

Ключевые слова: биографическая повесть, старец Амвросий Оптинский, житие старца, художественные особенности произведения.

A. Pavlova*Moscow State Regional University*

**BIOGRAPHY AND SPIRITUAL IMAGE OF THE ELDER AMVROSIY
OF OPTINA IN THE BIOGRAPHICAL NOVEL OF 1891
«THE ELDER AMVROSIY OF OPTINA (FROM A LETTER TO THE EDITOR
OF «THE CITIZEN»)» BY K. LEONTIEV**

Abstract. The article presents the spiritual image of the elder Amvrosiy of Optina, attention is paid to his ascetic life. A brief comparative description of the path to God of the elder Amvrosiy and of the writer K. Leontiev, his spiritual son, is introduced in it. The blessed repose of the elder Amvrosiy and wonders that accompanied it are described in detail. The author of the article draws the readers' attention to the artistic features of the biographical novel: the presence of quotations from Scripture, ring composition, inserted elements in the form of a poem by unknown author and excerpts from prose of Evgeniy Poselyanin dedicated to Optina and the elder Amvrosiy of Optina.

Keywords: biographical novel, elder Amvrosiy of Optina, the life of the elder, the artistic features of the artwork.

Биографическая повесть «Оптинский старец Амвросий (Из письма к редактору «Гражданина»)» является завершающим произведением в творчестве К.Н. Леонтьева, посвящённым теме старчества. Писатель создал ее менее чем за месяц до своей кончины в 1891 году. Он, будучи уже больным человеком и находясь в Троице-Сергиевой Лавре, получил известие о смерти своего духовного отца – старца Амвросия Оптинского, который был ему очень дорог и близок.

Путь старца Амвросия к монашеству очень напоминает путь к нему и самого К.Н. Леонтьева. Отец Амвросий (в миру Александр Михайлович Гренков) так же, как и некогда К.Н. Леонтьев, в юности тяжело заболел и дал обет Богу в случае Его чудесной помощи и исцеления стать монахом. Он был исцелён, но лишь спустя четыре года после выздоровления и мучительной жизни среди мирской суеты пришёл в монастырь – Оптину Пустынь. Вот как он сам об этом писал: «После выздоровления я целых четыре года всё жался, не решался сразу покончить с миром, а продолжал по-прежнему посещать знакомых и не оставлял своей словоохотливости. <...> Но придёшь домой – на душе неспокойно. <...> И так вот я мучился целых четыре года» [3, с. 26-27]. Удивительно похожи были жизненные пути этих двух людей – не только по сложившимся обстоятельствам, но и по устроению их душ, мучительно искавших смысл жизни и обретших его в Боге и монастырском единении.

Смерть старца Амвросия глубоко потрясла К.Н. Леонтьева. В знак преданной любви и желания почтить память старца писатель, сам уже на-

ходясь на смертном одре, создал прекрасное произведение – биографическую повесть «Оптинский старец Амвросий (Из письма к редактору «Гражданина»)». Для печати он направил её в газету-журнал «Гражданин», в котором в течение жизни опубликовал не одно художественное произведение. Именно там эта биографическая повесть впервые вышла в свет.

Это небольшое произведение состоит из двух частей. Первая из них начинается словами святого апостола Павла из Послания к Римлянам (глава 12, стих 21): «Не будь побеждён злом, но побеждай зло добром» [2, с. 805]. Почему К.Н. Леонтьев открывает биографическую повесть этим поучением? Возможно, потому, что эти слова были особенно дороги ему, и он всю свою жизнь старался следовать такому важному духовному наставлению, или просто при чтении апостольских посланий эти мудрые слова более других поразили его. Не меньший интерес вызывает следующий вопрос: почему это наставление К.Н. Леонтьев использует в повести, посвящённой старцу Амвросию? Ответ представляется достаточно простым и очевидным. Отец Амвросий, по воспоминаниям тысяч людей, был очень добрым и открытым человеком, не знавшим гнева и раздражения, необыкновенно терпеливым и любвеобильным, излучавшим свет, тепло и ласку и всегда искренне сопереживавшим чужим бедам и горестям. Про него можно уверенно сказать, что он победил зло добром.

Конечно, нам, обычным мирским людям, сложно, да и, наверное, почти невозможно достигнуть такой простоты, доброты и святости, какие были у старца Амвросия Оптинского. Но мы

можем и должны хотя бы в малой степени стремиться к этому, поскольку в этом и заключается смысл нашего земного существования – победить зло добром и тем самым приблизиться к Богу. К этому нас призывает и К.Н. Леонтьев в биографической повести: «Ведь мы все <...> православные христиане: не будем же более радовать мелкими раздорами нашими наших общих врагов, которые не дремлют, как вы видите, и восстают с разных сторон, и в новых видах и с новым, разнородным оружием...» [2, с. 805].

Частое отсутствие в людях любви к Богу и желания соединения с Ним очень волновало К.Н. Леонтьева. Можно утверждать, что именно по этой причине он и создавал свои религиозные произведения – всем сердцем и разумением хотел привести народ к вере. Он беспокоился, что литература почти не принимает участия в самой важной жизненной миссии – проповеди христианства, и потому возложил на себя эту нелёгкую обязанность, считая её своим долгом. «Неужели добросердечность, неужели «мораль» будут уместны везде, кроме литературы? – размышлял К.Н. Леонтьев. – Неужели только в литературе, под предлогом службы «идеям», будет разрешено и похвально всякая злопамятность, всякая желчь, всякий яд, всякое упорство и всякая гордость, даже из-за неважных оттенков в этих идеях? Нет! Не верю я этому!» [2, с. 805]. Думаем, это и есть причина, по которой К.Н. Леонтьев создал эту биографическую повесть и ряд других произведений. Донести Истину, добро и свет через художественное произведение – вот цель К.Н. Леонтьева. В биографической повести он запечатлел светлый

образ оптинского старца, чья доброта, сердечность, милосердие и искренняя вера способны обратить к Богу каждого человека.

Старец Амвросий Оптинский «был одним из тех миротворцев, про которых сказано, что они «сынами Божиими нарекутся». Он скончался, обременённый годами и недугами и утомлённый, наконец, – непосильными трудами для исправления и спасения нашего...» – так начинает К.Н. Леонтьев повествование о старце Амвросии [2, с. 805]. Этот же приём – начинать рассказ о духовном отце вестью о его кончине – он использовал и в других произведениях: «Воспоминание об архимандрите Макарии, игумене Русского монастыря Святого Пантелеймона на Горе Афонской» и «Отец Климент (Зедергольм) – иеромонах Оптиной Пустыни».

Особенностью анализируемой биографической повести является то, что К.Н. Леонтьев включает в произведение не только собственные наблюдения и воспоминания о старце Амвросии, но и заметки других авторов о нём и о его жизни. Так, например, в биографической повести имеется два небольших рассказа об отце Амвросии Оптинском известного православного писателя Евгения Поселянина: первый – о жизни старца в миру, о его молодых годах и затем о поступлении в монастырь, а второй – о его кончине и погребении. Замечательно, что К.Н. Леонтьев внёс в произведение стихотворение неизвестного автора, найденное им в № 285 газеты «Московские Ведомости». Посвящено оно старцу Амвросию и Оптиной Пустыни – месту обретения душевного успокоения и тихой радости о Господе. Стихотво-

рение удивительно изображенной в нём неземной красотой Оптиной Пустыни: её белокаменных монастырей, а также рек и лесов, окружающих её. Кажется, что на земле нет и не может быть столь прекрасного места. Но оно есть. Это благословенная Оптина, куда приходили пешком подвижники, чтобы остаться там навсегда, куда приезжали и продолжают приезжать паломники не только со всей России, но и со всего мира. Это действительно святое место – духовное пристанище ищущих Царствия Небесного:

Здесь пристань тихая у верных берегов <...>

В лесу, в скиту святом здесь старец прозорливый;

Но мир о нём узнал: рукой нетерпеливой

Стучит уж в дверь к нему и просится народ... [2, с. 809]

Строки этого прекрасного стихотворения убеждают нас в том, что отец Амвросий, проводя жизнь в посте и молитве, достиг небывалой духовной высоты. Житие старца рассказывает нам, как искушала и манила его к себе мирская жизнь, полная веселья и беспечности, и как мучила его совесть и не могла найти успокоение душа, стремившаяся к Богу. В то же время терзали его мысли, что он не выдержит нелёгкой иноческой жизни. Несмотря на все эти искушения, старец Амвросий всё же пришёл в монастырь и сумел стать не только хорошим монахом, но и мудрым старцем, духовным отцом и наставником тысяч людей, столпом Русской Православной Церкви.

Из жития преподобного Амвросия Оптинского и биографической повести К.Н. Леонтьева мы узнаём, что отец Амвросий был избран старцем в

1866 году после смерти своего духовного отца – старца Макария. К отцу Амвросию Оптинскому за духовным советом и утешением приезжали такие известные русские писатели XIX века, как Ф.М. Достоевский и граф Л.Н. Толстой (впоследствии он приезжал в Оптину Пустынь и к поступившему туда К.Н. Леонтьеву).

Неоценима заслуга старца Амвросия перед всей Русской Православной Церковью. Все, кто знал старца или хотя бы раз в жизни встречался с ним, отмечали, что «всякий подходивший к отцу Амвросию выносил сильное, незабвенное впечатление, в нём было что-то действовавшее неотразимо» [2, с. 807]. Кроме духовной мудрости, старец был ещё одарен необыкновенным умом и, получив в миру хорошее образование, плодотворно потрудился в монастыре над переводами аскетической литературы на русский язык. Среди заслуг отца Амвросия Оптинского можно выделить учреждённую им женскую Казанскую общину в Шамордино, находящуюся недалеко от Оптиной Пустыни, – любимое детище и главный труд всей его жизни.

Конечно, такая жизнь, наполненная непрестанными трудами и аскетическими подвигами, не могла не сказаться пагубно на телесном здоровье старца Амвросия. В преклонных годах он много и часто болел, но, несмотря на это, по-прежнему никогда никому не отказывал в духовной помощи: поддержке и наставлении. Больной, не в силах подняться, он, лежа в постели, всё равно принимал всех, кто приезжал к нему, нисколько не жалея себя, не думая о себе, а переживая за человека, приехавшего издалека и нуждавшегося в ласковом приёме и утешении. Е.

Поселянин писал: «Великие таинства совершались в его тесной келии: здесь возрождались на жизнь, обеспечивались семьи, утихали скорби» [2, с. 807].

Часто приходится слышать вопрос, невольно возникающий у очень многих людей: а почему так много паломников – состоятельных людей и нищих, известных всей России писателей и обездоленных бедняков – ехало именно к старцу Амвросию в Оптину Пустынь? Исчерпывающий ответ на этот справедливый вопрос дал неизвестный автор, чьё мудрое рассуждение К.Н. Леонтьев включил в текст биографической повести: «... тут, в Оптиной, было сердце, вмещавшее всех <...> тут была благодать от Христа, тут был тот, кто «долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит» – всё ради Христа, всё ради других, – тут была любовь, всех вмещающая, тут был старец Амвросий» [2, с. 808-809]. Эти прекрасные, исполненные любви к старцу слова выразили всю его сущность. Мы, конечно, увидели, что неизвестный автор, характеризуя личность отца Амвросия, употребил проникновенные слова, которые сказал святой апостол Павел о любви в Первом послании к Коринфянам (глава 13, стихи 4–7). Стало быть, старец и есть сама любовь. А любовь – это первое и самое главное, что должно быть в душе человека для её спасения, как учил Сам Господь.

В последнюю зиму земной жизни старца Амвросия откуда-то появилась у него икона, которую он назвал «Спорительница хлебов» и назначил день её

празднования – 15 октября. И именно в этот день и месяц – 15 (а по новому стилю 28) октября состоялось на следующий, 1891, год погребение отца Амвросия, тихо и мирно отошедшего ко Господу 10 (23) октября.

Кончина отца Амвросия, конечно, была большой потерей для всех, кто любил и знал его, кто приезжал к нему за утешением и духовным наставлением. Необычным было предсмертное состояние старца. Е. Поселянин писал об этом следующее: «Доктора, по просьбе лиц, любивших старца, навещавшие его, всегда говорили, что его болезни – особенные, и ничего они сказать не могут. «Если бы вы спрашивали меня о простом больном, я бы сказал, что остаётся полчаса жизни, – а он, может быть, проживёт и года». Старец существовал благодатию» [2, с. 810]. Эти слова говорят нам о многом. Стяжать Божию благодать – это значит полностью измениться, переродиться в Духе Святом. Несомненно, старец Амвросий был святым. Блаженная кончина великого подвижника сопровождалась многими чудесами, которыми Господь прославил Своего верного служителя после его смерти.

К.Н. Леонтьев в биографической повести пишет, что одной бездетной семье старец незадолго до своего преставления предсказал, что скоро, в 1891 году, у них появится долгожданный ребёнок. И вот отец Амвросий отошёл ко Господу, а детей в той семье так и не было. Супруги увидели, что не сбылось пророчество старца, и, возможно, даже усомнились в его пророчливости. Однако в день похорон они вдруг услышали детский крик. Это плакал брошенный ребёнок. И тогда поняли супруги, что это отец Амвро-

сий им дочь послал, как и предсказывал при жизни.

Другое чудо произошло во время перенесения тела старца (напоминавшее уже тогда не погребальное шествие, а перенесение мощей) из Шамордино, где он почил, в Оптину Пустынь. По четырём сторонам гроба шли монахини и несли в руках зажжённые свечи, которые не могли затушить ни проливной дождь, ни порывистый осенний ветер.

Описание похорон отца Амвросия, представленное в биографической повести К.Н. Леонтьева, напоминает нам по своей величественности, торжественности и особому радостному состоянию похороны другого великого подвижника – святителя Игнатия (Брянчанинова). «По общему отзыву, отпевание усопшего произвело на всех впечатление скорее церковного торжества, чем печального обряда», – говорится в жизнеописании святителя Игнатия [4, с. 82]. Сам же он, ещё при жизни, часто повторял своим духовным детям, монахам и послушникам следующие слова: «Можно узнать, – говорил он, – что почивший под милостью Божией, если при погребении тела его печаль окружающих растворена какой-то непостижимой отрадой» [4, с. 82]. Именно таким было погребение и святителя Игнатия, и старца Амвросия, что ещё раз подтверждает их святость.

Сообщением о том, что похоронили старца Амвросия Оптинского рядом с его духовным отцом – старцем Макарием Оптинским, К.Н. Леонтьев завершает краткое жизнеописание отца Амвросия – своего горячо любимого духовного наставника.

В период написания этого произведения монах Климент (как звали К.Н.

Леонтьева в постриге), как мы помним, сам уже тяжело болел и потому не мог создать объёмного произведения о блаженной жизни великого подвижника. Быть может, он чувствовал, что уже и не успеет завершить большое произведение и поэтому написал краткий очерк об отце Амвросии в знак своей любви к нему, уважения и преданности. На последних страницах биографической повести К.Н. Леонтьев выражает надежду, что найдётся такой писатель, который выполнит богоугодное дело – напишет подробное житие старца.

Эта биографическая повесть, как и любое другое произведение К.Н. Леонтьева, обладает рядом художественных особенностей. Интересно, что автор при написании жития старца опирался и использовал произведения других авторов – как прозаические, так и стихотворные. За счёт этого духовный облик старца Амвросия и его жизнеописание получились достаточно завершёнными и определяемыми. Наиболее важной для этой биографической повести является следующая особенность: наличие цитат из Священного Писания. Для чего К.Н. Леонтьев использует их в произведении? Ответ не вызывает затруднения. Старец Амвросий Оптинский, благодаря своей подвижнической жизни, достиг такой духовной высоты, что для передачи его облика мало простых слов – необходимы слова из Богодухновенного Писания, которые единственные способны охарактеризовать этого великого подвижника.

«Своеобразие творчества, сила таланта» определяются «особенностями души» [1, с. 99]; у К.Н. Леонтьева, бесспорно, была душа, исполненная

любви и благодарности к Богу и людям. Именно поэтому в его творчестве особенно много произведений, посвящённых разным людям, которые встречались на его жизненном пути и оставили глубокий след в его сердце. Это и И.С. Тургенев, с которым он познакомился ещё в юности и полюбил на всю жизнь. Это и архимандрит Макарий – игумен одного из святогорских монастырей. И, конечно, это старец Амвросий Оптинский – духовный наставник К.Н. Леонтьева.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Батунова Т.К. Петербургские альманахи пушкинского времени в духовном аспекте [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. № 3. С. 96–101. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/3481> (дата обращения: 17.09.2015).
2. Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12-ти томах. Том 6. Книга 1. Воспоминания, очерки, автобиографические произведения 1869-1891 годов. СПб.: «Владимир Даль», 2003. 819 с., ил.
3. Молитвенное правило преподобного Амвросия Оптинского, читаемое во время искушений. 7-е издание. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2012. 32 с.
4. Святитель Игнатий (Брянчанинов). Собрание творений в семи томах. Том I. Жизнеописание. Аскетические опыты. Книга первая. М.: Благовест, 2013. 608 с.

УДК 82.091

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-6-106-114

Сапченко Л.А.*Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова***«ГИСПАНЦАМ ЖЕЛАЮ ДОБРА...» (Н.М. КАРАМЗИН И ИСПАНИЯ)***

Аннотация. В статье рассмотрены различные аспекты осмысления и художественного воплощения Н.М. Карамзиным образов, тем и мотивов, связанных с событиями испанской истории и культуры, в том числе карамзинская интерпретация образа Дон-Кихота. Освещено отношение российского историографа к событиям испанской революции начала 1820-х гг. в контексте его исторических изысканий и нравственно-философских раздумий о проблемах добра и зла, о власти и тирании, о монархии и республике. Используются стихотворения, проза, письма Карамзина, а также неопубликованные источники.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин. Испанская тема Революция Образ Дон-Кихота Добро и зло

L. Sapchenko*Ulyanov Ulyanovsk State Pedagogical University***«I WISH WELL TO THE SPANIARDS...» (N. KARAMZIN AND SPAIN)**

Abstract. The article deals with various aspects of N. Karamzin's comprehension and artistic expression of images, themes and motives associated with the events of Spanish history and culture, including Karamzin's interpretation of the image of Don Quixote. The article illustrates the Russian historiographer's attitude towards Spanish revolution of the early 1820s in the context of his historical research and his moral and philosophical reflection on the issues of good and evil, on power and tyranny, on monarchy and republic. The article uses Karamzin's poems, prose, letters, and also unpublished sources.

Keywords: N. Karamzin, Spanish theme, revolution, image of Don Quixote, good and evil.

Испанская тема, представленная в поэзии, в прозе, в эпистолярной Н.М. Карамзина, содержит целый комплекс проблем, связанных с жизнью и творчеством писателя и историографа.

В рамках темы «Карамзин и Испания» может быть выделено несколько смысловых аспектов: пространственный, исторический, социально-политический, литературный. Особую роль при этом играют тема революции и образ Дон-Кихота – крупнейшее событие испанской истории и вечный образ мировой литературы. Его символическое содержание, связанное у Карамзина с осмыслением собственного мироощущения, с течением времени становится более сложным и

© Сапченко Л.А., 2015.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Номер проекта 15-04-00494 «Н.М. Карамзин: энциклопедический словарь».

философски значимым, представляя собой способ интерпретации разнобразного исторического, культурного, психологического материала.

В 1792 году Карамзин напечатал в «Московском журнале» перевод старинного испанского романа о графе Гвариносе, упомянутого Сервантесом в романе «Дон-Кихот» и входившего в испанские песенники, начиная с середины XVI в. Как указано в комментариях к полному собранию стихотворений Н.М. Карамзина, он перевёл этот романс с немецкого по изданию Ф.-Ю. Бертука «Magazin der Spanischen und Portugiesischen Literatur» (1780-1783) [14, с. 380]. Романс о графе Гвариносе в карамзинском переводе вошёл «в русскую поэзию значительно ранее, чем возник широкий интерес к испанским романсам во многих других европейских литературах» [2, с. 121].

В комментариях в «Графу Гвариносу» сообщается также, что «именно Карамзин выработал русскую ритмическую систему для передачи формы испанского романа средствами русской поэзии. Её в дальнейшем использовал Пушкин (ср. "На Испанию родную")» [14, с. 380].

Как автор «Писем русского путешественника», Н.М. Карамзин создал в своём произведении образы Швейцарии, Франции, Англии... Испания находилась в стороне от его маршрута. Однако испанские мотивы уже звучали в «Письмах...» и были связаны с образом Дон-Кихота.

Ю. Айхенвальд отмечает, что поначалу и для Карамзина, и для других его современников «Дон-Кихот был воплощённой нелепостью» («превеликие шпоры», которыми похвалялся некий почтмейстерский сын в Штаргарде,

напомнили насмешникам-офицерам «изображение на эстампах в Дон-Кихоте» [1, с. 26]).

Говоря о посещении Веймара, русский путешественник упоминает о живущих в этом городе писателях: Гёте, Бертухе, Боде и др., отмечая для себя главное: «21 июля. Бертух перевёл с гишпанского "Дон-Кишота" и выдавал "Магазин гишпанской и португальской литературы"; а Боде славится переводом Стернова "Путешествия" и "Тристрама Шанди"» [13, с. 77-78].

Айхенвальд указывает также на другое упоминание о Дон-Кихоте в «Письмах...» Карамзина: говоря о прочитанных в детстве книгах, «воспалённых» его воображение, русский путешественник видит себя «маленьким Дон-Кишотом» и вспоминает «один вечер, сумрачный и бурный, в который, ощутив вдохновение божественных фей», он «забрался в ту горницу, где хранились разные оружия, покрытые почтенною ржавчиною, – схватил саблю <...> и, заткнув её за кушак тулупа своего, отправился на гумно <...> искать приключений и противиться силе злых волшебников, но чувствуя в себе на каждом шагу умножение страха, махнул саблею несколько раз по чёрному воздуху и благополучно возвратился в свою комнату», думая, что подвиг его был «довольно важен» [1, с. 26; 13, с. 158].

В 1791 году вышел поэтический томик Карамзина «Мои безделки». Называя так свой сборник, пишет Ю.М. Лотман, Карамзин, «конечно, помнил беседу Дон-Кихота в барселонской типографии:

«Как называется эта книга? – осведомился Дон-Кихот. Переводчик же ему ответил:

– Сеньор, итальянское заглавие этой книги – *La Bagatelle*.

– А чему соответствует на испанском языке слово *la bagatelle*? – спросил Дон-Кихот.

– *La bagatelle*, – пояснил переводчик, – в переводе на испанский язык значит безделки, но, несмотря на скромное своё заглавие, книга эта содержит и заключает в себе полезные и важные вещи» [18, с. 310].

К испанской теме писатель обращается также в повести «Сиерра-Морена» (1794). Глубокое душевное потрясение, испытанное Карамзиным в середине 1790-х годов в связи с политическими событиями во Франции, отобразилось в его предромантических повестях, отмеченных печатью отчаяния и разочарования во всем человеческом роде, подверженного губительным страстям («Остров Борнгольм», «Афинская жизнь», «Сиерра Морена»).

Одним из основных принципов осмысления испанской темы является её соотнесённость с русским пространством. Топографическое изображение Испании имеет условный характер («цветущая Андалузия», «гордые пальмы», «миртовые рощи», «величественный Гвадалquivир» [15, с. 530]). Испания предстает как отечество пламенных, доходящих до фанатизма, страстей. Фанатизм разного рода всегда был неприятием для Карамзина, желавшего добра всему человечеству. Экзотической и бурной, «розмарином увенчанной» Сиерре Морене противопоставлена «страна печального Севера», где нет жизни, нет любви. Пространство мирной идиллии исключено в повести. Бесприютная земная юдоль заставляет повествователя устремиться мыслями в иной мир, где царят

«вечный покой» и «святое безмолвие» [15, с. 534]. «В “Сиерре Морене” мы встречаем портрет русской души и испанского сердца в версии русского сентиментализма» [25, с. 74].

Повесть о любви и нарушенной клятве, о вине и искуплении была, по мнению исследователей, органично связана с мучительными раздумьями Карамзина о добре и терпимости во взаимоотношениях между людьми, о судьбах человеческого сообщества. Сострадав его трагической участи в годы Французской революции, Карамзин писал И.И. Дмитриеву: «Назови меня Дон-Кишотом, но сей славный рыцарь не мог любить Дульцинею так страстно, как я люблю – человечество!» (1793) [11, с. 42]. Приводя эти строки, В.Е. Багно пишет: «Это любопытное высказывание примечательно по разным причинам. Оно в высшей степени характерно для сознания мифотворящего, не склонного, да, впрочем, и не обязанного считаться с реальностью и фактами. <...> Уподобив зачарованную Дульсинею страждущему человечеству, Карамзин, по-видимому, впервые выразил то понимание донкихотства, столь свойственное русскому утопическому сознанию, которое стало символом веры русской интеллигенции». Русские «... в нём увидели родную душу» [3].

В то же время отношение Карамзина к утопическим проектам всегда было скептическим. «Желая добра» всему человечеству, в том числе и «гишпанцам», писатель понимал несбыточность благих мечтаний о земном рае.

Образ Дон-Кихота, осмысленный как общечеловеческий метатип, у Карамзина представлен в разнообразных

жанрах: в путешествии, в стихотворных посланиях, в письмах, в неоконченном романе.

Становясь старше, Карамзин «всё определённое симпатизировал очарованной душе человека из Ламанчи», – пишет Ю. Айхенвальд [1, с. 26]. «В 1789 году он отождествил с Дон Кишотом себя-мальчика; в 1796 он сблизил с Рыцарем Печального Образа себя самого, воспринимая искусство как игру воображения и советуя “бедному поэту”:

*Или, подобно Дон-Кишоту,
Имея к рыцарству охоту,
В шишак и панцирь нарядись,
На борзого коня садись,
Ищи опасных приключений,
Вошебных замков и сражений,
Чтоб добрым принцам помогать
Принцесс от уз освободить....*

и т. д.» [1, с. 65].

В 1803 году появился в печати неоконченный роман Карамзина «Рыцарь нашего времени». По словам Ю.М. Лотмана, «слово “рыцарь” в заглавии повести Карамзина, вероятно, было рассчитано на то, чтобы вызвать у читателей ассоциацию с Дон-Кихотом» [17, с. 16]. «Под донкихотством понималось и глупое сумасбродство, и опасное для общества стремление повернуть историю вспять, и героический энтузиазм одиночки, и высокие порывы духа, способные спасти людей, погрязших в прагматизме» [3].

У Карамзина герой Сервантеса получил своеобразную интерпретацию, состоящую в постановке проблемы «герой и время». Уже в «Письмах русского путешественника» понятие «рыцарь» (характерное для культуры средневековья) соотнесено с разными

историческими эпохами, в комическом ключе показано несоответствие того или иного персонажа своему времени. Но постепенно комический ракурс дополняется трагическим взглядом, замечающим утрату в людях высоких порывов духа, благородства помыслов, героического энтузиазма, самопожертвования.

О благородном безрассудстве и о «великих жертвах добродетели» Карамзин упомянул также в психологическом очерке «Чувствительный и холодный»: «... одни чувствительные приносят великие жертвы добродетели, удивляют свет великими делами, для которых, по словам Монтаня, нужен всегда небольшой примес безрассудности...» [15, с. 609].

Что же касается «Рыцаря нашего времени», то конфликт героя и времени был заложен в самом заглавии. Начинаясь история души Леона дана вне большого контекста эпохи. Он не «герой», а «рыцарь» своего времени. Как отмечает С.Б. Каменецкая, «герой русского романа, не выдерживая испытания социальной мобильностью, не идёт тем не менее на нравственный компромисс и сохраняет верность выработанным русской культурой высоким, хотя и не применимым в данный момент, ценностям жизни» [7, с. 2-3].

Может быть, именно в этом причина незавершённости «романической истории приятеля». Сущность конфликта карамзинского героя с его временем выражена в том, что, «в совершенных летах» встречая часто «противное» его идеальным представлениям, он не утрачивает своих рыцарских качеств, и в дальнейшем «сердце его не расстанется со своею утешительною системою» [15, 593]. Ка-

рамзинский Леон с его верой в конечное торжество добра, с его рыцарским поклонением женщине противостоит холодным флегматикам, эгоистам и т. п., которые, видимо, и являются характерными для современности.

У Карамзина выстраивается целый парадигматический ряд, в рамках которого образ Дон-Кихота каждый раз обнаруживает новые смысловые грани, наполняется все более глубоким содержанием и становится способом осмысления законов человеческой истории, литературной жизни, способом самопознания.

В 1803 году Карамзин приступил к созданию «Истории государства Российского». Напечатанное в 1818 году Предисловие к первым 8 томам начиналось так: «История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего» [9, с. IX].

Слова эти удивительным образом оказались созвучны известному высказыванию Сервантеса: «История – сокровищница наших деяний, свидетельница прошлого, пример и поучение для настоящего, предостережение для будущего» [4].

Всецело погружившись в российскую историю, Карамзин тем не менее внимательно следил за происшествиями в Европе.

В январе 1820 года в Испании вспыхнула буржуазная революция, началом которой послужило восстание части Экспедиционной армии во главе с Риго-и-Нуньесом (1785-1823) (партия эскальтадос). Революция про-

ходила под лозунгом восстановления конституции, принятой Кадисскими кортесами в 1812 году и упразднённой в 1814 году королём Фердинандом VII (1784-1833), вернувшимся на престол после разгрома наполеоновских армий)¹. 26 марта Карамзин писал брату Василию Михайловичу: «Волнение умов не утихает, а прибавляется. Что это будет с Гишпаниею! По крайней мере желаю, чтоб не было войны» [12, с. 59]

В этом же письме историограф общал о ходе своей работы: «... С некоторого времени опять пишу довольно прилежно: авось к зиме, если Бог даст, допишу девятый том» [12, с. 59]. Дело в том, что в IX томе, посвящённом царствованию Ивана Грозного, особенно остро стояла проблема монархической власти и тирании. Осуждая злодейства «Ивашки», как называл его Карамзин, он не отвергал в принципе идею единоличной самодержавной власти, хотя писал И.И. Дмитриеву: «Не требую ни Конституции, ни *Представителей*, но по чувствам останусь республиканцем, и притом верным подданным царя русского: вот противоречие, но только мнимое» [10, с. 249].

События в Испании Карамзин соотносил с обстоятельствами исторической и культурной жизни России, со своими раздумьями о путях развития человечества. Российские журналы регулярно информировали своих читателей о европейских политических новостях, в частности о том, что король испанский, «вняв желанием своего верного и великодушного народа, принял конституцию, составленную кортесами в 1812 году» и сам

¹ Благодарю Т.Ф. Селезневу за материалы, предоставленные к этому разделу статьи.

присягнул Конституции, заявив, что «всегда готов исполнить всё, чего требует польза государства и благо народа». Сообщалось также, что «генерал Балластерос назначен главнокомандующим центральной армии. Сего дня поутру народ повёз его в карете на себе на площадь, где поставлен был огромный мрамор, наименованный камнем Конституции. На нём изображены были сии слова: да здравствует Король, Королева и Конституция! – Король прогуливался в Прадо. Несметная толпа встретила и провожала его радостными восклицаниями. – Спокойствие столицы ни на минуту не было нарушено» [20, с. 39-40].

В письме к Дмитриеву от 1 апреля 1820 года Карамзин высказывается о европейских происшествиях: «...думаю, что гишпанская история не останется без хвоста. Армия даёт законы королю?» [10, с. 284-285].

Испанские события продолжали живо интересовать российского историографа. 12 апреля он писал князю П.А. Вяземскому: «... История Гишпании очень любопытна. Боюсь только фраз и крови. Конституция Кортесов есть чистая демократия а *quelquechose* гергис¹. Если они устроят государство, то обещаюсь идти пешком в Мадрит, а на дорогу возьму Дон-Кишота или Кихота. Чту сказал бы наш незабвенный Батонди²? Ah, *monsieur!* *Jevousprîdisqu'ilyauraquelquechose!*³ Пророков у нас бездна. Канцлер граф Румянцев именно предсказал революцию в Гишпании: я слышал

своими ушами глас Иеремии! Будет ли лучше? Будет ли хуже? Последнее, увы, обыкновеннее. Впрочем, есть горка на земле, откуда всё кажется совершенством: там, где мы стоим с мыслию о Провидении! Довольно» [11, с. 99]. Очевидно, что всё происходящее вызывало у Карамзина желание обосновать или опровергнуть свой политический скепсис, предугадать исторические судьбы России.

Материалы об Испании помещали «Вестник Европы» и «Сын Отечества»: «Кроме клубов Лоренцини и Сент-Себастиана открыт в Мадрите ещё третий клуб каноником Навасом. В ежедневных собраниях сих клубов читаются известия из провинций и произносятся речи с кафедр вдохновенными членами» [22, с. 157].

«При введении Конституции в Испании начали издаваться в Мадрите 23 журнала, но с того времени оные мало по малу сами собой прекратились, кроме четырёх: Конституционный, Всеобщий, Смесь и Ведомости кортесов» [21, с. 190].

Внимание Карамзина к революционным событиям не ослабевало и давало пищу для его философско-политических размышлений. В письме к Вяземскому от 17 мая Карамзин выражает скептическое отношение к тому, что происходит в Испании: «Гишпанцам желаю добра, а едва ли придётся мне, и с вами, идти к ним пешком. Клобами и журналами не прельщаюсь» [11, с. 101].

28 сентября 1820 года Карамзин поздравляет Дмитриева «с **новой** революциею (португальскою)»: «Скоро ли пройдёт эта мода? Или мы пройдём скорее, т. е. уйдём от всех революций в долину Иосафатову? Часто повто-

¹ почти; близко к тому (*франц.*)

² Батонди был домочадцем у князей Вяземских.

³ Ah, месье! Предупреждаю вас, что-нибудь да случится! (*франц.*)

ряю слова незабвенного Батонди: *ilau-raquelquechose! <...>*» [10, с. 294].

В это же время Карамзин намеревался сообщить в газетах о подписке на IX том «Истории государства Российского» [10, с. 294]. Темы: власть и народ, Свобода и Закон, рабство и тирания – оставались всегда актуальными для автора исторического сочинения.

К концу года революционные настроения в Испании были подавлены действиями правительства: «Кортесы утвердили закон об уничтожении всех патриотических обществ, клубов и пр., существующих без согласия и надзора правительства. Мера весьма благоразумная! Известно, что большая часть бедствий Французской революции причинена Якобинскими клубами» [21, с. 278] – писал «Сын отечества».

Брожение в Европе по-прежнему привлекало пристальный взгляд российского историографа, предметом раздумий которого была проблема государственной власти. Форма правления – монархическая или республиканская – была осмыслена Карамзиным в категориях добра и зла. Не случайно, в рукописных альбомах, составляемых им для великой княгини Екатерины Павловны или для императрицы Елизаветы Алексеевны, Карамзин помещал выписки из сочинений европейских мыслителей о формах правления, в частности, письмо Ж.-Ж. Руссо к графу Мирабо, где французский философ цитирует фрагмент из трактата обнародованного в 1667 году от имени и по приказанию Людовика XIV «О правах Христианнейшей Королевы на различные государства испанской монархии», где недвусмысленно говорится: «Короли

имеют счастливую невозможность совершить что-либо вопреки законам своей страны». «Это подчинение своих обещаний закону или (подчинение) своих законов правосудию не является несовершенством или слабостью верховной власти. Необходимость вершить добро и невозможность впасть в заблуждение служат высшим степеням всякого совершенства». «Сам Бог не может большего <...>, а Государи, как воплощение Бога на земле, должны в особенности подражать в своих государствах такому Божественному бессилию» [26; цит. по: 6].

Руссо пишет: «Вот, из моих старых идей, большая политическая проблема, которую я сравниваю с квадратурой круга в геометрии или с проблемой долгот в астрономии: найти форму правления, которая поставила бы закон выше человека. Если же, к несчастью, это форма не находима, – и я простодушно признаю, что это так и есть, – то моё мнение таково: надо перейти к другой крайности и поставить вдруг человека выше всякого закона, т. е. установить неограниченнейшее самодержавие: я бы желал, чтобы самодержец был Бог» [19, с. 162].

«Одним словом, – продолжает Карамзин выписку из Руссо, – я не вижу никакой приемлемой середины между самой суровой демократией и совершеннейшим гоббизмом (т. е. строжайшей законностью в государстве. – Л. С.), ибо конфликт человека и закона, который ввергает государство в постоянную внутреннюю войну, есть наихудшее из всех политических состояний.

Но Калигулы, Нероны, Тиберии! Боже! Я катаюсь по земле и стенаю: отчего я человек?» [8, с. 17; 24, с. 240. Оригинал по-французски].

Список тиранов, приведённый Руссо, дополнялся в сознании Карамзина именем Ивана Васильевича Грозного («Ивашки»), верный рассказ о злодействах которого опровергал, по словам Пушкина, несколько «отдельных размышлений в пользу самодержавия» [23, с. 306].

Таким образом, испанская тема пересекается едва ли не со всеми ключевыми вопросами, волновавшими Карамзина в разные периоды его жизни и творчества. Это выводит тему из категории частных, локальных и придаёт ей особый смысловой масштаб. Такой подход позволяет уточнить и конкретизировать некоторые важные моменты мировосприятия Карамзина, нагляднее представить его ценностный мир, осмыслить его самоидентификацию. Испанская тема в карамзинском наследии оказывается прямо связанной с эволюцией мировоззрения и творчества писателя и историографа, отображая его отношение к проблемам политического устройства, государственной власти, добра и зла, человека и эпохи, героя и времени.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Айхенвальд Ю. Дон Кихот на русской почве. Ч. 1. М., Минск, 1996. 352 с.
2. Алексеев М.П. К литературной истории одного из романсов в «Дон-Кихоте» // Сервантес, статьи и материалы. Л.: ЛГУ, 1948. С. 96-123.
3. Багно В.Е. Лики русского донкихотства // Вестник Европы. 2005. № 16. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2005/16/ba26.html>
4. В поисках смысла. Мудрость тысячелетий // Сост. А.Е. Мачехин. Изд-е 2-е. перераб. и доп. М.: Олма-Пресс, 2002. 912 с. <http://www.twirpx.com/file/751739/>
5. Вацуро В.Э. «Сиерра-Морена» Карамзина и литературная традиция // XVIII век. Памяти Павла Наумовича Беркова (1896 1969). Сб. 21. СПб.: Наука, 1999. С. 327-336.
6. Закатов А. Монархия народная и легитимная URL: <https://www.proza.ru/2011/03/07/1056>
7. Каменецкая С.Б. «Рыцарь нашего времени» Карамзина в истории русской культуры (к 225-летию со дня рождения). Курск, 1991. 29 с.
8. Карамзин Н.М. Альбом с различными выписками (Стихи, пословицы и др.) // ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. 1. Индекс 567.
9. Карамзин Н.М. История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания 5, выпущенного в трёх книгах с приложением «Ключа» П.М. Строева. Кн. 1. М.: Книга, 1988-1989. 691 с.
10. Карамзин Н.М. Письма к И.И. Дмитриеву. СПб.: Императорская академия наук, 1866. 727 с.
11. Карамзин Н.М. Письма к князю П.А. Вяземскому (1810-1826) «Старина и новизна». Исторический сб. Кн. 1. СПб., 1897. С. 1-204.
12. Карамзин Н.М. Письма к В.М. Карамзину // Атеней. 1858. № 4. Кн. 27. С. 56-62.
13. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника («Литературные памятники»). Л.: Наука, 1987. 718 с.
14. Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1966. 424 с.
15. Карамзин Н.М. Соч.: В 2 т. Т. 1. Л.: Худож. лит., 1984. 672 с.
16. Крестова Л.В. Повесть Н.М. Карамзина «Сиерра Морена» // Роль и значение русской литературы XVIII века в истории русской культуры. М.Л.: Наука, 1966. XVIII век. Сб. 7. С. 261-266.
17. Лотман Ю.М. Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова // Лермонтовский сборник. Л.: Наука, 1985. С. 5-22.

18. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М.: Книга. 1987. 336 с.
19. Лыжин Н. Альбом Н.М. Карамзина // Летописи русской литературы и древности. М.: тип. Грачева и комп., 1859. Кн. II. С. 161-192.
20. Новости политические. Испания // Сын отечества. 1820. Ч. 61. С. 39-40.
21. Новости политические. Испания // Сын отечества. 1820. Ч. 65. С. 189-190, 278.
22. Политические и другие происшествия. Испания // Вестник Европы. 1820. № 10. С. 156-157.
23. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.: АН СССР, 1935-1959. Т. 12. С. 306.
24. Rousseau a Victor Riquetti, marquise de Mirabeau. Trye le 26 Juillet 1767 // Rousseau J.J. Correspondance complite. T. XXXIII. N 5991. Oxford: The Voltaire Foundation, 1979. P. 238-241.
25. L. Sokolova, R. G. Tirado, S. Kibalnik, I. Mokletsova, L. Safronova. РоссияиИспания: диалогкультур Rusia y Espasa: díblogo intercultural. Manual pŕctico de lectura y perfessionamiento de la lengua rusa para hispanohablantes (A1-A2 y B1-C1). Jizo Ediciones: Granada. 2013. 370 pp.
26. Traite des droits de la Reine tres cretienne sur divers Etats de la monarchie d'Espagne. Paris, 1667. 270 p.

УДК 821.161.1 Русская литература

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-6-115-124

Снычева Е.А.*Московский государственный областной университет***СБОРНИК П.С.СОЛОВЬЁВОЙ «ИНЕЙ» (1905) КАК ОТРАЖЕНИЕ
ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ ИСКАНИЙ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА
СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА**

Аннотация. Поликсена Сергеевна Соловьёва – поэтесса символистской школы. Первый её поэтический сборник «Стихотворения» был издан в 1899 году, вторая книга стихов под названием «Иней» вышла в 1905 году. «Снежный иней» – один из традиционных символов литературы Серебряного века.

Обращаясь к теме природы, поэтесса использует целый ряд значимых символов. В их числе – такой символ надежды, как цветущая вишня – «иней весеннего обновления». Все художественные средства, встречающиеся в сборнике, – кольцевая композиция, антитеза, аллитерации – служат для выражения поэтического кредо П.С.Соловьёвой.

В статье рассматривается также вошедшая в сборник «Иней» пьеса в стихах «Слепой». Это романтическая история с приключениями «колдуньи», с упоминанием магических сил природы. Образный строй соотнесён с древнегреческой мифологией, христианское начало переплетено с мистицизмом. Христианские идеалы П.С. Соловьёвой – «любовь и вечная жизнь» – раскрыты в образе Ореады, олицетворяющем силу и энергию мира, устремлённость от языческих корней к будущей Святой Руси.

Ключевые слова: символ, снежный иней, туман, холод, сны, тоска, эпитет, аллитерация, антитеза, кольцевая композиция.

E. Snycheva*Moscow State Regional University***P. SOLOVIEVA'S COLLECTION «HOARFROST» (1905) AS A REFLECTION
OF PHILOSOPHICAL AND AESTHETIC PURSUIT OF THE RUSSIAN
SYMBOLISM OF THE SILVER AGE**

Abstract. Polixena Sergeyevna Solovieva is the poetess of symbolist school. Her first poetic collection «Poems» was published in 1899, the second book of verses under the name «Hoarfrost» appeared in 1905. «Snow hoarfrost» is one of traditional symbols of literature of the Silver age. Referring to the theme of nature, the poetess uses a number of significant symbols. Among them there is such a symbol of hope as the blossoming cherry – «rime of spring renewal». All artistic means which are found in the collection: ring composition, antithesis, alliterations, serve to express the poetic credo of P. Solovieva. The article also deals with the play «Blind» which is included in the collection «Hoarfrost». It is a romantic story with adventures of a «witch», with mentioning of magic forces of nature. The figurative system is correlated with Ancient Greek

mythology, the Christian beginning is bound with mysticism. Christian ideals of P. Solovieva are «love and eternal life». They are revealed in the image of Oread representing force and energy of the world, the aspiration from pagan roots to future Sacred Russia.

Keywords: symbol, snow hoarfrost, fog, cold, dreams, melancholy, epithet, alliteration, antithesis, ring composition.

Русская поэтесса Поликсена Сергеевна Соловьёва (1867-1924), известная в начале XX века под псевдонимом *Allegro*, происходила из семьи философов и литераторов. Её отцом был историк Сергей Михайлович Соловьёв, а по материнской линии в роду числился украинский философ Сковорода. Старшие братья Поликсены – христианский мыслитель, поэт Владимир Сергеевич Соловьёв и автор исторических романов Всеволод Сергеевич Соловьёв. Как известно, своими трудами Владимир Соловьёв (1853-1900) оказал значительное влияние на религиозную философию Н.А. Бердяева и П.А. Флоренского, на творчество младосимволистов Андрея Белого и Александра Блока, а также других представителей литературы и культуры Серебряного века.

Поликсена Соловьёва не стала исключением: на её творчестве сказались и философская школа, и литературные изыскания близких ей людей. В самом начале её творческого пути она была воспринята как поэтесса символистской школы. При этом нужно заметить: многие, скорее всего, понимали, что Поликсена – как и её брат, беллетрист Всеволод Соловьёв, – изначально обречены находиться в тени своего знаменитого отца и гениального брата Владимира.

Важный этап её творчества начался с момента издания первого поэтического сборника «Стихотворения» (1899). С 1898-го до 1903-го года П.С.

Соловьёва посещала литературный кружок «Пятница», собиравшийся два раза в месяц по пятницам на квартире поэта Константина Случевского. Там же она познакомилась и неоднократно встречалась с Валерием Брюсовым. После смерти К. Случевского в 1904 году «пятницы» были переименованы в «вечера Случевского», которые продолжались вплоть до революционных событий 1917 года. Поликсена Соловьёва была, можно сказать, старожилом и завсегдатаем этих «вечеров». Среди их участников следует упомянуть К.Д. Бальмонта, Ф.К. Сологуба, Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус.

Новой творческой вехой для П.С. Соловьёвой стало издание второй книги стихов под названием «Иней» (1905). Сборник был посвящён писательнице Наталье Ивановне Манасеиной, подруге и соратнице Соловьёвой, с которой они в конце 1905 года организовали издательство «Тропинка».

Заметим, что снежный иней – один из традиционных символов литературы Серебряного века. Так, например, поэт-символист Эрл Мартов (1871-1910) писал:

*Сердца луч из серебра волнений
Над простором инея встаёт...¹*

«Серебро волнений» и «простор инея» у П. Соловьёвой обретают смысловую и образную глубину.

В весьма характерном для сборника «Иней» стихотворении «Петербург»

¹ Русские символисты. М.: В.А. Маслов, 1895. Вып. 3. 53 с.

(1901) звучат уже знакомые по первой книге П.С. Соловьёвой темы: туман, холод, сны, тоска.

*Город туманов и снов
Встаёт предо мною
С громадой неясною
Тяжких домов,
С цепью дворцов,
Отражённых холодной Невою.
Жизнь торопливо бредёт
Здесь к цели незримой...
Я узнаю тебя с прежней тоской,
Город больной,
Неласковый город любимый!
Ты меня мучишь, как сон,
Вопросом несмелым...
Ночь, но мерцает зарёй небосклон...
Ты весь побеждён
Сумраком белым [8,с.53].*

Заданной этим стихотворением поэтике подчинены многие произведения книги. «Мой тоскующий взор...», – говорит героиня стихотворения «Незаметно в окно заглянула луна...» [8, с. 97]. И в этом взоре отражаются и город – «больной», и сумрак «белый». В стихотворении «К ночи» читаем: «Вечер сумрачен и страшен... Ужас... ночной» [8, с. 87-88]. Многие эпитеты вполне соответствуют «тоскующему взору»: «бледноликие метели» («Снежным облаком летели...») [8, с. 103], бледный узор на тёмном полу («Незаметно в окно заглянула луна...») [8, с.97].

Эпитеты, передающие безрадостное настроение героини, – одно из главных средств художественной выразительности стихотворений «Инея». Так, например, в стихотворении «В сумерках» мы видим такие словосочетания, как «бледные тучи», «усталый мой взор», «непроглядная ночь», «больной голове» [8, с. 21]. Пожалуй, слово «ту-

манная» (тишина) – самое нейтральное в этом ряду.

И уже в следующем стихотворении автор как бы подводит итог своим предыдущим наблюдениям: «Счастья нет, есть только отраженье...// Отраженье звёзд на дремлющей волне» («Счастья нет...») [8,с.25]. Мир, в восприятии Поликсены Соловьёвой, неизлечимо болен. Чуть дальше, в стихотворении «Молчат в ответ заре прощальной...», появляется уже знакомый мотив тоски: «унылая дорога», «опустошённые луга» [8,с.43]. И далее «утрюмый сад», «унылый и неприветный час», «больная тревога» («В окно глядится сумрак предрассветный...») [8,с.49]. В стихотворении «Вечерняя заря» день «унылый и туманный» [8,с.61].

В таком, весьма мрачном, мире хорошо себя чувствуют только тени. В стихотворении «Из Виктора Гюго» появляется тень Данте и рассказывает о своих метаморфозах: она, тень, была вначале высокой горой, потом – мощным дубом, затем – могучим львом, и вот она – человек: «и Данте имя мне» [8, с. 27]. Отметим, что среди персонажей сборника «Иней» возникает немало теней и привидений. «Привиденья утонувших кораблей» мы находим в стихотворении «В мёртвый час душевной лени» [8, с. 91]; «ночь привидений полна» («Ветер коснулся кустов облажённых...») [8, с. 31]; «рой зеленых теней» («Там далеко, в синем море...») [8, с.108].

Мрачным преддверием гибельной поры становится осень в одноимённом стихотворении. Осень П.С. Соловьёвой – огненное видение смертного сна, и это уже уровень пророчества, одно из оснований эстетики символизма. Перед приходом «властной ночи» все

«смерти злой покорны», а «зори прячут золото...» [8, с. 67]. России предстоит нести свой крест – тот, о котором напоминают нам в стихах Соловьёвой то крестообразные деревья, то тени. Предчувствием страшных перемен и возможной гибели проникнуто стихотворение «Вчера так ярко месяц ноябрь...», с его яркой и точной деталью:

От рамы тень на лунном поле

Крестом лежит передо мной... [8, с. 73].

Крест мы видим и в некоторых других стихотворениях, и в завершающей книгу пьесе «Слепой». Но, возможно, после больших смертоносных бурь мир обновится – эта мысль, выраженная в знаковых, символических образах, звучит в ряде стихотворений сборника «Иней».

Мы пели солнцу в былые годы

Теперь поём мы во славу бури,

Венки сплетаем во славу тьмы... [8, с. 81]

Венки «во славу тьмы» плетутся автором потому, что «за бурей ярче восторг лазури...», потому, что все должно измениться после очистительного вселенского катаклизма. Остается лишь немного подождать – и «за солнцеворотом // Жд'т воскресенье на земле» («Ещё вчера весь день под окнами в канале...») [8, с. 83]. Солнцеворот – древнеславянское название зимнего и летнего солнцестояний, и одновременно это символ мощной творческой, творящей энергии. Солнцеворот позволял древним волхам управлять стихиями. Это знак позитивных перемен, поэтому далее в сборнике «Иней» появляется «ангел белый»: «На белом камне ангел белый // Сидел в сиянии зари...» [8, с. 93].

Постепенно символов надежды встречается в сборнике всё больше.

И среди них – «иней» весеннего обновления – цветущая вишня. Для стихотворения «Вишни в цвету, словно в инее...» [8, с. 99] характерна отточенность дактиля, который ритмически придаёт убедительности победной поступи Весны. Природа играет в творчестве П.С. Соловьёвой особенную роль: именно природа утихомиривает человеческую злобу, гасит гнев («Я пришёл не за тем, чтоб тебя упрекать») [8, с. 85].

Вот «ветер коснулся кустов обнажённых...», и появляется «шелест снежинок в злой тишине» [8, с. 31]. Аллитерация, передающая тихий шелест снегопада в описании зимы, встречается у П.С. Соловьёвой неоднократно. В «Бессоннице» с помощью аллитерации, ассонанса, олицетворения автор воссоздаёт музыку ночи. Это произведение – своеобразный орфоэпический гимн, посвященный ночным звукам: стучит сердце, звонит колокол, бьют часы, и даже мысли звучат: они «зыблятся тихо, как тронутый ветром камыш» [8, с. 75].

Стихотворение «В склепе» [8, с. 35] построено на антитезе: мёртвый склеп и живые цветы. Они словно находятся на разных чашах весов, и цветы пока ещё побеждают: ведь они свежие, и их только что принесли. Но это явно ненадолго, потому что они так недолговечны... И даже колокольчик – и тот, пусть и «таинственно», но стонет у П.С. Соловьёвой («Колокольчик») [8, с. 45]; а одуванчики в одноимённом стихотворении [8, с. 55] символизируют быстротечность жизни. Это миссия цветов, которые предназначены лишь для того, чтобы, как сказал Сергей Есенин, «процвести и умереть»¹.

¹ Есенин С.А. / Составитель Е.А. Есенина.

В ряде своих поэтических произведений, включенных в сборник «Иней», П.С. Соловьёва использует кольцевую композицию: так, например, стихотворение «Зимнею дорогой» словно «окольцовано» «дыханием усталых коней» [8, с. 47]. Это помогает создать ощущение размеренного ритма движения в пространстве – полусонного полёта по зиме под вечными звёздами.

Очень важное значение придаётся образу луны: она чертит узоры-знаки, которые нужно прочесть. Пытаясь это сделать, лирический герой (в стихотворении «Незаметно в окно заглянула луна...» [8, с. 97]) подпадает под власть луны, под воздействие её магии. Вообще, магическая составляющая чрезвычайно характерна для поэтики сборника. Например, в стихотворении «Помнишь, мы над тихой рекою...», которое можно назвать балладой о дружбе и любви, герои идут рука об руку, изменяя мир вокруг, а другие люди обитают за пределами магической общности их душ:

*Люди шли, рождались, умирали,
Их пути нам были далеки...*

«Непонятная чета» героев стремится вдаль, «к закату»:

*Я – с моею огненной тоскою,
Ты – с своею белою мечтой* [8, с. 100].

Последние строчки закольцовывают композицию, это излюбленный приём П.С. Соловьёвой.

В стихотворении «У замёрзшего окна» некими эсхатологическими знаками становятся «ангелов движенья»:

*Сквозь жемчужные сплетенья
В серебристо-синей мгле,
Видишь, ангелов движенья
Вдруг застыли на стекле* [8, с. 101].

«Не жалею, не зову, не плачу...». М.: «Советская Россия», 1966. 218 с.

Эти знаки – «небывалое сочетанье» земли и небес. Тот же эсхатологический символ соединения земного и небесного видим в стихотворении «Снег». Белизна снега – «бездонна» [8, с. 102]. Торжествующая и немая бездонность у Соловьёвой кажется близкой «пылающей бездне» Тютчева, который писал: «И мы плывём, пылающего бездной // Со всех сторон окружены...»¹

В стихотворении «Море любит землю, вечно негодуя...» две стихии – земля и вода (море) – никак не могут объединиться в полной мере, поскольку они очень разные, как и люди:

Мы живём и дышим жизнью не одною:

Ты понять не можешь, я – сказать не в силах... [8, с. 107]

Сквозь туманы и ненастья ряда стихов: «В тумане» [8, с. 111]; «Сегодня мы в тумане шли...» [8, с. 112]; «Дома» [8, с. 114] – пробивается одинокий бледный огонёк зари («В час ночи поздний и ненастный...» [8, с. 113]).

В стихотворении «Мутнеют огни фонарей...» П.С. Соловьёва возвращается к зимней теме. «Снежная пляска» Зимы разгоняет кровь, бодрит лирического героя, который рад «морозной ласке»:

*Снежинки в лицо мне снуют,
Целуя прохладно...* [8, с. 116]

Несмотря на то что ревнивый «ветер идти не даёт» к возлюбленной, герой стоит и спокойно слушает зимнюю сказку вьюги. Он заворожён её магией.

В стихотворении «В зимнюю ночь» важна вроде бы неприметная, на первый взгляд, деталь: вокруг месяца «мутно белеет кольцо» [8, с. 117]. Как

¹ Тютчев Ф.И. Стихотворения. Серия «Заветная лира». «Как океан объемлет шар земной...». М.: Эллис Лак 2000, 2003. 51с.

известно, графический символ Луны – горизонтально лежащий серп, месяц, символизирующие лодку или колыбель. У П.С. Соловьёвой эта «лодка» (или «колыбель») расположена вертикально и находится в круге. А круг – это символ единства и бесконечности, знак абсолюта и совершенства. «Кольцо» вокруг месяца – это ещё и символ супружеских уз Земли и Неба.

Отметим здесь и наличие кольцевой композиции, «ударных» эпитетов и группы однородных членов предложения:

*А месяц нам в бледные лица глядит
Холодный, печальный, далёкий .*

.....

*Везде голубая хрустальная мгла,
Вблизи, и вдали, и над нами...* [8, с.117].

Все вышеупомянутые знаки и символы можно встретить в произведениях многих современников П.С. Соловьёвой – например, у Зинаиды Гиппиус. Так, в 1905 году Гиппиус пишет стихотворение «Брачное кольцо», которое заканчивается строкой: «Мне лёгок крест, как брачное кольцо» [1, с. 84]. А в 1909 году появляется её стихотворение «Петербург», которое перекликается с «Петербургом» П.С. Соловьёвой. Только Гиппиус говорит более жёстко и прямо, пророчествуя смерть «шершавопыльному» городу:

*Нет! Ты утонешь в тине чёрной,
Проклятый город, Божий враг!
И червь болотный, червь упорный
Извест твой каменный костяк!* [1, с. 84].

Белый цвет – символ благодати Божией, знак «просияния Его огнём». У З.Н. Гиппиус вестник-ангел (Светлоликий) даёт героине белый цветок (в стихотворении «Благая весть») как

подтверждение «Любови Господней» [1, с. 86]. Но в стихотворении «Миндальный цветок» (1911) «розово-белый <...> горький» цветок, как и тёмный цветок в пьесе П.С. Соловьёвой «Слепой», приносит надежду и смерть одновременно:

*О тёплый, о розово-белый,
О горький миндальный цветок!
Зачем ты мой дух онемелый
Проклятой надеждой ожёг?*

*...Качаясь, огни побежали,
Качаясь, свиваясь в клубок...*

*О кали, цианистый кали,
О белый, проклятый цветок!*

[2, с. 140].

У З.Н. Гиппиус, как и у П.С. Соловьёвой, белый искрящийся снег и кольцо – символы Божественного преобразования и перевоплощения. В 1905 году Гиппиус пишет в стихотворении «Если»:

*Если ты не любишь снег,
Если в снеге нет огня, –
Ты не любишь и меня,
Если ты не любишь снег.*

*Если ты не то, что я, –
Не увидим мы Лицо,
Не сомкнет Он нас в кольцо,
Если ты не то, что я...* [1, с. 102].

Но кольцом могут завладеть и темные силы. Так, в стихотворении З.Н. Гиппиус «В черту» появляется некто Тёмный и рисует вокруг героя кольцо, уверяя его: это «твой же грех обвил тебя кольцом». Тёмный смеется над ним и советует:

*«Разорви кольцо, не будь так жалок!
Разорви и вытяни в черту»* [2, с. 114].

Если герой не разорвёт кольцо греха, то Тёмный вернётся... В этой исто-

рии лирический герой не способен к подвигу, но в других произведениях он более смел и решителен. Например, в посвящённом Соловьёвой стихотворении «Весенний ветер» Гиппиус говорит о ветре, который «весельем белым окрылён»: «Он вестник смены, сын Времён» [2, с. 124].

Философский смысл этого образа можно истолковать так: приближается ветер больших перемен, и в его «разрезающе острой» и «неистой ласке» «оседает онемелый, // Усталый, талый, старый лёд...». То есть великие преобразования произойдут, когда лёд растопится в «бездумной игре» весеннего ветра.

В сборнике П.С. Соловьёвой природные образы тоже приобретают глубокое символическое значение. В стихотворении «Надо мной пылали звёзды...» вновь появляется что-то тютчевское: «вечная бездна», «тайна звёздная»... [8, с. 122]. Для поэтессы весь мир природы одушевлён. Так, например, в стихотворении «Дождь» небеса плачут, листья устали, «вечер задумчив и полон печали», капли дождя «крадутся» [8, с. 119]. А в следующем – в «Мотыльке» – «плачет свеча» и «дышит и крадётся мгла» [8, с. 120].

Заключительным аккордом сборника П.С. Соловьёвой «Иней» стала пьеса в стихах «Слепой», написанная в 1900 году. Это произведение о жертвенной любви: ради выздоровления возлюбленного молодая женщина готова отдать собственную жизнь. Перед нами романтическая история, с приключениями, «колдуньей», с упоминанием мистических сил природы.

Имя героини – Ореада – этимологически близко древней мифологии: ему созвучны наяды – нимфы рек и озёр,

дриады – покровительницы деревьев. Таким образом автор подчёркивает близость героини к живой природе. И одновременно напоминает нам о мифе про дочь критского царя Ариадну, спасительницу Тесея, убившего в лабиринте чудовище Минотавра. В пьесе П.С. Соловьёвой цветок, вылечивший художника от слепоты, можно воспринимать и как своеобразную нить Ариадны, которая вывела Тесея из мрака лабиринта.

Героиня произведения Соловьёвой надеется на то, что, излечившись «внешне», её возлюбленный, художник Альдор, прозреет и «внутренне», убьёт в себе Минотавра и станет настоящим героем. Но при этом Ореада понимает, что ей самой «в жизни места нет». И Ореаде, и Ариадне – обеим «в жизни места нет». Ореада умирает от яда, которым пропитаны корни волшебного цветка. Древнегреческую Ариадну, по одному из преданий, убила богиня Артемида – за брак с Тесеем. У П.С. Соловьёвой стрелам Артемиды подобны ядовитые корни колдовского цветка – символа несчастной любви.

Образный строй произведения П.С. Соловьёвой «Слепой» можно соотносить не только с древнегреческой мифологией. Любовь и смерть – основные мотивы символистской живописи, именно их должен был отображать на своих полотнах художник Альдор, пока был зрячим. А он писал прекрасные лики святых, беря в натурщицы простых женщин (Ореаду). Не потому ли он ослеп? Можно считать, что и Ореада оказывается жертвой – совершённый ею поступок делает её мученицей. Но христианское начало в творчестве П.С. Соловьёвой нередко переплетается с мистицизмом, что

в полной мере соответствует эстетике символизма. Например, цветок Ореады – мистический символ. Он напугал героиню своим видом:

*Как лапы паука, из щели выползает
Бесчисленных корней запутанная
сеть...* [8, с. 153].

Поэтому поначалу она раздумала его срывать. Но перед ней вдруг возникли тени – «невоплощённые и мёртвые» «мечты и сны Альдора», глядящие на неё «с упрёком и мольбою» [8, с. 154]. И Ореада с восклицанием: «Возьмите жизнь мою!» срывает цветок. Получается, что она отдаёт свою жизнь искусству Альдора, его «невоплощённым» творческим замыслам.

Обратим внимание на упоминание «одиноким пути» Альдора, который не просто физически слеп, но, прежде всего, слеп ко всему миру и слишком погружён в собственную беду. В этом отношении он слеп постольку, поскольку болен нарциссизмом, ведь для него важно, чтобы люди перед его иконописными полотнами устлали пол цветами, и чтобы «со вздохами молитв сливался фимиам...» [8, с. 136]. Пастуху он рассказывает, что для него значит искусство:

*И холод творчества узнать, и уми-
ваться*

*Тем, что детей земли равняет с Бо-
жеством,*

*Заставить тьмы людей дрожать и
улыбаться*

*И плакать на земле о свете незем-
ном* [8, с. 133].

Мечтая уподобиться Богу, ослепший художник странствует с помощью Ореады пять лет, но при этом не верит в искренность героини и говорит ей:

*Спасенье! Мне опять твердишь ты
о спасенье,*

*И равнодушие в словах твоих зву-
чит...* [8, с. 132]

Альдор не верит и в её любовь:

*Когда б она теперь по-прежнему лю-
била, –*

*Она б не вынесла всю скорбь моей
души...* [8, с. 139].

Он считает, что его вселенская скорбь по самому себе должна убить того, кто его любит. При этом у самого Альдора нет сил «ни верить, ни мечтать, ни плакать, ни любить...» [8, с. 138]. Не случайно он признаётся в разговоре с Пастухом: «Во тьме души моей нет места для любви» [8, с. 139]. В его душе остались только скорбь и гордыня.

Но смерть Ореады – это не разрыв сердца от сопереживания и не одно только самопожертвование ради любви. Нельзя сказать также, что это принесение жертвы на алтарь чистого искусства или тем более покорность раба из пушкинского «Анчара» [5, с. 432-433]. Выполнив свою нелёгкую миссию, проведя слепца через горы к месту прозрения, к громам и молниям, Ореада заключает, что ей «в жизни места нет», то есть в той жизни, где «мёртвые» мечты. И говорит она так не только потому, что Альдор её не любит, и не потому, что её преследует рок или гнев античных богов. Героиня ощущает своё существование обесцененным – по сравнению с искусством художника Альдора, который со своими невоплощёнными снами, с его «холодом творчества» в любом случае идёт по «одиноким пути». И, как всякий «слепой», однажды свалится в яму или зайдёт в тупик. Поэтому осознанная жертва Ореады ещё и протест против такого, воплощённого в образе Альдора мира искусства.

И обнаруженное во время грозового ливня уродливое «тёмное» растение без стебля (цветок расположен на ядовитых корнях), напоминающее одновременно и паука, и головоногого спрута из подводного мрака, – это тоже символ несовершенства мира и индивидуалистического, «тёмного» подхода к искусству, в котором преклоняются только перед признанными гениями – самовлюбленными мэтрами. Скорее всего, Альдор не способен убить в себе Минотавра индивидуализма, и умирающая Ореада в полубреду, с закрытыми глазами, говорит ему:

*Смотри, – обвили шею
Мне корни красного цветка
Во тьме последней ночи...
Альдор, о, пусть твоя рука
И мне раскроет очи!..* [8, с. 160].

Неслучайно автор делает здесь такой смысловой акцент: не закроет, а именно «*раскроет очи*». В этот момент восходит солнце, и мужественная Ореада «уходит к престолу Бога», устремляясь ввысь. И особым, эсхатологическим смыслом наполняются её слова:

*Заря мне смерть несёт! Смерть,
как заря, прекрасна...* [8, с. 158].

В этот момент продолжение индивидуального существования тоскующего Альдора ни Соловьёву, ни её героиню не интересует. Смерть Ореады сравнивается с зарёй, то есть речь идёт о перерождении. Происходит отрыв от «земной пыли» и пантеистическое слияние с Богом – в божественном огне. Одновременно это та самая «метаморфоза любви», о которой говорил Вячеслав Иванов в статье «Поликсена Соловьёва (Allegro) в песне и думе», опубликованной в той же книге, что и «Автобиографическая Заметка» П.С. Соловьёвой

¹. В своей статье В.И. Иванов писал: «Если читатель, развёртывая лирические свитки Поликсены Соловьёвой, будет вопрошать у них: – 'какую весть несете вы миру или таите от мира?' – ему послышится в ответ многократный и настойчивый шёпот: 'весть о любви небывалой, – о любви, побеждающей смерть.' (...) Совершенному возрасту человечества будет отвечать чудесная метаморфоза любви».²

С символистской точки зрения, христианские идеалы П.С. Соловьёвой – «любовь и вечная жизнь» – преломляются в образе Ореады, передающем устремлённость от языческих корней к будущей Святой Руси. В данном произведении героиня предстаёт перед читателем некоей языческой богиней, олицетворяющей внутреннюю силу мира, её энергию. О миссии Ореады в пьесе догадывается провидица с «водным» (озёрным) именем Изера, изучившая «влиянье звёзд и трав», живущая в хижине под каменным «тёмным крестом», вытесанным «не человеческой рукой». Изера говорит Ореаде:

*Я за тобой давно, дитя, следила...
Ты по горам ко мне, как облачко,
скользила...* [8, с. 147].

Христианская любовь и мистический опыт Ореады, отрекающейся от самоутверждения, имеет теургический характер. Поэтому младосимволисты после выхода в свет сборника «Иней» признали в П.С. Соловьёвой свою соратницу, – не только кровную, но и духовную сестру её знаменитого брата, философа Владимира Соловьёва.

¹ Русская литература XX века. 1890—1910 / Под ред. С.А. Венгерова; послесл., подгот. текста А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2004. 543 с.

² Там же.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гиппиус З. Живые лица. Стихи, дневники. Тбилиси: Мерани, 1991. 340с.
2. Гиппиус З.Н. Стихотворения; Живые лица/ Вступ. статья, сост., подгот. текста, коммент. Н. Богомолова. М.: Художлит., 1991. 471с.(Забытая книга).
3. Есенин С.А. /Составитель Е.А. Есенина. М.: «Советская Россия», 1966. 800 с.
4. Иванов В.И. Поликсена Соловьёва (Allegro) в песне и думе / В.И. Иванов // Русская литература XX века (1890 – 1910) / Под ред. проф. С.А. Венгерова: В 2 кн. М.: Издат. дом «XXI век – Согласие», 2000. –н. 2.471с.
5. Пушкин А.С. Сочинения в 3-х томах. Т. 1. М.:Художественная литература, 1985. 736 с.
6. Русская литература XX века. 1890–1910 / Под ред. С.А. Венгерова; послесл., подгот. текста А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2004. 543 с.
7. Русские символисты. М.: В.А. Маслов, 1895. Вып. 3. 53 с.
8. Соловьёва П.С. Иней : Рис. и стихи / П. Соловьёва (Allegro). Санкт-Петербург : т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1905. 159, [4] с. : ил.; 2017.
9. Тютчев Ф.И. Стихотворения. Серия «Заветная лира». М. : Эллис Лак , 2000. 384 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-6-125-127

ВАЛЕНТИНА ГРИГОРЬЕВНА БЕРЕЗИНА. К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Научная деятельность В. Г. Березиной началась на студенческой скамье в конце 1930-х годов. В начале июня 1941 года на филологическом факультете Ленинградского государственного университета она защитила дипломное сочинение «"Исповедь", "Боярин Орша" и "Мцыри" М. Ю. Лермонтова. История разработки образов и сюжета». Руководителем был профессор Б. М. Эйхенбаум. Он отметил, что сочинение «имеет исследовательский характер и может быть использовано в печати». Открывалась дорога в аспирантуру. Однако по распределению В.Г. Березина едет в Ивановский педагогический институт, где читает лекции по «Введению в языкознание» и «Истории русского литературного языка».

В конце 1942 года В.Г. Березина стала аспиранткой кафедры русской литературы ЛГУ, который находился тогда в эвакуации в Саратове. В сотрудничестве с профессором В.Е. Евгеньевым-Максимовым была начата разработка темы о деятельности Н.А. Полевого. В 1946 году в издательстве «Курская правда» выходит книга о его жизни и деятельности, написанная В.Е. Евгеньевым-Максимовым и В.Г. Березиной. В 1947 году в Иркутском областном издательстве следует её расширенное переиздание. В 1949 году В.Г. Березина защитила кандидатскую диссертацию «Литературно-общественная позиция Николая Полевого в "Московском телеграфе" 1825 – 1831 гг.», в которой была доказана принадлежность Н.А. Полевому 150 анонимных статей, рецензий, заметок.

В 1946 году В.Г. Березина стала преподавать на филологическом факультете ЛГУ, сначала на кафедре русской литературы, а с 1949-го – на кафедре истории русской журналистики. Более полувека продолжалась её педагогическая деятельность. Высокий профессионализм отличал лекции В.Г. Березиной по «Истории русской журналистики XVIII – первой половины XIX века», которые она читала несколько десятилетий вплоть до 1992 года. Эти лекции стали основой её глав в учебнике под редакцией профессора А.В. Западова «История русской журналистики XVIII – XIX веков», за десять лет выдержавшего три издания (последнее в 1973 г.). Одновременно В.Г. Березина выступила как организатор и один из авторов второго тома «Очерков по истории русской журналистики и критики» (Л., 1965).

Постепенно зарождался замысел докторского исследования «Белинский и вопросы истории русской журналистики». Диссертация была защищена в 1974

году, но начало увлечения Белинским относится к концу 1940-х годов, когда профессор Н.И. Мордовченко пригласил В.Г. Березину сделать комментарий к письмам критика и публициста. С той поры стала созидаться историко-филологическая база будущего большого исследования о Белинском-журналисте. В 1952 году в «Учёных записках Ленинградского университета» была опубликована статья «Белинский и Бакунин в 1830-е годы». Выполненная на новых архивных материалах, она стала событием в научном мире. Одновременно В.Г. Березина подготовила тексты Белинского и примечания к ним во 2-м и 3-м томах академического полного собрания сочинений (1952, 1953 гг.), в первом томе капитального четырёхтомного издания «Русские писатели о литературном труде» (1954 г.) и в книге «Русские писатели о языке» (1954 г.), а для двухтомника избранных писем Белинского (1955 г.) составила аннотированный комментарий имён и произведений.

После защиты докторской диссертации В.Г. Березина продолжила изучение наследия Белинского. В 1977 году в издательстве «Художественная литература» появился 2-й том девятитомного собрания сочинений критика с её вступительной статьей и примечаниями. В 1980-е годы В.Г. Березина публикует ряд статей в журнале «Русская литература», которые легли в основу её последней (восьмой по общему счёту) книги «Этюды о Белинском – журналисте и критике», выпущенной издательством Санкт-Петербургского университета (1991). Откликаясь на эту книгу, А.В. Западов писал: «Рецензируемая работа в силу бумажного дефицита невелика по объёму (в ней 8 п. л.), но

просто удивляешься, как много в ней сказано. Автор экономно пользуется словом, язык книги строг и лаконичен, аргументация отличается буквально математической точностью. И в то же время изложение ведётся в свободной, непринуждённой форме».

Годом ранее ленинградское отделение издательства «Художественная литература» выпустило солидный том литературной критики братьев Н.А. и К.А. Полевых (в работе над ним принимал участие И.Н. Сухих). К дарственной надписи автору этих строк В.Г. Березина сделала примечание: «Моего здесь больше половины Николая Полевого и весь Ксенофонт. В.Б. 24. IX. 1991». Уже отметив своё восьмидесятилетие, В.Г. Березина опубликовала в журнале «Русская литература» статью «Критика Н.А. Полевого в “Московском телеграфе” (жанры, композиция, стиль)». Продолжая мысли известной книги Б.Ф. Егорова «О мастерстве литературной критики» (Л., 1980), В.Г. Березина показала вклад Н.А. Полевого в обновление и утверждение важных понятий литературно-критической оценки. В частности сказано: издатель «Московского телеграфа» «выдвинул понятие “метод исторической критики” (в статье об А.Ф. Мерзлякове...)», он «ввёл понятие “историко-критическое исследование”» (1834 г.), «утвердил... жанр критико-биографической статьи», а К.А. Полевой «впервые употребил» понятие «индивидуальность», позаимствовав его из французской критики: «Это – употребим слово нерусское, неприятное для слуха, здесь необходимое – индивидуальность поэта, ибо сего свойства не выражает ни русская самобытность, ни варварски выкованная особенность».

Вслед за героями своих научных исследований В.Г. Березина стремилась к терминологической точности. Её девизом явилась мысль Р. Декарта: «Определяйте значение слов и вы избавите мир от половины заблуждений». Стремясь предостеречь историко-журналистскую науку от некоторых заблуждений В.Г. Березина много времени уделяла разработке истории терминов и понятий («журналистика», «публицист», «публицистика» и др.).

Белинский, безусловно, главный герой научного творчества В.Г. Березиной. Его неперенным спутником был Н.А. Полевой. Прав один из многочисленных её учеников, в шутовском приветствии сказавший: «Какой-то силой сатанинской связало эти имена: Н. Полевой, В.Г. Белинский и В. Березина». Разумеется, диапазон исследовательских интересов этими именами не исчерпывался. Она писала о «Трудолюбивой пчеле», А.П. Сумарокова, о Н.И. Новикове, «Современнике» А.С. Пушкина, участвовала в подготовке текстов для собрания сочинений А.И. Герцена, много лет изучала газеты 1860-х годов. И о них много написала, но рукопись осталась неопубликованной и, вероятно, безвозвратно утеряна.

В общей сложности В.Г. Березиной принадлежит более 80 опубликованных работ. Её интеллектуальная актив-

ность сохранялась и в последние годы жизни. Более всего об этом свидетельствует обращение к новой теме – истории русской цензуры, к деятельности А.В. Никитенко. Научное наследие В.Г. Березиной навсегда останется в истории русской филологической науки. Об этом свидетельствует и включение её работ в академический указатель «История русской литературы XIX–начала XX века / под ред. К.Д. Муратовой. СПб., 1993». Замечу попутно, что иногда и такой указатель не гарантирует внимание исследователя, если он предпочитает не интересоваться историей вопроса. Так случилось с автором статьи «К истории закрытия журнала «Московский телеграф»» (См.: Рукописи, редкие издания, архивы. Из фонда Отдела редких книг и рукописей // отв. ред. И.Л. Великодная. М., «Индрик», 2004); он не заметил статьи В.Г. Березиной «Из цензурной истории журнала “Московский телеграф”». (1. Неизвестный номер “Московского телеграфа” за 1833 год; 2. К рецензии Н.А. Полевого на пьесу Н.В. Кукольника “Рука всевышнего отечество спасла”»») (Русская литература. 1982. № 4). Но это ни в коей мере не умаляет заслуг В.Г. Березиной, память о научных делах которой вступает во второе столетие.

В.В. Перхин

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-6-128-129

«ДУХ ЦЕЛОМУДРЕННО-СВОБОДНЫЙ»: КРУГЛЫЙ СТОЛ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗУЧЕНИЮ ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА Н.М. КАРАМЗИНА

5 октября 2015 года на факультете русской филологии Московского государственного областного университета состоялся круглый стол, посвящённый изучению личности и творчества Н.М. Карамзина, в связи с приближающимся 250-летним юбилеем писателя и подготовкой энциклопедического словаря, которую ведут учёные – представители ведущих вузов Москвы и других городов России.

Проблема персонального словаря, представляющего широкому читателю разнообразные историко-культурные, литературные и биографические сведения, объединённые личностью крупного писателя возникла в нашей литературной науке достаточно давно. Два издания энциклопедического справочника о Лермонтове (1981; 2014) стали удачным образцом для целого ряда проектов, осуществлённых в течение 1990-2000-х гг.; при этом выявился целый ряд методологических вопросов, среди которых и принципы подачи материала, и степень полноты био-библиографических сведений, уместных в издании энциклопедического типа, и предполагаемый адресат книги. Всё это актуально для проводимого проекта, и потому целью круглого стола было определить методы работы, принципы подачи материала, а также наиболее актуальные сегодня проблемы изучения карамзинского наследия, освещение которых и предполагается в словаре.

Выступления участников круглого стола были связаны как с более общими, так и с частными вопросами трактовки жизни и творчества писателя. Принципы составления персональной энциклопедии, посвящённой русскому писателю XVIII века, и проблемы, связанные в этом случае с освещением историко-культурного и био-библиографического материала, рассматривались в докладе д.ф.н. Т.А. Алпатовой (МГОУ) «Карамзинский энциклопедический словарь: каким ему быть?». В докладе д.ф.н., проф. Л.А. Сапченко (Ульяновск) был сделан обзор литературно-критических и научных материалов, посвящённых творчеству Н.М. Карамзина, в связи с проблемой представления на страницах словаря историографических сведений («Критика и литературоведение о Н.М. Карамзине: 1820-е – 1900-е годы»). Вопросы изучения поэзии Н.М. Карамзина в аспекте эволюции творческого метода писателя и литературной ситуации эпохи рассматривались в докладе д.ф.н. А.И. Иваницкого (ИВГИ РГГУ) «Ещё раз о соотношении “сентиментального” и “классицистического” идеалов в поэзии Н.М. Карамзина». К.ф.н. А.В. Архангельской (МГУ им. М.В. Ломоносова) поднимались

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-04-00494 «Н.М. Карамзин: энциклопедический словарь»

проблемы представления на страницах словаря материалов, связанных с «Историей государства Российского» («Исторические персонажи Древней Руси в трактовке Н.М. Карамзина»).

Ряд сообщений был посвящён более частным проблемам творчества писателя: вопросы трактовки Карамзиным образа Наполеона на страницах журнала «Вестник Европы» осветила д.ф.н. Н.Д. Блудилина (ИМЛИ им. А.М.Горького) («Дух нового времени» в статьях Н.М. Карамзина в журнале «Вестник Европы»); проблемы соотношения текста и авторских примечаний в произведениях Н.М. Карамзина рассматривала д.ф.н. О.Г. Лазареску (МГПУ). В сообщениях д.ф.н. И.А. Киселевой (МГОУ) «М.Ю. Лермонтов и Н.М. Карамзин», д.ф.н. О.Л. Кулагиной

(МГУ им. М.В.Ломоносова) «А.Д. Кантемир в творческом сознании Н.М. Карамзина», к.ф.н. Ю.Н. Сытиной (МГОУ) «Н.М. Карамзин и В.Ф. Одоевский» была обрисована специфика творческих связей, проблемы литературной преемственности и возможного «наследования» во всех многообразных нюансах этого историко-литературного явления, возникающих в связи с рассмотрением творчества Карамзина. Сообщение К.А. Поташовой (МГОУ) «Прижизненные портреты Н.М. Карамзина» было посвящено обзору иконографии писателя и характеристике основных тенденций её трактовки, сложившихся в литературоведческой и искусствоведческой науке XX века.

К.А. Поташова

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-6-130-133

ЗАПОВЕДНЫЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР М.Ю. ЛЕРМОНТОВА КАК «ДОРОГА К ЦАРСТВУ БОЖИЮ» [1, С.151]. РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ «ДУХОВНЫЕ СМЫСЛЫ ПОЭЗИИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА: (И.А. КИСЕЛЁВА И ДР. М.: ООО «ДИОНА». 190 С.).

В отношении феноменальной исключительности литературного наследия Михаила Юрьевича Лермонтова, знаменательный 200-летний юбилей которого весь мир и научно-интеллектуальное сообщество отметили в 2014 году, сказано немало. «Год Лермонтова» ознаменовался выходом в свет не только оригинального и своевременного итогового Энциклопедического словаря [5], но и целого ряда основательных научных исследований, монографий, учебно-методических пособий. Проблема лермонтовской личности с её духовно-религиозным пафосом нравственных исканий, рефлексивно-аналитическим психологизмом и напряжённым, достигающим трагического накала чувством персонализма интересует не одно поколение интерпретаторов.

На современном этапе актуальным представляется органический синтез глубоких научных изысканий с литературно-методическим комплексом, востребованными не только современной вузовской и школьной программой по литературе, но и смежными дисциплинами (мировой художественной культурой, краеведением, основами православной культуры, культурологией, а главное, духовными запросами и расширенным горизонтом познания современных учащихся.

Для работы на уроке серьёзным подспорьем может стать учебное пособие «Духовные смыслы поэзии М.Ю. Лермонтова» (2014), подготовленное молодыми учёными Московского государственного областного университета. Авторы пособия стремились на анализе лирической системы классика рассмотреть «вопросы внутренней телеологии произведения» [7, с. 25], раскрыть авторское «стремление к идеалу» [4, с. 83], чтобы дети увидели в лермонтовской поэзии «изображение мира и человеческой жизни в многообразии и сложности» [4, с. 85-86], доказать, что «видение мира в свете вечности, ожидание Вечного Судии и воскрешения мёртвых, вера в справедливость Божьего воздаяния – именно это стало основой поэтического мироощущения М.Ю. Лермонтова и определило исповедальный пафос его творчества» [1, с. 150]. В методическом пособии на фоне широкого историко-литературного контекста поднимается вопрос о духовной миссии художника, роли М.Ю. Лермонтова в аксиологическом становлении и укреплении основополагающих ментальных понятий русского мирознания: Бог, родина, любовь, счастье.

Композиционное построение книги и её учебно-методический инструментарий определяется необходимостью изучения религиозно-философского и художественного своеобразия творчества поэта как нравственно-этической системы духовных координат, включающей в себя многообразие онтологических связей, мира и человека с Богом. Заслугой авторов является как практическая реализация методики комплексного анализа литературного произведения, так и акцентирование представленного в разных видах искусства духовного подтекста лермонтовских произведений. Системный подход, реализованный в установлении связей между поэзией, музыкой и живописью, аргументирует мысль авторов об иерархичности и целостности лермонтовского религиозно-этического идеала, определяющего духовное своеобразие его творчества.

Сложные проблемы лермонтоведения, рассматриваемые на основе интегрированного подхода, дают учащимся интеллектуально-аксиологическую пищу для литературных дискуссий, а наблюдения обучающихся над текстами позволяет отметить многочисленные нити духовных связей, актуальность тем и мотивов, закрепившихся в национальной поэтосфере, проследить связь наследия классика со сложившимися культурными реалиями современности. Благодаря отобранному масштабному цитатному и иллюстративному материалу, авторам удалось показать весь комплекс интерпретаций творчества православного художника слова, включающий разные его уровни: поэтико-языковой, визуальный, музыкальный с использованием на уроке аудиальных материалов,

облегчающих понимание «духовного смысла произведения» [1, с.30].

Среди явных достоинств издания следует отметить высокий интеллектуальный и методический уровень подачи материала, практические советы по использованию и работы с информацией, применение современных психолого-педагогических методов и форм учебно-воспитательной деятельности, способствующих выработке аналитического мышления на опыте научного анализа (урок-исследование, лабораторная работа на основе моделирования, урок-лекция с элементами дискутирования лектора с аудиторией, технология «корабельного совета», «рефлексия» и т. д.).

В контекст филологического анализа вводится как терминология литературоведения, так и понятийно-терминологические элементы христианства, философии, искусствоведения, музыки и культурологии в целом, что позволяет не только расширить и обогатить лексикон учащихся, но и повысить интеллектуально-познавательный интерес к чтению научной литературы, к поиску «ответов на вечные вопросы жизни» [1, с. 43]. В диалоге с педагогом в виде интеллектуально-аналитической беседы ученики самостоятельно приходят к постановке вопросов и проблем, способствующих глубокому и целостному пониманию художественного произведения. По мнению И.А. Киселевой, «высокий познавательный потенциал лермонтовских текстов, обращённых к уяснению бытийных вопросов, позволяет при их анализе в качестве ведущего использовать познавательный ценностный подход, при котором понимание художественного произведения предполагает открытие читателем объек-

тивных ценностей бытия, хотя в то же время восприятие текста опирается на читательскую ценностную парадигму» [1, с. 135].

В книге детально проработаны многочисленные функциональные связи между элементами художественно-философской системы М.Ю. Лермонтова, вписанной в культурный контекст эпохи. Путём выделения лейтмотивов в поэзии классика показано лермонтовское «интеллектуальное переживание Библии» [2, с. 122].

Авторы пособия убеждены, что «Поэтическая личность Лермонтова в самом деле представляет собой открытие, повернувшее пути русской литературы, и необыкновенное даже для мировой поэзии» [8, с. 471].

Исследователи ставят задачи не только сохранить для молодого поколения элементы «духовной памяти» [6, с. 605] в контексте поэтического творчества М.Ю. Лермонтова, но и испытывают художественное волнение от «живого восприятия самого произведения» [7, с. 31], осуществляя «психологическое погружение» [7, с. 29] в симфонию лермонтовского слова. В книге обосновывается и практически выполняется системный анализ творчества писателя не только с точки зрения соотношения творца и творения, но и глобального комплекса интертекстуальных связей: обозначен широкий «спектр адекватности» [3, с. 3] в интерпретировании литературного текста (в качестве отдельной группы уроков рассмотрены темы «Лермонтов и музыка», «Лермонтов и живопись», «Лермонтов и библейская образность»). В издании выражена оригинальная в своей индивидуальности теоретически и методически обе-

спеченная авторская позиция.

В итоговом разделе пособия даны темы для научно-исследовательских работ и рефератов, которые способны сориентировать учащихся на «пути когнитивного анализа произведений поэта» [1, с. 132]. В Приложении 1 «приводятся методические разработки дореволюционного педагога Цезаря Павловича Балталона (1855–1913)» [1, с. 160], написанные с высокой долей профессионализма, что позволяет их использовать практикующему педагогу в методике построения современного урока и подготовки к нему. В Приложении 2 представлен корпус хрестоматийных текстов классика с белым автографом «Смерти поэта» и списком используемых иллюстраций.

Учебное пособие, подготовленное коллективом авторов во главе с доктором филологических наук И.А. Киселевой, является значимым событием не только для современного лермонтоведения, но и необходимым связующим звеном, научно-методологической базой как вузовского, так и школьного изучения творчества классика в контексте религиозных исканий современной эпохи. Книга будет полезна не только литературоведам и методистам, но и практикующим учителям-словесникам, а также и всем тем, кто любит творчество М.Ю. Лермонтова, а главное, дорожит духовным потенциалом русской классической поэзии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Духовные смыслы поэзии М.Ю. Лермонтова: учебное пособие /И.А. Киселева и др. М.: ООО «Диона». 190 с.
2. Зотов С.Н. Художественно-пространство – мир Лермонтова. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2001. 322 с.

3. Есаулов И.А. Спектр адекватности в истолковании литературного произведения: «Миргород» Н.В. Гоголя. Рос. гос. гуманитар. ун-т. М., 1997. 101с.
4. Киселева И.А. О познавательном ценностном подходе к творчеству М.Ю. Лермонтова: телеология текста// Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2013. № 6. С. 82–87.
5. Лермонтов М.Ю. Энциклопедический словарь. Гл. редактор и сост. И.А. Киселева. М.: «Индрик», 2014. 940 с.
6. Пумпянский Л.В. Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы М.: Языки русской культуры, 2000. 864 с.
7. Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей. [Текст]: статьи и исследования о русских классиках. М.: Художественная литература, 1972. 541 с.
8. Эткинд Е. Пастернак и Лермонтов. К проблеме поэтической личности //Эт-кинд Е. Там, внутри. О русской поэзии XX века. Очерки. СПб.: Изд-во «Максима», 1997. С.471.

О.В. Сахарова

НАШИ АВТОРЫ

Айрян Заруи Геворковна – кандидат филологических наук, доцент кафедры армянского языка и литературы, Национальная академия наук республики Армения, старший научный сотрудник Института литературы им. М. Абеяна республики Армения, e-mail: nerses91@rambler.ru

Алпатова Татьяна Александровна – доктор филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета, e-mail: Alpatova2005@rambler.ru

Белукова Виктория Богдановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета, e-mail: zaglobav@mail.ru

Блудилина Наталья Даниловна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, e-mail: dilinata@mail.ru

Евсюкова Татьяна Всеволодовна – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, декан факультета лингвистики и журналистики, Ростовский государственный экономический университет, e-mail: nice.tevs@mail.ru

Канафьева Аля Васильевна – доктор филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета, e-mail: kanafeva.alya@mail.ru

Киселева Ирина Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета, академик Международной академии наук педагогического образования e-mail: classikaXIX@rambler.ru

Коренева Юлия Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета, e-mail: yukor74@mail.ru

Крылова Снежана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета, e-mail: s_a_53@mail.ru

Леденёва Валентина Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета, e-mail: 1684941@mail.ru

Лекант Павел Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета, e-mail: kanafeva.alya@mail.ru

Ливинская Ирина Владимировна – аспирант кафедры филологии, Новосибирский государственный технический университет, e-mail: irenka-90@mail.ru

Орехова Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета, e-mail: toptygina@gmail.com

Павлова Анна Васильевна – аспирант кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета, e-mail: anuapavlova-91@mail.ru

Перхин Владимир Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры истории журналистики, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail:

Поташова Ксения Алексеевна – ассистент кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета, e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

Самсонов Николай Борисович – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета, e-mail: ns3210@mail.ru

Сапченко Любовь Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова, e-mail: ssj-sla@mail.ru

Сахарова Оксана Викторовна – соискатель ученой степени кандидата филологических наук кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета, учитель Закона Божьего Воскресной школы храма равноапостольного князя Владимира Долгоруковского благочиния Елецкой епархии Липецкой митрополии Русской Православной Церкви; e-mail: oksana-sakharova0@rambler.ru

Снычева Екатерина Анатольевна – соискатель кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета, e-mail: snychjova@rambler.ru

Шилова Елена Сергеевна – соискатель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Ростовского государственного экономического университета, e-mail: alenkarostov@gmail.com

Щемелинина Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, докторант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета, e-mail: baggi-8@yandex.ru

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодня выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ «РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ»
2015. N 6

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» Л.В. Туркова
литературный редактор Т.Е. Шаповалова
переводчик И.С. Шаповалов
компьютерная вёрстка Д.А. Зверева

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 8,5, усл. п.л. 8,5.
Подписано в печать 25.12.2015. Заказ № 2015/12-2.
Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а